

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Токмурзаев Бакыт Салманович

**АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В
ИМПЕРСКОМ ПРОЕКТЕ И ПРАКТИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор ист. наук, профессор
Чуркин Михаил Константинович

Омск – 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3-63
Глава I. Аграрная колонизация степной полосы Западной Сибири в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.....	64
1.1. Степной край как район аграрной колонизации в представлениях российского общества.....	64-85
1.2. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти.....	86-114
1.3. Земледельческая колонизация Степного края в российском законодательстве второй половины XIX – начала XX вв.....	115-142
Глава II. Сословные группы Степного края в имперской системе аграрной колонизации региона.....	143
2.1. Переселенческий контингент в имперской практике аграрного освоения территорий Степного края.....	143-169
2.2. Сословия Степного края в имперском механизме аграрной инкорпорации Западной Сибири.....	170
2.2.1. Переселенцы и «иностранцы» региона: содержание и характер взаимоотношений в колонизационном процессе второй половины XIX – начала XX вв.....	170-200
2.2.2. Сибирское казачество в этническом и социокультурном пространстве Степного края.....	200-220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	221-227
Список использованных источников и литературы.....	228

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Осмысление исторического опыта аграрной колонизации Сибири путём выявления акторов и субъектов колонизационного процесса, их роли и влияния на результаты инкорпорации территорий региона в общеимперское пространство представляется научно значимым и актуальным. Аграрное освоение Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. является знаковым сюжетом отечественной истории, поскольку продвижение русской оседлости в степные области восточных окраин страны осуществлялось в сложных контекстных геополитических, этнокультурных и социокультурных обстоятельствах. Исследуемый период чрезвычайно важен с точки зрения рефлексии и оценки факторов формирования имперской идентичности, так как в обсуждении, фиксации и практической реализации задач, связанных с внедрением и распространением земледельческих практик в степных областях Западной Сибири, появляется реальная возможность воссоздания имперского измерения истории России.

Существенным представляется и то, что во второй половине XIX – начале XX вв. Степной край становится зоной активного взаимодействия центральной и региональной бюрократии, ориентированной на стабилизацию отношений в гетерогенном в этническом, социальном и конфессиональном плане социуме региона. Произошедший в имперской политике разворот от военно-политической колонизации к аграрному освоению сопровождался разработкой проектов «оцентрирования» колонизируемых территорий, что способствовало формированию общественно-политического дискурса и включению в него власти и образованной части общества.

Обращение к проблеме аграрной колонизации Степного края в имперском проекте и практиках может до известной степени

способствовать сближению российского и национальных историографических дискурсов, в которых данный процесс рассматривался и во многом рассматривается в исключительно антиномичных категориях: как «абсолютное благо» или «абсолютное зло» для коренного населения, вовлекаемого в общеимперский социальный контекст. Привлечение к работе принципов и подходов научно-исследовательской практики «новой истории империи» предоставляет возможность преодоления эмоциональной составляющей в объяснении содержания и логики взаимодействия имперских властей и локальных сообществ в Степном крае, позволяет дать взвешенные оценки роли социальных групп в аграрной колонизации, факторам координации и регулирования властными структурами управления, механизмам инкорпорации региона в состав Российского государства.

Степень изученности темы. Проблема аграрной колонизации Степного края с учётом внедрения имперского ресурса в проектирование данного процесса и разработку соответствующих практических мероприятий становится широко растиражированным историографическим сюжетом со второй половины 1870-х гг., совпав, таким образом, с началом переселенческого движения в регион и институционализацией регулярного земледельческого опыта, реализуемого крестьянством.

Следует отметить, что генеральной тенденцией в оценке аграрной колонизации степных областей Западной Сибири в историографии являлось стабильное отношение к проблеме как к знаковому факту империостроительства, что определило постоянное присутствие идеологической составляющей в характеристике социальных, политических и культурных аспектов колониационного процесса. В этом отношении подход, при котором исследователи, формируя историографическое пространство научной проблемы, прибегают к традиционной периодизации по модели «дореволюционный», «советский»,

«современный» этапы, представляется нам непродуктивным, поскольку исчезновение империй в России неизбежно сопровождалось и сопровождается возобновлением новых «имперских ситуаций» и, как следствие, утверждением очередных имперских шаблонов в характеристике процессов, происходивших на восточных окраинах страны.

Специфика аграрной колонизации Степного края в отличие от других осваиваемых в восточных пределах территорий (Томская, Тобольская губернии) заключалась в рельефно очерченной гетерогенности колониационного контекста, смешении военных и мирных задач, а также участии в колонизации социальных групп с отчётливо выраженными признаками этнической, социальной, культурной идентичности, что предопределило высокую степень имперской «включённости» в разработку проектов колонизации и решение практических задач инкорпорационного характера.

На этом фундаменте сформировалась и достаточно сложная историографическая ситуация, которая в разные исторические периоды репрезентировала противостояние отечественных имперских и национальных мифов, фиксируя идеологические штампы о «благотворном влиянии российской колонизации на судьбу коренных народов», «преодолении экономической отсталости посредством смены культурного типа инородцами и перехода к оседлому образу жизни», «ущемлении естественных прав кочевников», «насильственной русификации» и т.д. Смена идеологических парадигм приводила к изменению акцентов и некоторому сближению историографических дискурсов, рождая новые номинации мифа: «угнетение коренного населения окраин царизмом», «дружба русского и казахского народа в условиях имперской экспансии». При этом неизменной продолжала оставаться имперская доминанта в изучении процесса включения степных областей Западной Сибири в общеимперский механизм.

В данной связи видится эффективным осмысление логики и динамики складывания и эволюции **российской** и **казахстанской** историографических традиций в системе координат имперского присутствия в процессе аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Фундамент российской историографической традиции по научной рефлексии и оценке причин, хода и результатов аграрной колонизации Сибири и её отдельных регионов закладывался в условиях стабильного роста авторитета науки и, по справедливому замечанию современных исследователей, «веры в непреложность точных фактов, статистически подкрепленных моделей»¹. Всё это создавало благоприятные предпосылки для превращения изысканий российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей в основание для внедрения административных интеграционных практик, дезавуировало и усиливало роль имперского фактора в колонизации.

Позитивистский формат историографии конституировался в условиях активных территориальных приращений, в том числе районов с преобладанием инородческого сегмента, а также локальных сообществ, сложившихся в начальной фазе колонизации, что инициировало исследования историко-экономического и этнографического характера, придавая им масштаб и значение научной экспертизы. Показательно, что смена вектора колонизации степных областей Западной Сибири, выразившаяся в постепенном отказе от признания главенства военно-политических задач в пользу обсуждения аграрных перспектив региона была тесным образом связана с практической экспедиционной (1877-1890 гг.), научно-исследовательской (1890-1905 гг.) работой учреждённого в 1877 г. (г. Омск) Западно-Сибирского отдела Императорского Русского

¹ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013. С. 121.

географического общества. «Политика населения»², утвердившаяся в качестве приоритетного метода в имперских практиках России, предполагала активное вмешательство властных структур в колониционный процесс и его составляющие, что означало осознание имперской бюрократией необходимости «научного завоевания» перспективных в аграрно-земледельческом отношении территорий. Организованные ЗСОИРГО экспедиции проводились выдающимися учёными под контролем или при финансовой поддержке центральной (региональной, местной) администраций и были призваны выявить экономический потенциал региона, определить основные траектории его хозяйственного освоения, наметить перспективы земледельческой колонизации, уточнить стратегии управленческой деятельности в отношении коренного населения и локальных групп принимающего общества.

Имперский ракурс исследований Степного края обозначился уже к концу 1870-х – началу 1880-х гг., когда в экспедиционную и научную деятельность ЗСОИРГО включались не только общественно-политические деятели и учёные, но и представители военного сословия, а также чиновничество. Известно, что один из основателей отдела, лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, первоначально критиковавший ЗСОИРГО за преобладание в нём военно-чиновничьего контингента, сам впоследствии неоднократно выполнял поручения губернской администрации, выступая в качестве правительственного чиновника. Именно Н.М. Ядринцевым на общем собрании отдела 25 октября 1877 г. была сформулирована задача ЗСОИРГО о необходимости разработки широкой программы этнографических исследований в Западной Сибири и Степном крае³. В дальнейшем практика подобного «совмещения» получила широкое распространение в экспедиционных

² Холквист П. Российская катастрофа (1914-1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI. М., 1998. № 11-12. С.30.

³ Извлечение из протоколов заседаний ЗСОИРГО // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1881. Кн.3. С.2.

мероприятиях И.Я. Словцова, Н.Н. Балакшина, Н.К. Хондажевского, Н.П. Григоровского и др., когда изыскания в области этнографии, ботаники, почвоведения, климата, обустройства переселенцев, хозяйственной жизни казачества и «инородцев» края, состояния торговых путей признавались в равной степени существенными и поручались людям, которые, по мнению властей, выполняли важное имперское поручение.

С начала 1880-х гг. в связи с эскалацией нелегитимных переселений в Степной край, прежде всего в Акмолинскую область, ЗСОИРГО фактически взяло на себя функции переселенческого управления в отсутствие специальных учреждений, предназначенных для координации миграционных процессов в регионе. В этой связи ключевыми темами, разрабатываемыми исследователями по результатам экспедиций, становятся проблемы колонизационной ёмкости территорий Степного края, состояния и перспектив кочевого хозяйства в местах, включаемых в орбиту переселенческого движения.

В русле выявления и характеристики условий для организации пашенного хозяйства и переселенческого движения в 1870-х – 1890-х гг. строится исследовательская деятельность ЗСОИРГО и его подразделов, реализуемая в многочисленных статьях, заметках, докладах членов общества, в которых оценивается природно-географический, экономический потенциал Степного края, даются детальные описания этнографического состава населения. Доскональные исследования различной направленности были проведены И.А. Словцовым и Ю.А. Шмидтом (естественно-исторические условия края), П.Г. Игнатовым и Г.Е. Катанаевым (гидрология и земледелие), П.В. Степановым, Н. Лебедевым, В.Ф. Королёвым (сельское хозяйство), А.Я. Гордягиным, Г.Г. Анзимировым, К.Л. Гольде (растительность, геология, почвенно-ботанические условия), М.А. Шестаковым (этнография) и др.⁴

⁴ *Словцов И.Я.* Путевые записки за поездку в Кокчетавский уезд в 1878 г. // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXI. Омск, 1897. С.1-198; *Шмидт Ю.А.* Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в

Именно в системе координат деятельности ЗСОИРГО были предприняты в этот период первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колониационного потенциала сословий Степного края: представителей коренного населения, казачества и крестьян-переселенцев из Европейской России.

Так, чиновником особых поручений Н.Н. Балакшиным, в 1878 г. командированным в Степной край и выполнявшим «политический заказ» генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, при оценке будущего номадических общин региона была высказана мысль о сомнительности верноподданнических чувств кочевников, а также озвучена идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал гражданственности среди кочевников⁵.

Н.М. Ядринцевым разработана и опубликована в 1880 г. скрупулёзная программа исследования инородцев Западной Сибири⁶, положения и методики которой легли в основание фундаментальной монографии «Сибирь как колония в историческом, географическом и этнографическом отношении»⁷. Обобщая в ней собственный экспедиционный и исследовательский опыт, Н.М. Ядринцев представил детальную классификацию сибирских «инородцев», определил хронологические границы и основные аспекты решения «инородческого» вопроса в Российской империи, выявил признаки хозяйственно-

Акмолинской области // Там же. Кн. XVII. Омск, 1894. С.1-149; *Игнатов П.Г.* Обследование озёр Акмолинской области летом 1899 г. // Юб. Сбор. ЗСОИРГО. Омск, 1902. С.112-113; *Катанаев Г.Е.* Несколько данных по вопросу о пригодности киргизских степей к земледельческой культуре // Записки ЗСОИРГО. Кн. XVII. Омск, 1894. С.27-28; *Степанов П.Ф.* О поездке в 1889 г. в голодную степь // Там же. Кн. VIII. Омск, 1898. С.17-18.; *Лебедев Н.* К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской области // Там же. Кн. XXXIV. Омск, 1908. С.1-121; *Королёв В.Ф.* Описание нескольких образцов почв Акмолинской области // Там же. Кн. XXIV. Омск, 1898. С.1-12; *Гордягин А.А.* О Кокчетавских лесах // Там же. Кн. XXII. Омск, 1897. С.1-18; *Анзимиров Г.Г.* Геологический материал из Кокчетавского уезда Акмолинской области // Юб. Сбор...С.63-64; *Гольде К.Л.* Наблюдение над появлением растений, заносимых в г. Омск и его окрестности из других мест // Записки ЗСОИРГО. Кн. X. Омск, 1889. С.11-15; *Шестаков М.А.* Краткие сведения об этнографических исследованиях 1886 г. в Омском уезде // Отч.1885-1886. С.9.

⁵ *Балакшин Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб., 1887.

⁶ *Ядринцев Н.М.* Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып.1880 г. 16 с. Отд. издание.

⁷ Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003.

культурного типа представителей кочевой цивилизации в Сибири и её отдельных областях, очертив круг потребностей сибирских «инородцев» и результаты русского культурного влияния⁸. В результате исследователь пришёл к концептуальному выводу, сообразно с которым, признавая факт «вымирания» «инородцев», он оговаривался, что этот процесс охватывает не все народы, «исключение составляют, по-видимому, пока южные кочевники – буряты, киргизы, калмыки»⁹. Тем самым Н.М. Ядринцевым были обозначены основные параметры и направления в изучении различных аспектов колонизации Сибири, в том числе в связи с вопросом о соотношении имперских практик освоения степных областей региона с уровнем коммуникативной восприимчивости и адаптивного потенциала коренных народов к включению в российское социокультурное пространство.

В результате уже в середине 1890-х гг. в центре внимания части деятелей ЗСОИРГО оказываются проблемы «инородческого» сегмента населения Сибири, которые по своей сложности выходили за рамки сугубо этнографических, природно-географических и историко-экономических описаний. Внешним фактором, ориентировавшим исследователей на написание работ «на злобу дня» с использованием новых методологических приёмов и аналитических обобщений, стал рост крестьянских переселений в Степной край, вносящий видимые коррективы в организацию хозяйственной жизни, быта и повседневного опыта коренных жителей региона. В частности, член ЗСОИРГО В.А. Остафьев итоги своей экспедиционной и кабинетной работы подвёл в фундаментальной статье «Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве», где была выявлена роль акторов власти в смене вектора колонизации и представлены аргументы центральной и региональной бюрократии в связи с выбором курса на аграрную

⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония...С.134-162.

⁹ Там же. С.21.

колонизацию степных областей¹⁰. В.А. Остафьев, будучи сторонником либеральной концепции «взросления киргизского населения» вследствие культурного «вторжения» русского крестьянского элемента, связывал перспективы освоения края с его районированием, а также четким определением тех ареалов, где возможно внедрение земледельческих практик. Всё это, с точки зрения В.В. Остафьева, могло быть достигнуто в процессе изучения края, но не с «тарантаса», а посредством привлечения широкой общественности и специалистов¹¹.

Последовавшая реакция научного сообщества отдела выразилась в репрезентации на страницах печатных изданий учреждения широкого спектра тем, отразивших актуальность «инородческого» вопроса. В статьях В. Владимирского, Н. Зеланда, Г. Е. Катанаева, Н. Максимова, Т.И. Седельникова обсуждались проблемы перехода коренных народов Степного края в оседлое состояние, пригодности степных участков к организации культурного земледелия, правового устройства, семейных отношений и быта кочевого населения¹².

«Инородческая» проблематика, заявленная и разрабатываемая в трудах исследователей ЗСОИРГО, корреспондировала с авторской рефлексией переселенческого вопроса, что свидетельствовало об обретении мигрантами из Европейской России статуса основного субъекта колонизации, а также формировании имперских переселенческих практик в Степном крае, активно вовлекавшемся в процесс аграрной колонизации. В работах А.А. Морозова, П. Подшивалова, И. Савенкова, В.М. Лыщинского и др. поднимались вопросы не только организации

¹⁰ Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXVIII. Омск, 1895. С.1-62.

¹¹ Там же. С.60.

¹² Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXV Омск. 1898. С.22-27; Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // Записки ЗСОИРГО. Вып. VII. Омск, 1885. С.1-78; Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их хозяйственной и домашней обстановке // Там же. Вып. XV. Омск, 1893. С.1-38; Максимов Н. О необходимости приступить к составлению сборника киргизского обычного права // Записки ЗСОИРГО. / Отч.1897. – С.9-12; Седельников Т.И. О киргизской нормальной семье по исследованиям Щербины // Там же / Отч. 1902. С.21.

переселенческих участков и учёта природно-географических условий мест водворения мигрантов, но и проблемы имперской инкорпорации степных районов Западной Сибири, что выражалось, например, в постановке и обсуждении проектов железнодорожного строительства в границах земледельческих местностей Степного края¹³. Заметный вклад в исследование переселенческого дела в Западной Сибири и её степных районах был внесён и политическими ссыльными И.А. Гурвичем и К.Р. Качоровским, опубликовавшими фрагменты своих фундаментальных работ, посвящённых переселениям в контексте государственной политики, на страницах изданий ЗСОИРГО, что в значительной степени способствовало популяризации миграционной проблематики и её включению в общественно-политический дискурс эпохи¹⁴.

Одним из наиболее острых в ряду обсуждаемых сотрудниками ЗСОИРГО являлся вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края. Общеизвестно, что изучением истории сибирского казачества в XIX – начале XX вв. занимались исследователи, в разные годы участвовавшие в работе ЗСОИРГО, такие как Г.Н. Потанин, Г.Е. Катанаев, Н.Г. Путинцев, Ф.Н. Усов и др. Будучи выходцами из казачьей среды, названные авторы, по всей видимости, болезненно восприняли критические эскапады, получившие широкое распространение во властной риторике в связи с неспособностью сословия к культуртрегерской деятельности и включению в земледельческий процесс. Симптоматично, что в статьях и заметках, опубликованных на страницах Записок ЗСОИРГО, один из ярких представителей «казачьей историографии», Г.Е. Катанаев, акцентировал внимание на героической

¹³ Морозов А.А. Переселенческие посёлки Омского уезда в 1897 г. // Записки ЗСОИРГО. Вып. XXVII. Омск, 1900. С.1-23; Подшивалов П. Нужно ли соединять Омск с Тюменью рельсовым путём. Доклад. Отч. 1902. С.6-7; Савенков И. К вопросу о проведении рельсового пути от Тюмени до Омска. Доклад. Отч. 1902. С.12-13; Лыщинский В.М. Постановка дела снабжения питьевой водой переселенцев Акмолинской области. Доклад. Отч. 1911. С.35-39.

¹⁴ Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. Краткое содержание обширной рукописи в протоколе. Омск, 1884. С.8-9; Качоровский К.Р. Переселенцы в Азиатской России // Записки ЗСОИРГО. Вып. XVI. Омск, 1893. С.1-34

истории сибирского казачества, а также первопроходческой и землеисследовательской деятельности сословия¹⁵.

Подчёркивая особую военно-колониционную роль Сибирского казачьего линейного войска в присоединении степных областей, последовательно отстаивая интересы казачества как важного субъекта колонизации региона, сторонники решающей роли казаков в Зауралье писали: «История признала за казаками честь завоевания Сибири и дальнейшего ее постепенного занятия от Урала до Камчатки и от Тобола к югу, вглубь Джунгарии и киргиз-кайсацких степей», ...именно Сибирское казачье линейное войско сыграло «столь видную роль на нашем наступательном движении на юг по Иртышу и вглубь Киргизских степей и среднеазиатских независимых ханств»¹⁶. Или: «Киргиз-кайсаки, за которыми усвоено название киргиз, не походили на пассивных остяков, тунгусов и других сибирских инородцев, они не смотрели равнодушно на попытки русских землеискателей приобретать у них земли, а напротив, жестоко мстили за это грабительскими набегами и страшными опустошениями русских пограничных селений»¹⁷.

Однако, общий тон и настроение материалов о казачестве как субъекте колонизации Степного края, выходявших в разных изданиях, способствовал существенной корректировке оценочных суждений по поводу организации хозяйственной жизни, быта, осмысления сценариев взаимоотношения казачества с «инородческим» контингентом и российскими переселенцами. Так, по определению Г.Н. Потанина, в Прииртышской степи преобладал тип казака, который «ловкий торговец, кулак и плохой работник»¹⁸. В работе казачьего офицера и историка Ф. Усова читаем: «Прежняя постоянная военная служба на постоянном

¹⁵ Катанаев Г.Е. Ещё о Ермаке и его походе // Записки ЗСОИРГО. Вып. XV. Омск, 1893. С.1-36; Он же. Западно-Сибирские казаки-исследователи. 2 лекции 1889 г. // Юб. Сборник. Омск, 1902.

¹⁶ Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. С.12.

¹⁷ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С.6.

¹⁸ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2006. Т. VII; Г. Н. Потанин. Исследования и материалы...С. 306.

содержании от правительства приучила сибирских казаков к беззаботности об удовлетворении своих жизненных потребностей собственными силами»¹⁹.

Изменение интонации в оценке казачьего фактора в колонизации Степного края в трудах представителей «казачьей историографии» фиксировалось не только в эмоциональных и подчас нелицеприятных характеристиках казаков как землепашцев, но и в обнаружении моделей взаимоотношений сословия с коренным населением края. В частности, Г.Е. Катанаев, выполняя служебные обязанности, связанные с поездками по Степному краю, отмечал, что ему доводилось «неоднократно, начиная с 1885 года, обозревать территорию Сибирского казачьего войска и по тем или иным причинам знакомиться с бытом и отношением киргиз к казакам и обратно...более близким образом вникать во взаимоотношения киргиз и казаков»²⁰.

Значительный вклад в исследование взаимоотношений коренного населения Степного края и казаков был внесен Г.Н. Потаниным - выходцем из казачьей среды. Им был собран обширный материал, иллюстрировавший устройство казачьего хозяйства и управления в связи с колонизацией. Собранные сведения наиболее рельефно отражали специфику взаимодействия казаков и «инородцев» в аспекте соприкосновения культур с акцентом на преобладающую роль бытовых привычек и традиций коренного населения в процессе формирования социокультурного и ментального облика казачества²¹. Исследователем также были опубликованы материалы, имевшие отношение к т.н. «пограничным делам», что дало Г.Н. Потанину возможность сфокусировать внимание на особой роли имперского фактора в

¹⁹ Цит. по: *Краснов Н.* Народонаселенность и территория казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4. С. 264.

²⁰ *Катанаев Г.Е.* Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 19.

²¹ *Потанин Г.Н.* Заметки о сибирском казачьем войске. // Военный сборник. 1861. № 5. С. 3-35; Он же. Сибирские казаки // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под ред. П.П. Семенова. СПб., М., 1884. Т. XI. С. 107-116.

колониционном процессе²².

Наконец, существенную роль в раскрытии моделей взаимоотношений социальных и этнических групп колонируемого региона в аспекте империостроительства на востоке сыграли работы офицеров Генерального штаба, активно задействованных в работе РГО, а также его Западно-Сибирского отдела и региональных подразделов.

М. Красовскому, офицеру Генерального штаба российской империи, в 1860-х гг. собравшему богатейшие сведения по истории и хозяйству сибирских инородцев, в частности казахов, удалось подробно охарактеризовать значение степного скотоводства в кочевой экономической модели и выявить предпосылки, сопутствовавшие переходу номадов к полуоседлому образу жизни, что однозначно указывало на определяющую роль в данном процессе имперских структур²³.

Собранный и обработанный М. Красовским материал лёг в основу научно-исследовательской работы учёных, географов, чиновников, представивших в своих трудах более детализованные характеристики различных групп сибирского общества. В числе таковых - И.Ф. Бабков, первый председатель ЗСОИРГО, давший фрагментарные характеристики хозяйственных и культурных контактов «инородцев» с казачеством в продолжительной исторической ретроспективе, подчеркнув, что в конфликтах между локальными сообществами нельзя обвинять какую-то одну сторону. При этом И.Ф. Бабков склонен был считать, что «киргизы грабили и жгли пограничные со степью казачьи поселения и увлекали в неволю казачьих женщин и детей»²⁴. И.Ф. Бабков пришёл к выводу, сообразно с которым «кочевые народы, поддавшись оседлому

²² Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867.

²³ Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.3.

²⁴ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875 гг. СПб., 1912. С.37.

государству, ничего ему не давая, сами получали от него дань в виде жалованья, подарков и угощения...»²⁵.

Диаметрально противоположная точка зрения представлена в изысканиях в области истории СКВ М.И. Венюковым и озвучена в обобщающем труде «Опыт военного обозрения русских границ в Азии», где автор настойчиво проводил мысль, в соответствии с которой сибирское казачество выступало в Степном крае в качестве опоры российского правительства в осуществлении внешнеполитических акций: «По представлению генерал-губернатора Сперанского, решено было фиктивное подданство тамошних киргизов обратить в действительное, и с этой целью в центры проектированных им округов устроить укрепления», в которые высылались «с линии гарнизоны казаков». Но поскольку «содержание их по отдаленности от линии стоило дорого, то мало-помалу сибирские власти пришли к мысли заселять в степи казаков»²⁶. Постулируя роль казачества в аграрной колонизации как негативную, М.И. Венюков отмечал, что казаки вели себя как завоеватели и прямые виновники разорения местных этнических групп²⁷.

Будирование переселенческого вопроса в общественном мнении на государственном уровне естественным образом формировало проблемные точки его осмысления, помещая в фокус исследования не только процесс выселения из европейской части России, но и обустройства миграционного элемента в районах водворения. Со строительством Сибирской железной дороги Степной край интенсивно втягивался в пространство земледельческого освоения, что в свою очередь стимулировало работы по выявлению масштабов колонизационного фонда в регионе, ориентировало специалистов на установление территориальных ареалов, пригодных для организации пашни, что ставило их перед необходимостью поиска земель,

²⁵ Бабков И.Ф. Указ. соч. С.38.

²⁶ Цит. по: Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со Среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII - первая половина XIX века). Ташкент, 1982. С.12

²⁷ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб, 1873. С.13.

«излишних» для функционирования кочевых хозяйств. Вполне логично, что отклики относительно хозяйства и быта «инородческого» населения отразились первоначально именно в текстах, авторами которых выступали учёные - экспедиционеры. Также закономерным представляется и то, что первая реакция на перспективы аграрной колонизации степных областей Зауралья была озвучена российскими экономистами и статистиками, выполнявшими различного рода правительственные поручения. Так, известный земский статистик Ф.А. Щербина, состоявший с 1896 г. заведующим экспедицией по исследованию степных областей (Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской), представил подробные статистические данные по состоянию колонизационного фонда региона, сопроводив их ценными сведениями по этнографическому составу населения степных областей, истории, экономики и взаимоотношениям локальных сообществ в условиях имперского присутствия²⁸. В результате сплошной переписи инородческих хозяйств экспедиция Ф.А. Щербины получила ценный материал статистического характера, который позволяет делать выводы о социально-экономических отношениях в социальной среде региона, уровне кочевого и оседлых хозяйств и проч. Ф.А. Щербине на основании аккомодированного материала удалось показать влияние крестьянских переселений на становление пашенного хозяйства «инородческого» сегмента социума Степного края, очертив параметры русского «культурного влияния» переселенца на «киргиза-кочевника». Исследователь полагал, что «наш переселенец...втянул киргиза в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевника на значение земли для хозяйства»²⁹. Характеризуя причины возникавших конфронтаций между «инородцами» и переселенцами в регионе, Ф.А. Щербина пришёл к весьма оригинальному выводу, утверждая, что

²⁸ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Под. ред. Ф.Щербина. Акмолинская обл. Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. Т.1.

²⁹ *Щербина Ф.А.* Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905.

конфликты являлись не результатом межэтнического напряжения, а следствием бездушного отношения чиновников-бюрократов, которые не желали учитывать интересы противоборствующих групп³⁰.

Существенный вклад в изучение различных аспектов аграрной колонизации, в том числе и в степных областях Западной Сибири, внесли такие исследователи, как А.А.Кауфман, П.М. Головачёв, И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин (либеральное направление) и др.; А.А. Исаев, П.П. Сущинский, Г.Ф. Чиркин (официальное направление) и др., в центре внимания которых, находилось, главным образом, переселенческое движение в Сибирь в связи с обострением аграрного вопроса в центре страны. Тем не менее обращение к многочисленным трудам по переселенческому вопросу представляется важным и необходимым, поскольку данные работы позволяют установить имперский подход к колонизации окраин, обнаружить несовпадения оценок в специальной литературе относительно степени продуктивности переселенческих мероприятий.

Демаркационная линия научно-исследовательской конфронтации по переселенческой проблеме наиболее заметно обозначилась в работах А.А. Кауфмана и А.А. Исаева³¹.

Крупнейший российский экономист А.А. Кауфман с 1893 г. активно привлекался имперскими властями к работе по поземельному устройству сибирских крестьян и организации переселенческих участков. В период с 1894 по 1903 гг. он командировался в разные районы Западной Сибири, в том числе области Степного края и Туркестана, составил детальные характеристики колонизационной ёмкости киргизских степей и организации крестьянского хозяйства в Акмолинской и Семипалатинской областях на рубеже XIX – XX вв.³². В общем виде взгляды А.А. Кауфмана на переселение можно обозначить как скептические. Исследователь

³⁰ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.44-45.

³¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.] СПб., 1905. Ч. 1. Государство и переселения. 1861-1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства; Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891.

³² Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.1. С.229-234; 331-334.

активно полемизировал с профессором А.А. Исаевым и его сторонниками, видевшими в переселениях «естественный порядок исторической жизни»³³, а в переселенцах идеальных носителей культурного прогресса. По мнению Кауфмана, «причина переселений кроется в кризисе системы производства»³⁴, а неспособность крестьянства изменить формы землепользования неизбежно приводила к росту миграционной активности хлебопашцев, что А.А. Кауфман определял как «бегство крестьянина от культуры»³⁵. В данной связи А.А. Кауфман, полемизируя со своими оппонентами, резко критиковал имперскую переселенческую политику и переселенческое ведомство, отмечая, что последнее в своём стремлении увеличить необходимый для устройства переселенцев земельный фонд слишком мало считается с правами русского и туземного населения осваиваемых переселенцами окраин.

Одним из характерных признаков историографической ситуации, непосредственно имевшей отношение и к освоению степных областей Западной Сибири, следует назвать окончательно сложившийся взгляд на восточные окраины как зону имперских интересов и район внутренней колонизации.

Практикоориентированный подход к процессам имперской инкорпорации Сибири посредством аграрной колонизации, сформированный на ранней стадии отечественной историографии, сохранялся вплоть до середины 1920-х гг., когда в системе координат исследования переселенческого процесса и его коннотаций сохранялась инерция «внутреннего империализма», тиражируемая специалистами старой школы – И.Л. Ямзиным, В.П. Воцининым, Н.П. Огановским³⁶ и др. В указанных работах были систематизированы знания о переселенческой и

³³ Исаев А.А. Указ. соч. С.124.

³⁴ Кауфман А.А. Указ. соч. С. 132.

³⁵ Там же.

³⁶ Ямзин И.Л., Воцинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926; Воцинин В.П. О термине «колонизация» // О земле. Вып.2. М., 1922; Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. М., 1921.

колониальной политике России дореволюционного периода. Переселения в трудах представителей старой историографической школы оценивались в параметрах давно сложившейся «собственнической» концепции, в которой аграрные миграции позиционировались как надёжный и апробированный вариант продвижения более развитой русской земледельческой культуры по сравнению с местной кочевой.

Однако уже в середине 1920-х и в 1930-е гг. под мощным идеологическим прессом начинает конституироваться новая историографическая традиция, в рамках которой критерии и подходы к оценке аграрной колонизации Зауралья и, как следствие, областей Степного края при сохранении общего позитивистского фона кардинально изменились. Изменения проявились в иной системе расстановки акцентов, в которой колониальная политика самодержавного государства однозначно осуждалась, соответственно, основным предметом исследования специалистов становилась аграрная политика, законодательство и землеустроительная деятельность правительства, что наиболее ярко материализовалось в работах С.М. Дубровского, Н. Карпова, А.П. Погребинского³⁷. Под знаком этой модели в 1940-начале 1960-х гг. появляется серия специальных исследований П.Н. Ефремова, А.А. Кейлина, О.А. Ваганова, А.Б. Геллера³⁸, посвящённых аграрному освоению Степного края, в которых негативное отношение к колониальной политике царизма уравнивается констатацией высокого культурного уровня и прогрессивной роли русского крестьянства в аспекте влияния на кочевое хозяйство.

³⁷ *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963; *Карпов Н.* Аграрная политика Столыпина М., 1925; *Погребинский А.П.* Столыпинская реформа на Украине. Одесса, 1931.

³⁸ *Ефремов П.Н.* Столыпинская аграрная политика. М., 1941; *Кейлин А.А.* Кризис переселенческого движения в Сибирь в период столыпинской реакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пушкин, 1955; *Геллер А.Б.* Переселенческая политика царизма и колонизация в Казахстане в XX веке (1900 – 1916 гг.) (по материалам бывшей Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964; *Ваганов О.А.* Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907 –1914 годы) // Исторические записки. Вып. № 31. М., 1950. С. 56-87.

В аналогичном ключе критической оценки правительственных действий в условиях колонизации окраин с «разоблачением» нарушений и злоупотреблений имперских властей написаны были работы Черникова В.С., Тихонова Б.В., Шмачкова П.А. При этом авторы делали акцент на высокой культуртрегерской и просветительской роли русского крестьянства, направленной на преодоление отсталости казахского общества в эпицентрах российской колонизации³⁹.

Характерным признаком развития российской историографической традиции в 1930 – 1980-х гг. в отношении научной рефлексии проблемы аграрной колонизации Степного края являлась позиция, в рамках которой утверждался тезис о добровольном присоединении степных районов к России, произошедшем в середине XIX века, что соответствовало чаяниям и «инородцев» региона, и русского крестьянства. В результате в советской историографии происходило своеобразное смещение от оценки результатов аграрного освоения Степного края как сегмента имперской политики в параметрах теории «наименьшего зла» к признанию «исторической обусловленности» присоединения степных областей Западной Сибири к России и его прогрессивном значении⁴⁰.

При существовавших и реально действовавших в рассматриваемый период идеологических ограничениях активно осуществлялся процесс накопления материала по истории аграрной колонизации Степного края в пореформенное время, что создало условия для формирования новых подходов в историографии в связи с оценкой эффективности имперской политики на окраинах страны, определения места Сибири в общеимперском пространстве.

³⁹ Черников В.С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в конце XIX – начале XX века и ее социально-экономические последствия: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1966; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. По материалам переписи 1897 года. М., 1978; Шмачков П.А. Крестьянское переселение в Туркестан (1867 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.

⁴⁰ Борзунов В.Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.97-107; Скляров, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

Императивом к переосмыслению историографических позиций в освещении имперского опыта колонизации послужили работы Л.М. Горюшкина, написанные во второй половине 1980-х гг.⁴¹, когда была возобновлена историографическая полемика о влиянии переселений на процесс седентаризации аборигенных этносов лесостепной и степной зон Сибири.

В результате имперская составляющая аграрной колонизации Сибири и отдельных её регионов, а также роль крестьянства Европейской России в колонизации, регулируемой правительством, становится предметом детального исторического анализа в работах В.Н. Худякова, И.В. Островского, Н.Н. Родигиной, М.В. Шиловского и др. авторов⁴².

В работах А.П. Толочко, М.К. Чуркина, Д.В. Кузнецова, Г.А. Ноздрина, Н.А. Якименко и др. разработка переселенческой тематики осуществлялась с учётом комплекса проблем колонизационного характера, включая вопросы организации переселенческого дела в местах выхода и водворения мигрантов, деятельности центральной и региональной бюрократии по подготовке колонизационного фонда, характеристики взаимоотношений локальных групп в местах формирования переселенческих участков и т.д.⁴³

⁴¹ Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке» (Канада, Монреаль, 24-26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988; Он же. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии» (Япония, Токио, 19-23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.

⁴² Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991; Родигина Н.Н. Российские губернаторы о переселении крестьян в Сибирь в 1860-1880-е гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1999; Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири: сб. науч. ст. Томск, 2001. Вып.3.

⁴³ Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (кон. XIX-нач. XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана-Омск-Томск, 2003. С.98-99; Кузнецов Д.В. Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX века. // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 23 – 31. // <http://omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1998/a023/article.shtml> от 15.04.2001; Якименко Н.А. О социальном составе крестьян-переселенцев в России в 80-х гг. XIX – начале XX вв. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 174 – 182.; Ноздрин Г.А. Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России

Имперская тема в российской историографии вследствие большого объёма накопленного источникового материала и долгосрочной рефлексии специалистов принимает абрис научной теории на рубеже XX - XXI вв. в связи с обращением учёных к положениям и принципам научно-исследовательской практики «новой истории империи». В фокусе внимания профессиональных историков оказывается имперское измерение российской истории в связи с полиэтничным составом населения, сложными системами взаимоотношений между центром и окраинами, локальными сообществами и имперским центром, акторами имперской политики в лице центральной и региональной бюрократии. По констатации одного из ярких представителей данного направления в масштабах его сибирского ракурса А.В. Ремнёва, «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи – это ещё и сложный процесс превращения Сибири в Россию...»⁴⁴. Продуктивность избранного сибирскими историками исследовательского вектора выражалась во внимательном прочтении и «вслушивании» в дискурсы эпохи: «инородческий», крестьянский, казачий, что открывает дополнительные возможности в осмыслении имперских проектов и практик, определивших содержание и логику процесса аграрной колонизации Степного края в исследуемый в диссертации период. В рамках означенного направления в контексте имперского измерения отечественного исторического процесса репрезентируется широкий круг вопросов, непосредственно связанных с избранной нами проблематикой: сибирские «инородцы» в имперской географии власти XVIII – начала XX

XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции, 19-21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 124-126.; Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.). Омск, 2001.

⁴⁴ Ремнёв А.В. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С.102.

вв.⁴⁵; колониционные процессы в позднеимперской России: концепты, институты и практики; геополитические и национальные измерения процессов колонизации с выявлением роли, статуса и перспектив социальных групп по интеграции их в общеимперский конструкт⁴⁶.

Процесс институционализации историографии республики Казахстан в отношении проблемы колонизации степных пространств Западной Сибири, окончательно вошедших в юрисдикцию Российской империи, выразился в резком росте этнического самосознания и патриотизма казахской интеллигенции во второй половине XIX века и был связан с идеей возрождения традиционной модели казахской государственности, в системе координат которой высшая исполнительная власть принадлежала ханам и султанам-чингизидам. Формирование идентичности национальной интеллигенции происходило, с одной стороны, в условиях имперского «присвоения» степных территорий, являвшихся на протяжении нескольких столетий доминантным ареалом кочевой культуры и номадического образа жизни. С другой стороны, рост идентичности национальной интеллигенции обеспечивался её вовлечённостью в российские образовательные структуры и влиянием тех общественно-политических процессов и настроений, которые получили распространение в либеральном формате пореформенной эпохи (региональный сепаратизм, право народов на самоопределение, негативное отношение к русификации окраин как проявлению внутреннего империализма).

В конце XIX – начале XX вв. складывается антиколониальное

⁴⁵ Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества... С.105-108

⁴⁶ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения: XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск., 2004.; Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. – Омск, 2005; Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи // Отв. ред. С.Н. Абашева, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008; Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010; Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века...

направление национальной историографии, в которой ведущие позиции занимают такие исследователи и общественно-политические деятели, как А. Букейханов, М. Чорманов, М. Чокаев, М. Тынышпаев и др. Роль их идейного вдохновителя и предшественника принадлежала Ч.Ч. Валиханову, который ещё в середине XIX столетия, принимая участие в экспедиционной работе, собрал обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, землепользовании коренных жителей и их взаимоотношениях с ранними поселенцами Степного края – казачеством⁴⁷.

Несмотря на то, что центральное место в работах национальных исследователей занимала тема протеста против колониальной политики царской России на восточных окраинах империи, в их трудах были зафиксированы ценные сведения этнографического характера, корректировавшие имперские решения, направленные на бесконтрольное отмежевание земельных участков в пользу переселенцев⁴⁸.

Наиболее последовательно и профессионально проблема колонизации в связи с имперским присутствием и процессом аграрного освоения степных областей оказалась отражена в работах А.Н. Букейханова, что стало следствием участия учёного в экспедициях по исследованию степных областей, выводы которых были положены в основу переселенческой политики⁴⁹. А. Букейханов отмечал изначальные преимущества хозяйств крестьян-переселенцев, что выражалось в финансовой поддержке со стороны правительственных структур и объективно способствовало разрушению традиционных устоев «инородческого» хозяйственно-культурного типа. Следует отметить, что позиция исследователя в отношении перспектив аграрной колонизации степных областей, в том числе и в контексте имперских мероприятий,

⁴⁷ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 4. С. 71-76; Он же. О кочевках киргиз // Там же. Т. 4. С. 105-109.

⁴⁸ Чорманов М. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1883. №1. С.38; Тынышпаев М. Материалы по истории казахского народа. Ташкент, 1925.

⁴⁹ Букейханов А.Н. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902; Он же. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Тандамалы (избранное) / А., 1995. С. 45-65.

переживала определённую эволюцию. А.Н. Букейханов признавал тот факт, что решение аграрного вопроса в плане изъятия части земель у коренного населения первоначально осуществлялось предельно осторожно, однако с ростом переселенческого движения интересы кочевого хозяйства стали грубо попираются⁵⁰.

Тем не менее очевидно, что в начале XX в. в казахской национальной историографии, формировавшейся, как и российская, главным образом в параметрах публицистической риторики, всё чаще начинают доминировать резко негативные оценочные суждения относительно промежуточных результатов и перспектив аграрной колонизации региона, что было рельефно запечатлено в работах Т. Шонанулы, Т.Р. Рыскулова, М. Шокая⁵¹.

Избранная парадигма удачно вписалась в общеидеологический формат советской историографии аграрной колонизации Степного края, когда на уровне общественного сознания и государственной политики обозначился резкий критический подход к дореволюционной истории колониальных народов и имперским практикам самодержавной России.

В казахстанской историографии советского периода в рамках существовавшей идеологической доктрины в центре внимания исследователей оказался круг вопросов, связанный с широким спектром правительственных мероприятий, регулировавших процесс аграрных отношений в регионе, влияния аграрной и переселенческой политики на социально-экономические процессы жизнедеятельности казахского аула в Степном крае, генезиса капиталистических отношений и роли социальных групп в колониальной политике империи. К числу наиболее знаковых исследований в этих областях следует отнести работы Асфендиярова С.Д.,

⁵⁰ Букейханов А.Н. Указ. соч. С.46.

⁵¹ Шонанулы Т. Жер тагдыры - ел тагдыры. Алматы, 1995.; Шокай М. Тандамалы. Избранное. Алматы, 1999-2004. Т. 1-2; Рыскулов Т.Р. Избранные труды. Алма-Ата, 1984.

Сулейменова Б.С., Галузо П.Г., Толыбекова С.Е., Турсунбаева А.Б., Шахматова В.Ф., Бекмаханова Е.Б., Касымбаева Ж.К., Асылбекова М.Х.⁵².

В казахстанском сегменте советской историографии, что являлось характерной тенденцией периода в целом, шёл продуктивный процесс прироста источникового материала по истории казачества, рассматриваемого в качестве проводника имперской политики в степных областях Западной Сибири, актуализировался среднеазиатский аспект административных мероприятий царизма в контексте аграрного освоения региона. Однако в качестве общего вектора в исследовании причин, хода и результатов реализации проектов и практик империи в аграрной колонизации становится утверждение о преобладании негативных явлений в сфере переселенческого дела и социальной политики империи в областях колонизации.

С 1990-х гг. в осмыслении процессов аграрного освоения региона отчётливо наметилась новая тенденция, в рамках которой в фокусе внимания исследователей всё чаще стала оказываться тема имперских стратегий, практик и подходов к оценке правительственных мероприятий, направленных на вовлечение Степного края в общегосударственный конструкт. Характерно, что если в досоветский и советский период историографии можно говорить о существовании единого историографического пространства рефлексии означенной темы, то в масштабах постсоветского этапа произошло очевидное «расщепление» позиций, ориентированных на осмысление темы аграрной колонизации степных территорий.

⁵² *Асфендияров С.Д.* История Казахстана (С древнейших времен). 2-е изд-е: Учебное пособие. Алматы, 1993; *Сулейменов Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867 – 1904 г.г.). А., 1963; *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869 – 1914 гг. А., 1965; *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. А., 1950; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ. А., 1971; *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трех революциях. А., 1967; *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). А., 1964; *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. А., 1957; *Касымбаев Ж.К.* Развитие джатачества как следствие социальной дифференциации казахского аула в XIX – начале XX века. // Известия АН РК. Серия обществ. наук. А., 1992. № 6. С. 36 – 41.; *Асылбеков М.Х.* Развитие сети железнодорожных дорог Казахстана в конце XIX- начале XX века. //Казахстан в канун Октября. Сб. ст. А., 1968. С. 178 – 213.

Распад СССР, «парад суверенитетов», формирование в границах стремительно уходящей в прошлое советской империи способствовали ускорению данного процесса и сопровождались складыванием национальных научных школ, характеризующихся мощным элементом политической ангажированности, что неизменно фиксировалось в новом прочтении старых исторических сюжетов.

В сложившихся исторических обстоятельствах, обусловленных сменой идеологической парадигмы, вопросы колонизации киргизской (казахской) степи Российским государством неизбежно становились частью проблемы российско-казахстанских отношений, что имело как негативные, так и позитивные последствия для изучения имперского вектора аграрной политики XIX – начала XX вв. в регионе, оказавшемся в «водовороте» колонизационного процесса.

В частности, уже с начала 1990-х гг. наблюдается смещение акцентов в оценке российской колонизации в сторону доминирования негативного в исторической публицистике новых независимых республик, в том числе и Казахстана, в то время как в российской исторической литературе сосуществуют самые различные концептуальные подходы к изучаемой проблеме. Практически в этот же период на волне правительственных деклараций, воспринятых как руководство к действию, в республике Казахстан складывается «официальное направление» в историографии имперской темы колонизации степных областей Зауралья.

В основе «официального направления» лежит новая концепция национальной истории Казахстана, автором которой является академик Национальной Академии наук, профессор М.К. Козыбаев. В центре внимания исследований представителей данного направления оказался традиционный вопрос о феномене и природе российской колонизации. Сторонники «официального направления» вполне естественно обратили свой взор к историографической традиции, сформировавшейся ещё в советский период, подвергнув ее жёсткой критике. В эпицентре ее

располагался тезис о добровольности вхождения народов Казахстана и Средней Азии в состав России. В результате в рамках официального направления возобладала тенденция к однозначному определению политики царизма в Казахстане в XIX - XX веках как колониальной со всем спектром отрицательных последствий для его населения. Подчеркнём, что подобный взгляд на колониальную историю региона не является новым. Казахстанские историки в своих исследованиях вернулись к концепции «абсолютного зла», господствующей в советской историографии в 20 - 30-х гг. XX века. В двадцатые годы историки Т. Рыскулов, П. Галузо, С. Асфендияров, обличая прошлое, игнорировали позитивные моменты в процессе вхождения Казахстана в состав России и последствия этих событий. Симптоматично, что разрабатывая концепцию завоевания, исследователи рассматривают ее в рамках проблем колониальной политики. Так, М.К. Козыбаев в статье «История России есть история страны, которая колонизируется» задается вопросом: была ли Россия колониальной империей⁵³? Исследователь, утверждая колониальный характер Российской империи, поставил под сомнение утвердившийся в советской историографии термин «наименьшее зло», применяемый в отдельных случаях к вопросам присоединения нерусских народов к России: «Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм - антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению»⁵⁴. Однако, подобная оценка колониализму давалась и советскими исследователями. Такие термины, как «колониальная администрация», «антиколониальные движения», «колонизаторы» можно найти на страницах «Истории Казахской ССР».

⁵³ Козыбаев М.К. «История России есть история страны, которая колонизируется»// Столичное обозрение. 2.05. 1998.

⁵⁴Он же. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Алматы, 2000. Кн.1. С.46.

В «шлейф» официального направления оказался включён широкий спектр проблем, в которых имперскому вектору, рассматриваемому под особым углом зрения, уделено значительное внимание. В этом контенте оказались и темы, связанные с проблемами аграрной колонизации Степного края. Земельный вопрос в Западном Казахстане в начале XX века и переселенческое движение рассматриваются в диссертациях У.Ш. Исмагулова⁵⁵, Д.К. Абенова⁵⁶ и др. В отличие от предшествующих исследований в их работах проблема аграрной политики России в Западном Казахстане рассматривается как грандиозный имперский проект, ориентированный исключительно на изъятие земельных угодий у казахского населения. Вопросы переселенческой политики российского правительства освещаются в тесной связи с политикой русификации коренного населения, негативного влияния аграрной колонизации на традиционную структуру хозяйства населения Западного Казахстана. Выводы в диссертациях У.Ш. Исмагулова и Д.К. Абенова сводятся в основном к оценке социально-политических аспектов в плане исследования русификаторских целей российского правительства в земельном вопросе.

Интерес к имперской проблематике в связи с темой аграрной колонизации запечатлён в трудах, посвящённых правовому регулированию крестьянских переселений в степные области второй половины XIX – начала XX вв., изъятию земель казахов в переселенческий фонд, деятельности органов Переселенческого управления по землеотводным, гидротехническим, исследовательским и др. работам, степени и механизмам трансформации традиционного хозяйства казахов и состоянию земледелия, изменению территориальных границ между

⁵⁵ *Исмагулов У.Ш.* XX ғасырдың бас кезіндегі Батыс Қазақстандағы жер мәселесі (1900-1917 ж.ж.): тарих ғыл. канд. ... диссертация: Алматы, 1995.

⁵⁶ *Абенов Д.К.* XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басында қазақ жеріне орыс шаруаларының қоныстануы және оның зардаптары (Орал, Торғай облыстарының материалдары негізінде): тарих ғыл. канд. ... диссертация: Алматы, 2000.

казахскими родами, особенностям эволюции «хозяйственно – культурного строя» коренного населения⁵⁷ и др.

Аграрная проблематика как элемент имперской политики получила свое дальнейшее толкование в диссертационных исследованиях Р.М. Таштемхановой, Р.Х. Сариевой, Г. Жумашевой, М.Ш. Егембердиева, С.О. Смагуловой, О.Х. Мухатовой⁵⁸. Названная группа исследователей значительное место в своих трудах отводит социально-политическому фактору, акцентируя внимание на негативных последствиях аграрной колонизации казахских земель. Вместе с тем следует отметить весьма характерный для официального направления историографии республики Казахстан момент. Авторы, настаивая на принципе, согласно с которым «переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и нанесла огромный ущерб развитию...» локальных групп автохтонного населения Степного края, тем не менее признают, что русские поселения и казахский аул в условиях сосуществования перенимали взаимно методы хозяйства, причем хозяйственные контакты и культурно-бытовые связи носили не только негативный, но и позитивный характер⁵⁹. Тем самым происходит своеобразное разделение двух акторов колониационного процесса: властных структур и непосредственных субъектов переселенческого дела.

⁵⁷ *Акатай С.* Колесо истории не повернуть вспять. К вопросу о формировании и закате конно – кочевой цивилизации. Астана, 2001; *Артыкбаев Ж. О.* Казахское общество: традиции и инновации. Астана, 2003; *Атушева С.* Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества. Астана, 2000; *Бельбаева А. А.* Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазГУ. Серия историческая. 1998. № 10. С. 78 – 82; *Таштемханова Р.М.* Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 1994.

⁵⁸ *Сариева Р.Х.* Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 2002; *Жумашева Г.* Колониальная политика царизма в Мангышлаке (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 1998; *Егембердиев М.Ш.* Ресей империясының Оңтүстік Қазақстандағы орыстындыру саясаты (XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басы): тарих ғыл. канд... дис. авторефераты: Алматы, 2006; *Смағұлова С.О.* Ұлттық интеллигенция және XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы қазақстандағы аграрлық мәселе: тарих ғыл. канд. ... дис. авторефераты: Алматы, 1999; *Мұхатова О.Х.* Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы – XX ғасыр): тарих ғыл. докт. ... дис. авторефераты: Алматы, 1999; *Ерофеева И. В.* События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22

⁵⁹ *Ерофеева И.В.* Там же. С. 27.

По нашему мнению, именно здесь вырисовывается пространство для серьёзной научной дискуссии, проявления которой обнаруживаются и в новейшей историографии республики Казахстан.

Несовпадения с официальной, детерминированной политическими и идеологическими мотивами, точкой зрения на роль имперских структур в аграрной колонизации Степного края фрагментарно осваиваются сегодня в рамках умеренного направления. Так, И.В. Ерофеева в статье «События и люди Казахской степи периода XVIII - середины XIX вв. как объект новейшего мифотворчества» жёстко критикует романтизм в казахстанской исторической науке и эйфоризм в восприятии исторических фактов, которые и привели к мифологизации исследований новой истории Казахстана. Автор отмечает, что неправильное и догматичное понимание истории колонизации империи с присущим ему псевдопатриотизмом может привести к негативным последствиям для исторической науки Казахстана: «Создавая мифический образ всеильной, монолитной и бесконечно могущественной в разных сферах Российской империи, т.е. того своеобразного державного «исполина» XVIII - первой половины XIX вв., которого К. Маркс образно называл «колоссом на глиняных ногах», подобные псевдоисторики, независимо от своих благих патриотических побуждений, фактически питают имперские настроения простых обывателей внутри самой современной России и за ее пределами»⁶⁰.

Критикуя сложившиеся в условиях новой государственности подходы к оценке имперского фактора в аграрной колонизации Степного края, Д.Я. Фризен видит причину исключительно негативных характеристик роли российского правительства в «отсутствии объективных методов и подходов в исследовании истории аграрных отношений в Казахстане XIX – XX века»⁶¹. По мнению представителя умеренного направления,

⁶⁰ Ерофеева И.В. Указ. соч. С.17.

⁶¹ Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан // Исторические, философские, политические и

следует искать позитивные и негативные последствия аграрных преобразований царизма не только лишь в те годы, но и с глубоким научным анализом возможных последствий, проводимых преобразований с точки зрения развития производительных сил. Кроме того, исследователь предлагает отойти от пресловутой практики видеть в большинстве аграрных реформ российских властей в основном только негатив, поскольку нельзя не учитывать того, что с момента аграрной колонизации в казахскую степь приезжали зачастую опытные специалисты, труженики, агрономы, ветеринары и т.д.⁶².

Резюмируя, необходимо отметить, что в новейшей историографии республики Казахстан, специализирующейся на научной рефлексии вопросов, связанных с аграрной колонизацией и её имперским вектором, сложилось два подхода: официальный и умеренный. Значительная часть исследователей принадлежит к первому направлению. Их принципиальные позиции сводятся к мнению, что имперская политика российского правительства на рубеже XIX – XX вв. в отношении коренного населения «... держала ориентир на превращение кочевого хозяйства в крепостное, а казахов в крепостных крестьян»⁶³. Внимание большинства исследователей в современный период сосредоточено на осмыслении аграрной истории Казахстана в русле русификаторской политики царского правительства в земельном вопросе, негативного влияния переселенческого движения российского крестьянства на хозяйство, а главное, на духовную сферу жизни казахского социума, сокращение численности коренного населения (А.М. Мырзахметова, А.М. Борсукбаева, Г.Т. Каженова, Д.Р. Айтмагамбетов⁶⁴ и др.).

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 181.

⁶² Там же.

⁶³ *Рахимбекова А. К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004.

⁶⁴ *Мырзахметова А.М.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007; Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях XIX – начале XX вв. (на материалах

В то же время в границах существующего научно-исследовательского пространства современного Казахстана постепенно намечается процесс становления новых подходов к изучению роли имперского фактора в аграрной колонизации. Отрадно, что в целом спектре работ историки обнаруживают перспективы обретения иного, отличного от официального видения, решения научной проблемы через обращение к новым научно-исследовательским практикам и методологическим подходам.

Таким образом, в рамках российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. был освоен обширный круг проблем, связанный с характеристикой обстоятельств и факторов инкорпорации региона в общеимперский конструкт. За продолжительный хронологический период научной рефлексии были выявлены социально-экономические условия, обеспечившие продуктивность земледельческого освоения степных пространств, в критических параметрах описаны усилия центральной власти по распространению в крае аграрных практик, в масштабах научной полемики установлены последствия эскалации аграрных переселений для коренного населения региона, охарактеризована степень вовлечённости и социальные функции сословных групп в колониационном процессе. Тем не менее к очевидным негативным признакам, тиражируемых в историографии подходов к оценке содержательных аспектов процесса аграрной колонизации Степного края следует отнести доминирование идеологической компоненты в исследовании вопроса, которая обеспечивалась практической значимостью текущих политических задач. В этой связи абсолютное большинство авторов ориентировалось на изучение структур имперского процесса, выводя за пределы научного осмысления практики и дискурсы,

Северо-Восточного Казахстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005; Каженова Г.Т. Казахи и сибирские казаки в историческом и социокультурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008; Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010.

формирующие имперскую ситуацию. В результате собственно «имперское» рассматривалось в рамках контента «национальное государство», что лишало исследователей, находившихся под прессом идеологических штампов, возможности понять логику империостроительства в России. За границами научных задач оставались проблемы формирования общественно-политического и властного дискурсов аграрной колонизации, влияния дискурсивных практик на проектную деятельность имперских властей, а также разработки практических решений и конструирования моделей их реализации в процессе аграрного освоения региона.

Предмет исследования - аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.

Цель исследования – выявить сущностные характеристики имперского проекта аграрной колонизации Степного края, варианты, способы и основные результаты его практической реализации во второй половине XIX – начале XX вв.

Достижение поставленной в диссертации цели может быть осуществлено посредством решения следующих ***задач***:

1. Выявить основные позиции российского общества по вопросу потенциала Степного края как района аграрной колонизации;
2. Определить подходы центральной и региональной власти к оценке перспектив аграрного освоения Степного края;
3. Раскрыть влияние общественно-политического дискурса на формирование и развитие аграрного и переселенческого законодательства в отношении Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.;
4. Установить место и роль переселенческого контингента в имперских практиках аграрной колонизации Степного края;
5. Выявить модели взаимодействия сословных групп Степного края в имперском механизме аграрной колонизации региона.

Хронологические рамки работы ограничиваются периодом второй половины XIX – начала XX вв. Выбор нижних временных границ исследования обусловлен началом интенсивной законодательной деятельности по регуляции аграрных отношений в Степном крае, вызванной активным экономическим проникновением России в пределы степного региона, в результате чего происходит оформление правовых основ правительственной политики, направленной на урегулирование статуса действующих субъектов колонизации – казачества, «инородцев» и первых вольных переселенцев-крестьян. Положения, правила и указы 1867-1869 гг., реализуемые в продолжение двух десятилетий, наиболее рельефно отразили имперский вектор в правительственном проекте колонизации и сопутствующих практических мероприятиях.

Верхние границы исследования определены принятием Временных Правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев в 1904 г., когда окончательно утвердился правительственный курс, направленный на изъятие земель у коренного населения с целью исключительно пополнения переселенческого фонда. Тем самым земельные районы Степного края в представлениях власти становятся объектом реализации имперских практик аграрной колонизации, внутренними окраинами Российской империи.

Территориальные рамки исследования охватывают максимально комфортные в земледельческом плане Акмолинскую и Семипалатинскую области, активно вовлекаемые в процесс аграрной колонизации и имперской инкорпорации во второй половине XIX – начале XX столетий. После проведения реформ 1867 – 1869 гг. названные области были включены в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а с 1882 г. выделены в Степное генерал-губернаторство с административным центром в Омске. В специальной

литературе второй половины XIX – XX вв. в отношении Акмолинской и Семипалатинской областей использовался широкий спектр определений: «Степной край», «Степные области», «Степь», «Киргизская (казахская) степь», применяемых для обозначения административного пространства Степного генерал-губернаторства. Термин «Степной край» становится менее поливариативным и более общеупотребимым после исключения Семиреченской области из состава Степного генерал-губернаторства и перевода её в юрисдикцию Туркестанского генерал-губернаторства в 1897 г.

Методологической базой диссертации являются подходы, зафиксированные в научно-исследовательских практиках «новой имперской истории» как проекта, институционализация которого связана с деятельностью коллектива и авторов издания *Ab Imperio*, предложивших на рубеже XX – XXI вв. иную, отличную от позитивистской, модель рефлексии «имперскости», что открыло широкие перспективы к объяснению дискретности обширного социального пространства, сохраняющего при этом свою целостность⁶⁵. В статьях и научных сообщениях И.В. Герасимова, С.В. Глебова, М.Б. Могильнер и др. произошло переопределение самого понятия «империя», используемого продолжительный период в качестве составляющей процесса дискредитации политических режимов, символов репрессивных практик управления. При этом не учитывался тот факт, что понятие «империя», рассматриваемое в ракурсе категории культуры, может трактоваться не только как воплощение господства и принуждения, но и гаранта «сохранения стабильности местной самобытности перед лицом любых унификационных проектов»⁶⁶. В данной связи был провозглашён принцип, сообразно с которым концепт «империи» перестаёт быть

⁶⁵ Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004.

⁶⁶ Там же. С.7.

историческим термином, принимая статус современной аналитической модели, позволяющей осмыслить исторический опыт⁶⁷.

В процессе интеллектуальной рефлексии научно-исторического сообщества в эпицентре исследовательского интереса учёных оказались не столько традиционные политические структуры империи в шаблонно заданных хронологических параметрах, сколько дискурсы, формирующие «имперскую ситуацию». В работах А.И. Миллера, А.В. Ремнёва, Н.Г. Суворовой, В. Сандерленда, Ф.-Б. Шенка⁶⁸ и др. активно «педалируется» идея, сообразно с которой «новая история империи» представляет собой сложную конфигурацию взаимодействия имперских властей и местных сообществ, систему и варианты контактов между центром и окраинами, имперской властью и сословными группами в условиях асимметричности административно-политических и правовых структур.

В данном отношении особое значение приобретает вопрос о том, как власть «воображала» и структурировала пространство империи, разрабатывая адекватные проекты и реализуя практики инкорпорации окраин в общеимперское поле, а также каким образом представители политических элит и местных сообществ реагировали на политику имперских властей.

По определению Н.Н. Родигиной, рубеж XX – XXI вв. был отмечен всплеском исследовательского интереса к изучению представлений о регионе интеллектуальной и политической элиты модернизировавшейся империи и был связан с актуализацией вопроса о так называемой «второй реальности», истории коллективных

⁶⁷ Новая имперская история постсоветского пространства... С.20.

⁶⁸ Миллер А.И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917)... С. 42-67; Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Там же. С.105-150; Шенк Ф.Б. Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Там же. С.354-381; Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века...

представлений и социокультурном мифотворчестве⁶⁹. В сложившейся ситуации важную роль в организации исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, в том числе в связи с особенностями формирования «имперской ситуации» в условиях освоения восточных окраин России. Соглашаясь с мнением о том, что дискурс - это корпус текстов, связанных определённой содержательной согласованностью при обязательном присутствии коммуникативного пространства⁷⁰, следует обратить внимание на известное изречение М. Фуко, полагавшего, что для того, чтобы «восстановить дискурс, отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом, необходимо восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и потом раздвигает их»⁷¹.

В условиях аграрного освоения степных пространств Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. наиболее рельефно отразилось соперничество дискурсов, интеллектуальное поле которых по большому счёту структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов. В данной связи стартовый период включения территорий Степного края в значительной мере усилил противостояние в российском обществе областного варианта включения новых территорий в имперский контекст (Ядринцев Н.М., Головачёв П.М. и др.) и проекта «большой русской нации» М.Н. Каткова. В процессе конфронтации дискурсов, в которые

⁶⁹ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

⁷⁰ Денисов Ю.П. Категория «дискурс» в историческом познании // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы: сб. науч. тр. М., 2012. С.166

⁷¹ Фуко М. Археология знаний. Киев, 1996. С.28.

неизменно включалась центральная и региональная бюрократия, вырабатывался имперский проект аграрной колонизации степных областей региона, определяя нормативно-правовую систему координат, направленную на вовлечение территорий в канву империи, а также государственную политику, реализуемую в практических мероприятиях властей.

К разряду принципиальных позиций, фиксируемых адептами исследовательских практик «новой истории империи», относится признание факта присутствия и активной деятельности в регионе значительного числа акторов, находящихся во взаимодействии. В степных областях колонизируемого региона имперские центральные власти с различной степенью эффективности контактировали с региональной бюрократией, а социальная и этническая мозаичность территорий аграрного освоения не только усложняла процесс вовлечения групп в общеимперское социокультурное пространство, но и способствовала эскалации тематической палитры дискурса, в который последовательно включались «инородческий», казачий и переселенческий вопросы.

Таким образом, методологическая полидисциплинарность позволяет «встроить» модели социального поведения и практики взаимоотношений социальных групп Степного края в исследуемый период не только с властными учреждениями разных уровней, но и между собой, что даёт неплохой шанс расширить горизонт «наблюдения» и тем самым выявить стратегии поведения сословий региона в имперской системе аграрной колонизации региона.

Важнейшими методологическими принципами настоящего исследования являются принципы *историзма и системности*. Принцип историзма реализуется посредством утверждения идеи о том, что любой предмет или историческое явление могут быть поняты и оценены лишь при условии рассмотрения их в ходе развития, с учётом конкретных

исторических условий и причинно-следственных связей в историческом контексте. В практической плоскости, применительно к проблеме диссертационного исследования, это означает, что процесс аграрной колонизации Степного края осуществлялся в рамках имперского проекта, ставшего продуктом долгосрочного дискурса российского общества и власти, находился в тесной зависимости от внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов, развивавшихся на протяжении длительного исторического периода.

Согласно принципу системности реализация имперского проекта и включение Степного края в корпус имперских практик стали результатом тесного взаимодействия имперских учреждений и ведомств в контексте мероприятий центральной и региональной власти. Кроме того, в масштабах имперского пространства взаимодействие акторов аграрной колонизации региона имело и другой уровень. В условиях полиэтничности и социальной пестроты населения Степного края реализация имперского проекта и практик земледельческого освоения региона предполагала участие власти в постоянной «расшифровке» и корректировании социокультурного пространства, что ориентировало их на выработку стратегий взаимоотношений с различными категориями населения.

В исследовании использовались специальные методы: проблемно-хронологический, историко-сравнительный.

Проблемно-хронологический метод применялся при осмыслении проблем формирования имперского проекта аграрной колонизации, выработки практических решений, направленных на вовлечение Степного края в общеимперское пространство. Данный метод позволил исследовать проблемное поле в исторической динамике, выявить пути и способы реализации имперских практик в процессе аграрного освоения степных районов Западной Сибири.

Применение историко-сравнительного метода способствовало выявлению представлений власти и общества о перспективах, вариантах и

направлениях аграрной колонизации Степного края, рефлексии роли локальных сообществ в земледельческом освоении региона.

Источниковая база диссертационной работы носит разноплановый и обширный характер, включая в свой состав как опубликованные, так и неопубликованные материалы, извлечённые из центральных архивов России и республики Казахстан, а также одного регионального архива РФ. Источники подразделяются на следующие видовые группы: законодательные акты, делопроизводственные документы, справочно-статистические материалы, материалы периодической печати и источники личного происхождения.

I. Законодательные источники.

Первую группу составили законодательные акты, отразившие процесс регулирования хозяйственно-экономических отношений и социального статуса «инородцев» степных областей Западной Сибири в контексте формирования имперского проекта аграрной колонизации региона.

Самым ранним и принципиально важным для исследования нормативно-правовым документом стало «Временное положение об управлении областями Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской» от 21 октября 1868 г., определившее основы имперской политики по земледельческому освоению степных областей, зафиксированных впоследствии в «Положении об управлении Степным краем» от 1891 г.⁷². Данные законодательные материалы представляют особое значение для рефлексии имперских представлений об аграрном потенциале региона, поскольку их принятие было непосредственно связано с деятельностью «Особой комиссии» под руководством военного министра Д.А. Милютина с целью выяснения возможностей унификации системы управления краем и выработки колонизационной программы,

⁷² Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1893.

направленной на вовлечение степных районов в имперское пространство посредством аграрных переселений.

«Временное положение об управлении областями Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской» от 21 октября 1868 г. (ст. 210) предусматривало преференции генерал-губернаторской власти в вопросе землепользования коренного населения, что было зафиксировано в ст. 210 и фактически предоставляло высшей региональной бюрократии усиленные полномочия по передаче излишков земли, находившейся в пользовании «инородцев» для организации крестьянских переселенческих участков. «Временное положение...» 1868 года как источник, иллюстрирующий имперские амбиции государства, существенен тем, что в нём утверждался принцип сословной, хозяйственно-экономической и конфессиональной мобильности коренного населения Степного края, что гарантировалось специальным пунктом «О правах киргизов», по которому принявшие христианство «инородцы» могли зачисляться в крестьянское или же казачье сословие и пользоваться их правами. Тем самым «Временное положение...» транслировало «собственническую» позицию в отношении коренного населения и организации управления в их среде.

Принципы, зафиксированные во «Временном положении...», получили окончательное юридическое оформление в «Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями», принятом 25 марта 1891 г. Данный документ существенен для диссертационного исследования в силу того, что он не только юридически репрезентировал принципы имперской политики в вопросе реализации задач по аграрному освоению Степного края, но и потому, что он учитывал те изменения в колониационном процессе, которые произошли за два десятилетия и стали частью имперской практики. Проявилось это прежде всего в том, что права коренного населения относительно пользования земельными площадями были значительно ограничены.

Вторая группа законодательных актов, привлечённых к исследованию, представлена нормативными материалами, призванными регулировать переселенческое движение, а также организовывать практики водворения и обустройства мигрантов, направлявшихся в земледельческие местности Акмолинской и Семипалатинской области.

Стоит отметить, что вопросы, относящиеся к организации переселенческого движения в Степной край как имперской практике аграрной колонизации на протяжении 1860-х – 1870-х гг., располагались вне фокуса внимания региональных законодательных практик, как, впрочем, и в европейской части страны, где только в 1876 г. были изданы «Правила об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам», ужесточившие требования к увольняющимся крестьянам, что косвенно отразилось на региональной циркулярной практике в местах водворения, в частности, Акмолинской и Семипалатинской областях, военные губернаторы которых с завидным постоянством тиражировали предписания, строжайше запрещающие «вторжения в пределы края бродячих масс переселенцев»⁷³.

Однако рост самовольных переселений в Западную Сибирь вообще и Степной край в частности стимулировал работу по организации правительственного надзора за аграрным переселением на восточные окраины империи.

Впервые на законодательном уровне имперский подход к аграрной колонизации региона был запечатлён во «Временных правилах о переселении крестьян на свободные казённые земли», принятых 10 июля 1881 г. и имевших секретный характер. В дальнейшем положения, зафиксированные во «Временных правилах...», нашли отражение в переселенческом законе от 13 июля 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее

⁷³ Остафьев В.А. Колонизация степных областей. М., 2011. С.12.

время». Одним из важнейших положений закона в отношении степных областей стало включение Акмолинской области в число местностей, куда разрешалось переселение крестьян на свободные участки казённой земли. Зафиксированное в законе решение в конечном итоге оказало знаковое влияние на аграрное освоение Степного края, поскольку в силу своего местоположения Акмолинская область являлась своеобразной буферной зоной, через которую в годы неурожая, и, как следствие, интенсификации переселенческого движения крестьяне в массовом порядке направлялись в Каинский и Барнаульский округа Томской губернии.

В последующих регулирующих переселенческий процесс законодательных актах: «Временных правилах 1893 г. для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги», «Законе 1901 г. об отводе казённых земель частным лицам», имевших силу переселенческого закона «Временных правилах о добровольном переселении сельских мещан и обывателей» - наглядно отразились основные тенденции имперского подхода к практикам аграрной колонизации степных областей. Это выразилось в окончательном включении территорий Степного края в орбиту общегосударственного переселенческого дела, расширении спектра льгот, предоставляемых крестьянству при водворении и обустройстве, тотальном курсе на изъятие излишних земель у кочевников в пользу землепашцев, что свидетельствовало о бесповоротном принятии имперскими властями курса на земледельческое освоение степных территорий без учёта интересов «инородческого» населения.

II. Делопроизводственные материалы.

К разряду делопроизводственных документов, привлечённых к исследованию, относятся опубликованные и неопубликованные письменные отчёты крупных ведомств, генерал-губернаторские отчёты, предоставляемые на Высочайшее имя, отчёты военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей, отчёты чиновников особых

поручений, выполнявших различного рода правительственные задания, связанные с организацией управления, быта «инородческого», казачьего и крестьянского населения региона. Значительный блок делопроизводственных материалов составляют многочисленные прошения, жалобы, ходатайства, исходившие из крестьянской, казачьей и «инородческой» среды региона.

В фондах заведующих переселенческим делом хранится значительное количество документов делопроизводственного характера: отчетная и плановая документация, материалы ревизий и т.д. К числу вовлекаемых в исследование материалов относятся планы и отчеты органов Переселенческого управления, содержащие обширную информацию по землеотводным работам в Степном крае как важном элементе имперских практик⁷⁴. Журналы совещаний и комиссий по вопросам переселения и колонизации, стенограммы предоставляют возможность составить представление о составе комиссий, обсуждаемых вопросах и принятых решениях, в частности, по землеустройству «инородцев», установлению норм земельного обеспечения и т.д.⁷⁵.

Отчёты представителей высшей губернской администрации, привлечённые к исследованию, имеют непреходящую ценность в силу того, что них отразилось своеобразное преломление имперского проекта аграрной колонизации Степного края с учётом знания ситуации в регионе.

⁷⁴Врачебные и фельдшерские пункты переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906-1910 гг. Составлено врачом Санниковского (Батагоринского) Переселенческого пункта С.Б. Немцовым в 1911 году. Омск, 1911; *Турчанинов Н.* Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб., 1910; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900; *Тресвятский В.А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Выпуск VI. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. Петроград, 1918.

⁷⁵ Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Выпуск VIII. Журналы комиссии по вопросам переселения и колонизации. Петроград, 1918; ЦГА РК. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 5; ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4230; ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 1186.; ЦГА РК. Ф. И-19, Оп. 1. Д. 128; ЦГА РК. Ф. И-19. Оп. 1 Д. 396; ЦГА РК. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 116; Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911; *Пален К.К.* Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. СПб., 1910; Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина А.Н. по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Том II. Воронеж, 1902.

Наиболее рельефно данный подход был зафиксирован во Всеподданейшем отчёте генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, признавшего факт бесперспективности развития кочевого хозяйства и необходимость распространения земледелия при условии «осторожного, по возможности без стеснения кочевников, водворения среди киргизских степей русского оседлого населения...», в чём, по его мнению, заключался залог смягчения нравов и поднятия уровня благосостояния полудикого народа»⁷⁶.

Значимость *отчётов военных губернаторов* степных областей заключается в ещё более детальной рефлексии ситуации, связанной с внедрением имперского проекта и практик аграрной колонизации. Это связано с тем, что именно военные губернаторы несли ответственность за исполнение правительственных решений, а также координацию переселенческих процессов в условиях полиэтничности региона и мозаичного социального состава населения.

В данной связи в отчётах военных губернаторов фиксировались важные вопросы, связанные с принятием мер, направленных на реализацию имперского проекта по трансформации кочевых обществ в оседлые, осуществления идеи «взросления» коренного населения как фактора, сопутствующего аграрной колонизации региона. Отчёты военных губернаторов как источник демонстрируют определённое несходство позиций высших региональных чиновников, что например, было отражено в заочной полемике двух акмолинских военных губернаторов: В.С. Цытовича, считавшего необходимым поддерживать кочевое хозяйство⁷⁷, и М.А. Ливенцова, полагавшего, что «инородцы» потенциально готовы к инкорпорации в оседлое земледельческое общество⁷⁸.

Значительное место в материалах отчётной категории, исходящей от высшей правительственной и военной региональной бюрократии,

⁷⁶ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.232.

⁷⁷ Там же. Ф.3. Оп. 7, Д. 11587, Л. 104об.

⁷⁸ ЦГА РК. Ф. 64, Оп. 1. Кн.1. Д.395, Л.242; Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С.129

занимали вопросы, касающиеся проблемы роли локальных групп в аграрной колонизации региона, в частности, казачества, его потенциала как колонизатора края, а также взаимоотношений различных слоёв населения в процессе инкорпорации Степного края в общеимперское поле⁷⁹.

Существенную роль в раскрытии сущности и содержательных аспектов имперской политики в Степном крае сыграли *отчёты чиновников особых поручений* («сведущих людей»), «вербуемых» правительством из образованной части общества с целью проведения научной экспертизы колонизационных районов. В отчётах таких экспертов, как Ф.А. Уманец, Н.М. Ядринцев, Н.Н. Балакшин, А.А. Кауфман, Н.Я. Новомбергский и др. содержались детальные сведения о колонизационной ёмкости степного региона, составе населения, взаимоотношениях социальных групп. Однако самое важное заключалось в мощном рефлексивном и аналитическом начале, лежащем в основании составления «бюрократических» отчётов. Будучи допущенными к «канцелярской тайне», названные чиновники не ограничивались сбором статистической и справочной информации, дополняя её собственными соображениями относительно вероятности и перспектив аграрной колонизации областей Степного края, размещая собранные материалы на страницах собственных научных трудов⁸⁰.

Делопроизводство «низового происхождения» в работе представлено жалобами, прошениями, ходатайствами крестьянского, казачьего и «инородческого» населения Степного края, объём которых по мере распространения земледельческих практик в регионе стабильно возрастал. К числу основных мотивов такого рода документов, исходящих от «демоса», относилось неудовлетворенность просителей размежеванием земельных угодий, регулярно происходившие потравы, межгрупповые

⁷⁹ ЦГА РК. Ф. 64, Оп. 1. Кн.1. Д.395. Л.241 об.; ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13334. Л.342 об.

⁸⁰ Уманец Ф. М. Указ. соч.; Балакшин Н.Н. Указ. соч.; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония...; Кауфман А.А. Указ. соч.; Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Отчет о двухмесячной командировке старшего чиновника особых поручений при Тобольском губернаторе Н. Я. Новомбергского. Вып. 1. Тобольск, 1898.

конфликты, возникшие на почве несходства стереотипов экономического и бытового поведения. Ряд документов наглядно подтверждает, что подобные несовпадения реализовывались в границах общего типа традиционной культуры, что, как это не парадоксально, только усиливало конфликтность взаимоотношений. В материалах «низового происхождения» также содержится косвенная информация, свидетельствующая об изменениях в имперских приоритетах, выборе крестьян-переселенцев в качестве главного субъекта колонизационного освоения края⁸¹.

III. Материалы периодической печати.

В процессе выявления сущностных характеристик и содержания имперского проекта и практик аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. к работе активно привлекались материалы, публикуемые в исследуемый период на страницах российских общественно-политических, литературных и научных журналов и отечественных газет. Обращение к периодическим изданиям обусловлено прежде всего тем, что освоение восточных окраин империи естественным образом совпадало и с «интеллектуальной» колонизацией региона⁸², обеспеченной включением в обсуждение вопросов освоения Сибири научных, общественно-политических, литературно-публицистических кадров. Газеты и, главным образом, журналы, становились территорией формирования и трансляции общественного мнения, в том числе и в части репрезентации основных позиций российского общественно-политического дискурса по проблемам рефлексии перспектив и моделей аграрной колонизации степных пространств империи, вовлекаемых в государственное обращение.

⁸¹ ГИАОО. Ф.67. Оп.2., Д.2042. Л.3; ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30; ГИАОО. Ф.2. Оп.1., Д.116. Л.3; Там же. Ф.3. Оп.5., Д.7323. Л.9; ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2. Д.2477. Л.15; Там же. Д.2399. Л.13.

⁸² Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. // Аннотированный библиографический указатель / под ред. Н.Н. Родигиной. Новосибирск, 2014. С.6

В заданной системе координат тема аграрной колонизации степных областей Зауралья была включена в пространство интеллектуального дискурса о месте Сибири в составе России, обсуждалась в контексте общественно-политического противостояния сибирского областнического проекта, формулируемого Н.М. Ядринцевым и его сторонниками, и теории «большой русской нации» М.Н. Каткова.

Всё вышесказанное обусловило обращение автора к обширному корпусу корреспонденций, размещённых на страницах газет, – главных участников общественно-политического противостояния эпохи: «Восточного обозрения», основанного Н.М. Ядринцевым в 1882 г., и «Московских ведомостей», главным редактором и идейным вдохновителем которых в 1850-х – 1880-х гг. являлся Н.М. Катков.

Просмотр корреспонденций, опубликованных в газете «Восточное обозрение», позволил определить, что круг проблем, осваиваемых на страницах издания, включал темы, связанные с решением «иностранного» вопроса, организации и урегулирования переселенческого движения, распространения народного образования на окраинах, преодоления общественного абсентизма и т.д. Цементирующим элементом публикаций, являлась идея установления равноправия сибирских окраин с имперским центром, пропаганда сибирской региональной идентичности⁸³.

Корреспонденции «Московских ведомостей» концентрировали внимание, главным образом, на проблеме «польского сепаратизма» и «украинофильства». С точки зрения авторов публикаций, сепаратизм западных окраин грозил распространением опасных идей автономии на востоке империи. В этой связи в круг тем статей «Московских ведомостей», начиная с 1870-х гг., всё чаще включаются вопросы колонизации восточных окраин страны: статус «иностранного»

⁸³ Ядринцев Н.М. Иностранцы Сибири и их вымирание...С.111; Он же. Заселение киргизских степей // Восточное обозрение. 1882. № 19. С.1-2; Он же. В стране чудес и курьёзов // Восточное обозрение. 1882. №12; 1883. № 23; 1888. № 50; Он же. Поземельный вопрос в Сибири // Восточное обозрение. 1882. № 13; Он же. Переселение и межевое дело в Западной Сибири // Восточное обозрение. 1887. № 3; Он же. Сибирская жизнь и переселенческое дело // Восточное обозрение. 1888. № 5.

населения, переселенческое движение и его возможные последствия, железнодорожное строительство, учреждение сибирского университета. В качестве определяющего мотива большинства публикации издания выступала идея безопасности империи, достижение которой было возможно только при условии закрепления доминирующих позиций русской нации, что в условиях окраин обеспечивалось посредством русификации⁸⁴.

Деконструкция содержания общественно-политического дискурса о месте и роли Сибири и степных областей в имперском континууме России востребовала обращение к *тематическим очеркам*, публикуемым в отечественных общественно-политических, научных и литературных журналах. Симптоматично, что идейные разногласия, касавшиеся видения в обществе колониационного процесса и его составляющих, рельефно обозначенные в газетной полемике, в очерковой журнальной периодике сопровождались не только эмоциональным накалом, но и вдумчивым аналитическим осмыслением.

В очерках, размещённых на страницах ведущих журналов, детально обсуждались проблемные темы, связанные с процессом формирования имперской программы колонизации Сибири и её степных областей, в числе которых для настоящего исследования определяющую роль играли вопросы аграрной политики в рамках земледельческого освоения степных территорий, перспектив переселенческого контингента в условиях миграционных процессов, экспертизы «инородческого» образа жизни в контексте аграрной колонизации региона, взаимоотношений центра и окраин в имперском проекте колониационного освоения. Примечательно, что публицистические очерки по наиболее существенным проблемам российской и сибирской истории носили отчётливый дискуссионный характер, что объяснялось принадлежностью журналов к различным

⁸⁴ Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877 год. М., 1898. С. 1; Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1883 г. М., 1898. С.230; Катков М. Н. Идеология охранительства // Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю. В. / Отв. ред. О. Платонов. М., 2009.

политическим течениям. Так, журнал «Русский вестник», позиционировавший себя в качестве национально-консервативного издания, во многом тиражировал подходы, сложившиеся в рамках «охранительной» идеологии М.Н. Каткова. В риторике очерковой публицистики журнала превалировали опасения в связи со снижением влияния «русского фактора» в колонизации, слабостью культуртрегерского потенциала русского народа на окраинах⁸⁵.

Вслед за «Московскими ведомостями» «Русский вестник» был втянут в интенсивную полемику о железнодорожном строительстве в России и последовательно отстаивал позицию сторонников М.Н. Каткова, видевших в железнодорожном строительстве, главным образом, только инструмент имперского поглощения окраин⁸⁶.

Напротив, издания либерального и либерально-народнического направления, отстаивая позицию свободного развития региона, которое должно было обеспечить постепенное, «мягкое» соединение европейской и азиатской частей России, акцентировали внимание на наиболее актуальных вопросах аграрной колонизации Степного края, особо выделяя инородческую проблематику и способы её решения без форсированного русского вторжения в образ жизни и хозяйственный быт коренного населения⁸⁷.

В круг источников данного типа, привлечённых к исследованию, вошли также материалы, извлечённые из периодического сборника «Вопросы

⁸⁵ Путешествие в Западную Сибирь О. Финша и А. Брема // Русский вестник. 1882. Март. Т.157. С.424; Там же. 1885. Май. Т.177. Современная летопись. С.478-479; Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Там же. 1883. Март. Т.164. С.64; Там же. 1882. Июль. Т.160. Польский суд над русскими в Галиции. С.466-471; Там же. 1884. Ноябрь. Т.174. Современная летопись: Гонение на православие в России. С.371.

⁸⁶ Меры против наплыва русского элемента в Привислинский край // Там же. 1886. Март. Т.182. Современная летопись. С.495.

⁸⁷ Внутреннее обозрение // Дело. 1872. № 5. С.6.; Шапков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Там же. 1867. №8. С.265-309; Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (Собр. 1 апреля 1861 г.) // Век. 1861. № 15 – 22; Исаев А.А. Как относятся в Сибири к переселенцам? // Русская мысль. 1890. № 11; Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3.; Кауфман А. А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12; Невесов А (Новоселов А.Е.) Иртышский казак // Сибирские вопросы. 1912. № 18. С. 80.

колонизации», издаваемый под эгидой Переселенческого управления МВД, и «Записок Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества» (далее - Записки ЗСОИРГО). Оба издания, публикации в которых также являлись составляющей частью общественно-политического дискурса по вопросу роли имперского фактора в аграрной колонизации края, несмотря на соответственную причастность к консервативному и либеральному лагерям, наиболее предметно и профессионально освещали принципиально важные вопросы, иллюстрировавшие имперские практики в аграрной колонизации. Это объяснялось тем, что к работе в этих сборниках привлекались чиновники, непосредственно включённые в колонизационный процесс («Вопросы колонизации»), а также представители либеральной интеллигенции, науки, работавшие по планам географического общества (ЗСОИРГО)⁸⁸.

IV. Справочно-статистические материалы.

Данный вид источников привлекался к исследованию фрагментарно, однако ценность справочно-статистической информации представляется несомненной, поскольку сведения о составе и движении населения Степного края, хозяйственной обеспеченности и роде деятельности локальных сообществ, организации управления «инородческим» сегментом сибирского социума в известной степени отражают механизмы имперского присутствия в колонизационном процессе.

В качестве первой группы источников данного вида в исследование были аккомодированы материалы *всеобщей переписи населения*

⁸⁸ *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С.82.; *Успенский А.* Влияние колонизации на киргизское хозяйство // Там же. 1907. № 2. С. 42; *Шкапский О.* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Там же. 1907. № 1; *Морозов А.А.* Переселенческие посёлки Омского уезда в 1897 г. // Записки ЗСОИРГО. Вып. XXVII. Омск, 1900. С.1-23; *Подшивалов П.* Нужно ли соединять Омск с Тюменью рельсовым путём. Доклад. Отч. Омск, 1902. С.6-7; *Савенков И.* К вопросу о проведении рельсового пути от Тюмени до Омска. Доклад. Отч. Омск, 1902. С.12-13; *Лыщинский В.М.* Постановка дела снабжения питьевой водой переселенцев Акмолинской области. Доклад. Отч. Омск, 1911. С.35-39; *Гурвич И.А.* Переселения крестьян в Сибирь. Краткое содержание обширной рукописи в протоколе. М., 1884. С.8-9; *Качоровский К.Р.* Переселенцы в Азиатской России // Записки ЗСОИРГО. Вып. XVI. Омск, 1893. С.1-34.

*Российской империи, проведённой в 1897 г.*⁸⁹. Итоги Первой переписи населения были опубликованы в отдельных томах по каждой из областей, в том числе и по Акмолинской в 1904 г. и Семипалатинской области в 1905 году⁹⁰. В контексте диссертационного исследования результаты переписи в областях Степного края представляют интерес как промежуточные 20-летнего периода, в рамках которого имперские власти предпринимали усилия в сфере земледельческого освоения территорий региона. Переписью в исследуемых областях были зафиксированы изменения в социальном составе населения региона, что выразилось в значительном приросте лиц крестьянского сословия и позволило определить территориальный ареал, в границах которого наиболее интенсивно утверждались аграрные практики. Материалы переписи также устанавливали соотношение конфессиональных групп в степных областях Западной Сибири, в составе которых произошло смещение от мусульман к православным, что также подтверждает выводы об усилении имперского влияния и присутствия в регионе.

Ко второй группе относятся материалы *социально-экономической статистики*, составители которой фиксировали своё внимание на сборе данных об организации «иностранческого», крестьянского, казачьего хозяйств в районах аграрной колонизации Степного края. Данный материал был востребован не столько потому, что иллюстрировал состояние и экономическую эволюцию хозяйств локальных групп в регионе освоения, сколько в силу того, что являлся демонстрацией имперского присутствия в регионе. В этом отношении особый интерес представляли ход и результаты экспедиции Ф.А. Щербины, обследовавшего уезды региона в изучаемый

⁸⁹ Общий свод по империи разработанных данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. СПб., 1905.

⁹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб., 1905.

период⁹¹. Значительный объём информации, представившей фактические, цифровые и текстовые данные о хозяйственном положении «инородцев» и переселенцев, был извлечён из материалов, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей под руководством В. Кузнецова, одна из частей которой была посвящена именно уездам Акмолинской области⁹².

Третью группу источников составили собственно *справочные материалы* как обобщающего, так и частного характера.

Значительным подспорьем в исследовании стали сведения о природных условиях, животном и растительном мире, путях сообщения, размещении населения с характеристикой его этнического состава, занятий, промыслов, быта, культуры, размещённые на страницах справочного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», а также опубликованной при содействии Переселенческого управления книги «Азиатская Россия»⁹³.

Существенным источником, используемым в работе, стали «Памятные книжки Акмолинской области», издававшиеся в конце 90-х годов XIX века областными статистическими комитетами, обзоры степных областей, включавшие материалы по истории, этнографии и

⁹¹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Акмолинской области. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ. Акмолинская область, Атбасарский уезд. Чернигов, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Омский уезд. Чернигов, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф.А.Щербины. Т.IV, Павлодарский уезд. Воронеж, 1903.

⁹² Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Акмолинской области. Акмолинский уезд. Повторное исследование. СПб., 1913; Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Акмолинской области. Кокчетавский уезд. Повторное исследование. СПб., 1913.

⁹³ Россия: полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей т. 1-19/ под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Императорского Русского географического общества и проф. В.И. Ламанского, пред. Отделения этнографии Императорского Русского географического общества ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб., 1899-1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903; Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). Т.1: Люди и порядки за Уралом. Т. 2: Земля и хозяйство. [4]. СПб., 1914.

экономике региона, организации и практик управления, что позволило хронологически проследить и систематизировать факты, иллюстрирующие вовлечённость империи в процессы аграрной колонизации региона⁹⁴.

V. Источники личного происхождения.

Презентуемый вид источников применительно к работе представлен воспоминаниями очевидцев и непосредственных участников колонизации степных областей Западной Сибири во второй половине XIX-XX вв. Среди них - чиновники, представители генералитета, в том числе и казачьего, а также общественно-политические деятели края.

Мы сочли возможным зафиксировать в источниковом разделе только те мемуары, дневники, письма, которые максимально отражали ситуацию в Степном крае в исследуемый период, а авторы этих текстов оставили наиболее заметный след в интеллектуальном осмыслении событий аграрной колонизации региона. К таковым относятся воспоминания Степного генерал-губернатора, члена, а впоследствии и председателя ЗСОИРГО, генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова⁹⁵, дневник правительственного чиновника, участника Степной комиссии А.К. Гейнса⁹⁶, неоконченные воспоминания казачьего генерал-лейтенанта, краеведа, общественного деятеля Г.Е. Катанаева⁹⁷, эпистолярное наследие представителя сибирского областничества, известного путешественника Г.Н. Потанина⁹⁸.

Ценность активированных в исследование материалов заключается в том, что в выбранных персональных текстах были отражены основные

⁹⁴ Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск, 1897; Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый). Адрес-календарь и географические сведения / Сост. И.А. Козлов. Омск, 1887; Памятная книжка Акмолинской области. Омск, 1913; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области / под ред. Н. Домнина. Омск, 1909; Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск, 1900; Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882; Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915.

⁹⁵ *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875 гг. СПб., 1912.

⁹⁶ *Гейнс А.К.* Дневник 1865 г. Путешествие по киргизским степям / Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т.1. СПб., 1897.

⁹⁷ *Катанаев Г.Е.* Очерки былого. Омск, 2012.

⁹⁸ *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 5 /Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Н. Н. Яновский. Иркутск, 1991.

позиции дискурса, фиксировались представления власти и общества о возможностях и перспективах аграрной колонизации региона, обсуждался вопрос о вариантах включения степных областей в общеимперское пространство, оценивались роль, место, функции и реакция сословных групп края на имперские действия. Анализ данного вида источника в процессе выявления сущности и содержательных аспектов имперского подхода к разработке программы аграрной колонизации региона подтвердил уже существующие в исторической науке мнения, сообразно с которыми в персональных текстах, исходящих от представителей правительственной бюрократии, превалировал цивилизаторский подход⁹⁹ в оценке опыта реализации имперского колонизационного проекта в Степном крае, категорически неприемлемый в среде либерально настроенной интеллигенции, что фиксировалось на страницах их меморий.

Таким образом, привлечённые к исследованию источники предоставили автору возможность раскрыть содержание имперского проекта аграрной колонизации Степного края, выявить практики, используемые в процессе имперского «присвоения» региона. Материалы официального делопроизводства, запечатлевшие основные позиции дискурса власти, в сочетании с законодательными источниками и материалами личного происхождения позволили составить представление о содержательных аспектах имперского проекта и практических мероприятиях, направленных на включение степных областей в общеимперский конструкт. Репрезентации моделей и вариантов колонизационных программ в степных областях, предлагаемых разнонаправленным в политическом отношении общественным мнением на страницах периодической печати, способствовали вскрытию базовых антагонизмов в общественном мнении по вопросу об основных задачах государства и субъектах колонизации. Всё это в совокупности

⁹⁹ *Матханова Н.П.* Казахи в мемуарах миссионеров Русской православной церкви XIX в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: Сб. материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 75-79.

предопределило вероятность решения поставленных в диссертационном проекте задач.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Имперский проект колонизации Западной Сибири и её степных областей, а также практики, реализуемые в аграрной сфере, стали продуктом подходов, зафиксированных в российском общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. Произошедшее столкновение идей сибирского регионализма, озвученных в трудах представителей сибирского областничества, с одной стороны, и концепции «внутреннего империализма», представленной в работах сторонников проекта создания «большой русской нации», с другой стороны, определили логику империостроительства на восточных окраинах, варианты инкорпорации Степного края в общеимперское пространство.
2. Реальные перспективы аграрной колонизации Степного края, зафиксированные в имперском проекте второй половины XIX – начала XX вв., определялись позициями, запечатлёнными в либеральном и национально-консервативном дискурсе. В результате сформировался идейный континуум, в котором обозначилась особая роль Степного края в геополитическом контексте, поскольку его приобретение и освоение способствовало раздвижению территориальных параметров страны и превращению её в «континентальный монолит». Произошло переформатирование старых концепций, вследствие чего военное завоевание перестало быть приоритетной моделью колонизации, уступив место идее колонизации аграрной, способствуя тем самым упрочению позиций крестьянства в качестве доминирующего субъекта колонизационного процесса.

3. Процесс аграрной колонизации и имперского «присвоения» степных областей Западной Сибири фиксировался в нормативно-правовых актах. В продолжение второй половины XIX – начала XX вв. посредством законодательных решений были внесены существенные коррективы в правовой статус казачества, «иностранческого» населения, а также переселенцев из Европейской России. В результате законодательным путём были реализованы имперские планы, направленные на дискредитацию казачества как возможного агента земледельческой колонизации, ограничения традиционных промыслов и хозяйственных занятий коренного населения, расширение экономических и социальных прерогатив крестьян-переселенцев в аграрной колонизации региона.
4. Территориальная отдалённость степных пространств Западной Сибири оценивалась в имперском проекте колонизации как условие предоставления региональной бюрократии широких исполнительных полномочий, что в условиях статичности и неопределённости законодательства приводило к формированию системы «двойных стандартов». Практические мероприятия, связанные с «перевариванием» переселенческого потока, не совпадали, а в отношении «иностранческого» сегмента прямо противоречили букве закона. Деятельность имперских властей по прецеденту позволяла преодолевать форс-мажорные ситуации с обустройством стабильно прибывавших в край мигрантов, но крайне запутывала и осложняла вопросы землеустройства «иностранческого» населения, вносила сложности в организацию землепользования казачества региона, что создавало почву для роста социальной напряжённости.
5. Крестьянство, занимавшее в имперской политике России в Степном крае особое положение, в процессе реализации функции «представителя» государства на окраине, получив материальные и моральные преимущества при обустройстве и водворении, до

некоторой степени способствовало активации практик вспомоществования переселенцам, и косвенно - примирению радикально настроенной народнической интеллигенции с государством. В экономическом плане трансляция в сферу земледелия традиционного опыта экстенсивных хозяйственных практик приводила к усилению и регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «инородческим» населением региона.

- б. Включение казачества в этническое и социокультурное пространство Степного края осуществлялось в условиях осознания группой своей сословной идентичности и культурного превосходства над другими сообществами региона, что оказывало влияние на характер взаимоотношений казачества с «инородцами» края и переселенцами из Европейской России. Позиционирование казачества в качестве основного субъекта колонизации, выполнявшего важнейшие военно-политические функции в стартовый период освоения степных областей, определило преимущества казачества в территориальном размещении и признании сословных привилегий имперской властью. В дальнейшем сокращение спектра военных задач, направленных на завоевание края, ускорило вывод казачества за пределы ареала государственных интересов империи, что актуализировало негативные стереотипы социального, экономического, культурного поведения лиц казачьего звания, усиливая сословную замкнутость и субэтнический изоляционизм.

Научная новизна диссертационного исследования. В работе впервые осваивается содержание либерального, национально-консервативного и властного дискурсов по вопросу формирования имперского проекта и практик аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. Реконструируются представления различных слоёв общества о потенциальных возможностях, долгосрочных перспективах и способах инкорпорации региона в общеимперское пространство путём

распространения земледельческих практик в регионе. Устанавливается место и роль переселенческого контингента в имперских практиках аграрной колонизации Степного края. Выявляются модели взаимодействия социальных групп Степного края в имперском механизме аграрной колонизации региона.

Теоретическая значимость диссертации определяется обращением автора к научно-исследовательским практикам «новой истории империи», что предоставило возможность, опираясь на корпус аккомодированных источников, уточнить понятие *«имперская ситуация»*, характеризуя её как динамичный процесс и результат взаимодействия акторов колонизации в обстоятельствах формирования государственной модели *«внутреннего империализма»*. Понятие «внутренний империализм» в контексте настоящего исследования соотносится с понятием *«внутренняя колонизация»*. По определению А. Эткинды, в работах об имперской России было создано два нарратива, в которых, с одной стороны, Россия успешно, хоть и неровно, конкурировала с другими европейскими державами, с другой – пребывала в состоянии экономической отсталости, неограниченном насилии, нищете, неграмотности, отчаянии и крахе¹⁰⁰. Соединение двух нарративов в один даёт возможность определить «внутреннюю колонизацию» как процесс, в ходе которого Российская империя, осваивая чужие территории и собственные земли, колонизовала многие народы, включая и самих русских. Сталкиваясь с многочисленными этносами и включая их в систему управления, империя была вынуждена вторично колонизировать собственный народ¹⁰¹, который в условиях отдалённых от центра окраин обретал новую региональную идентичность. Исходя из определения «внутренней колонизации» как долговременного опыта применения практик колониального управления

¹⁰⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С.2.

¹⁰¹ Внутренняя колонизация России: Вокруг книги «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С.5.

и знания внутри политических границ государства, появляется возможность уточнения таких концептуальных понятий, как «имперский проект колонизации» и «имперские практики колонизации». Под имперским проектом колонизации понимается совокупность представлений о вероятности, перспективах и последствиях аграрного освоения Степного края, принимавших программные очертания, фиксируемые в законодательстве. Российский имперский проект предполагал вследствие расширения крестьянской колонизации постепенное поглощение имперским ядром Сибири, Дальнего Востока и части Степного края. Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациостроительства, что должно было обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу. По определению А. Рибера, Российская империя «уникальным, калейдоскопическим образом сочетала государственное строительство с колониальным правлением», стремилась добиться культурной гармонии, идейной сплоченности и административно-правового единства государства¹⁰². *Имперские практики* - это способы и модели реализации имперского проекта центральными и региональными органами власти в конкретно-исторических условиях аграрной колонизации, которые апробировались в масштабах освоения окраин, возвращаясь от периферии в центр сообразно с «эффектом бумеранга».

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы при написании научных трудов в рамках разработки различных проектов «новой истории империи», учебных пособий по истории России и Сибири второй половины XIX – начала XX вв., подготовке спецсеминаров и спецкурсов по отечественной истории.

¹⁰²*Рибер А.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: сб. науч. ст. Самара, 2001. С. 119.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в 11 публикациях, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК, а также сформулированы в формате сообщений и докладов на международных и всероссийских научных конференциях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. Аграрная колонизация степной полосы Западной Сибири в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.

1.1. Степной край как район аграрной колонизации в представлениях российского общества.

Земледельческая колонизация Степного края являлась важным сегментом аграрной и переселенческой политики Российской империи, отражая дискретность и логику переселенческого процесса, представления власти и общества о задачах колонизации, что находило выражение в формировании имперского проекта и разработке практических решений, направленных на процесс инкорпорации региона в имперское пространство.

Общеизвестно, что в первые пореформенные годы вопросы аграрной колонизации Зауралья находились на периферии общественно-политического дискурса, а государственные структуры были сосредоточены, главным образом, на аграрных проблемах в центре страны, практически не включаясь в организацию переселений на восточные окраины империи. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г. Косвенным подтверждением того, что российское правительство долгие годы не связывало вопросы аграрной политики с колониционными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого процесса: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев. Во многом поэтому переселенческое движение продолжительное время реализовывалось вне государственной

юрисдикции. Показательно в этом смысле замечание В.К. Плеве: «...Вековое народное движение упорно идёт своим путём и, как вода, не направленная в заранее проложенное русло, переполняет одни местности и обходит другие¹⁰³. В этой связи исследователи Сибири, размышляя о специфических чертах её колонизации, резюмировали, что «история переселенческого законодательства есть история самовольных переселений»¹⁰⁴. В результате к 1890-м гг. самовольное переселение в Сибирь достигло своего пика – 78 % всего движения¹⁰⁵.

Одним из важнейших следствий развития переселенческого движения как самовольного становилось его веерообразность, когда партии переселенцев в качестве районов расселения избирали ближайшие местности, а также близкие по природно-климатическим характеристикам к местам выхода. Немаловажную роль играла и принадлежность крестьянства к обществу традиционной культуры, в котором распространение информации и способы её интерпретации инициировали принятие решения о переселении в одну местность больших групп людей. Всё это приводило к весьма печальным последствиям и, в частности, быстрому сокращению сибирского колонизационного фонда.

Во многом поэтому уже с 1870-х гг. траектория переселенческих потоков смещается в направлении южной степной полосы Западной Сибири.

Важным фактором, определившим смену вектора переселенческого движения, стали военно-стратегические и этнополитические устремления России. Правительственная колонизация южных степных пространств, начавшаяся в XVIII в., уже к концу первой четверти XIX столетия была в основном завершена. Стремительное продвижение русской оседлости на

¹⁰³ *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 127.

¹⁰⁴ Внутреннее обозрение // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С.96.

¹⁰⁵ *Чуркин М.К.* Переселения крестьян Черноземного Центра Европейской России в Западную Сибирь...С.189.

юг приводило не только к расширению колониционных владений России, но и формированию новых административно-политических центров империи, соответственно реализующих в районах колонизации имперские представления о роли и назначении окраин в составе Российского государства.

Именно в 1870-х – 1880-х гг. складываются базовые основания общественно-политического дискурса о путях развития окраин, в контекстных рамках которого конкурировали идеи сибирского сепаратизма (Ядринцев Н.М., Потанин Г.Н.) и фундаментальные принципы теории «большой русской нации» (М.Н. Катков). В данном отношении решение инородческого вопроса посредством русской гражданской (читай: крестьянской) колонизации представлялось крайне привлекательным.

В вопросе колонизации Степного края присутствие двух конкурирующих позиций на длительную перспективу определило не только содержание общественно-политического дискурса, но и оказало решающее влияние на формирование правительственных практик в решении проблем, связанных с аграрной колонизацией степных областей, косвенно способствовало структурированию законодательных норм, направленных на достижение важнейшей стратегической цели имперских структур России – инкорпорацию осваиваемой территории степной полосы в общеимперский конструкт посредством фиксации в регионе земледельческой культуры, прямо и косвенно воздействовало на практики, применяемые административной бюрократией, ориентированные на вовлечение Степного края в общеимперский конструкт.

В данном отношении в эпицентре российской и сибирской общественности находился достаточно широкий круг вопросов, отражающих цели, потенциал и перспективы колонизации восточных окраин империи, репрезентируемых на страницах центральной и региональной периодической печати, научных монографий и научно-популярных сборников второй половины XIX – начала XX вв.

К числу наиболее значимых проблем, включённых в дискурсивное поле, относились темы крестьянской колонизации как определяющего компонента имперской политики на окраинах, а также вариантов урегулирования инородческого вопроса, актуальность которого в имперском контенте не только не снижалась, но и по мере реализации текущих аграрно-земледельческих задач и эскалации крестьянской колонизации стремительно возрастала. К разряду ключевых аспектов дискурса следует отнести также тему локальных сообществ региона, имманентные свойства и характер взаимодействия которых определяли сложную палитру представлений власти и общества о задачах и практических приёмах, направленных на колонизационное освоение или имперское «присвоение» степных территорий. Тем самым можно говорить о том, что названные проблемы являлись неразделимыми, составляя, собственно, предмет дискурса, в семантических границах которого наиболее рельефно были запечатлены представления интеллектуальной части российского общества о Степном крае, населённом автохтонами, как районе русской земледельческой колонизации.

Важно отметить, что отличительной особенностью публицистической риторики второй половины XIX века являлось старательное избегание колониальной терминологии.

С одной стороны, это являлось свидетельством наличия «незримых» границ дискурса, установленных на имперском уровне. Действительно, европейский колониальный опыт в Северной Америке и Индии, а также использование классических, апробированных европейскими государствами стратегий колонизации, применяемых Россией в Закавказье, настраивали российские власти на изобретение альтернативных (сугубо национальных) подходов к реализации окраинной политики. В сложившейся ситуации укрепилось мнение, моментально подхваченное в публицистической среде, об исключительной роли крестьянской

колонизации как важнейшем факторе имперской политики, направленной на «обживание» новых территорий.

С другой стороны, концепция приоритетной роли крестьянства и вольно-народного начала в колониационном процессе была в исследуемый период достаточно популярна и широко растиражирована в научной и публицистической среде, получив дополнительный импульс в пореформенное время, когда типично земледельческие районы Европейской России вступили в стадию крестьянского малоземелья и аграрно-экологического кризиса. Симптоматично, что по мере эскалации аграрных проблем в границах внутрисоссийских губерний в общественном мнении крестьянская колонизация определялась в качестве дополнения к колонизации военной. По замечанию Ф.М. Уманца, «именно для того, чтобы облегчить движение на Восток, необходимо обставить его земледельческим населением, надёжным в политическом отношении..., вслед за военным занятием страны должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знамёнами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»¹⁰⁶.

Элементы «государственного заказа», присутствовавшие в начальный период формирования российского колониального дискурса, сочетались с известной «узостью» взгляда представителей общества на проблему аграрного освоения восточных окраин империи, когда переселенческое движение в целом и отдельные его проявления рассматривались исключительно с точки зрения экономических интересов центра страны, либо не вызывали у общественности какого бы то ни было отклика. Ф.М. Уманец, размышляя о колонизации свободных земель в России, с горечью констатировал незавидную роль интеллигенции в переселенческом вопросе, подчёркивая как полную индифферентность к

¹⁰⁶ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России...С.33.

колонизации и переселенческому вопросу в земских учреждениях, так и абсолютное непонимание существа проблемы. «В самом деле, - отмечал Ф.М. Уманец, - что такое предложение одного земского деятеля – переселить всех здоровых нищих на свободные казённые земли, если не отрицание неумолимого закона природы, или выдать 200-300 рублей каждой переселяющейся семье..., что также ведёт к игнорированию основного закона природы, по которому люди, переселяющиеся пособия ради, только отягощают колонию...»¹⁰⁷.

Корреспонденты журнала «Дело», размышляя о настроениях в обществе, констатировали: «Прислушиваясь к разговорам нашего общества, не знаешь, чем больше занято оно: положением ли крестьян, образованием народа, артельными сыроварнями или последней дракой госпожи Циклер с госпожой Трош в театре... Полнейшее отсутствие интересов и общественной жизни»¹⁰⁸.

В оценке имперских планов и проектов колонизации степных пространств восточных окраин наиболее оформленной представляется позиция представителей сибирского областничества, что во многом объясняется большей включённостью региональной интеллигенции в обсуждение нужд Сибири. Так, Н.М. Ядринцев в статье, опубликованной на страницах газеты «Восточное обозрение», резюмирует: «Мы позволим себе заметить, что на окраине нашей начало помощи переселенцам уже положено... Трудно ожидать многого от «скучающей интеллигентной публики» столиц: она долго ещё будет философствовать, но есть люди в русских областях..., которые могли бы поднять этот вопрос...»¹⁰⁹. Не случайно, что именно в публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева отношение к колонизационному процессу в целом оказалось сформулировано наиболее отчётливо. Н.М. Ядринцев полагал, что колонизация являлась исключительно продуктом народного творчества,

¹⁰⁷ Уманец Ф.М. Указ. соч. С.4.

¹⁰⁸ Внутреннее обозрение // Дело. 1872. № 5. С.6.

¹⁰⁹ Ядринцев Н. В пустыне // Восточное обозрение. 1885. 16 мая. С.8, 18.

которое использовало и направляло самодержавное государство. По убеждению Н.М. Ядринцева, ставшего со временем идейным ядром областнического проекта колонизации, Сибири была уготована своего рода посредническая миссия, так как в силу своего географического положения она находилась на стыке двух миров – восточного и западного, выполняя исторически и геополитически роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала¹¹⁰. В трудах сибирских областников ключевое значение принадлежало идее приведения Сибири в одно целое с Европейской Россией. Г.Н. Потанин, в частности, писал, что «установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русской страной, но и органической частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейской частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна»¹¹¹.

Характерно, что в областническом дискурсе вопрос о колониальном статусе и будущем Сибири решался в тесной связи с урегулированием «инородческой» проблемы, которая являлась составной частью национального вопроса в России, что в значительной степени способствовало активизации публицистической полемики. Так, по мнению сибирских областников, Сибирь расценивалась, прежде всего, как

¹¹⁰ Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004. С.110.

¹¹¹ Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.

штрафная колония, место ссылки уголовников, беззащитной эксплуатации природных богатств. При этом констатировалось отсутствие средств на культурные нужды, гарантий защиты прав народов, населяющих территории сибирского региона. Здесь важно отметить, что представления областников о существовании «инородческого» вопроса как важной составляющей колониальной проблематики, начиная с 1860-х гг., формируются как следствие практической работы, находившей выражение в активной экспедиционной деятельности.

Г.Н. Потанин, столкнувшись в ходе поездок на Зайсан и в Тарбагатай в 1863-1864 гг. с проявлениями новой для него кочевой культуры, пришёл к выводу о том, что к существующему в степи земледелию у казахов, хотя и спорадическому, следует отнести как к законному экономическому явлению¹¹². Говоря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчёркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т. е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, - писал Г.Н. Потанин, - очень мало

¹¹² Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. С.29

остаются поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях»¹¹³. В дальнейшем работа по этнографическому, географическому и экономическому изучению Степного края активно продолжалась. Согласно хронологическому списку экспедиций, поездок и экскурсий, совершённых позднее (с 1877 по 1908 гг.) на средства ЗСОИРГО, 12 экспедиций из 78 преследовали сугубо этнографические цели, 29 экспедиций было снаряжено непосредственно в направлении областей и уездов Степного края¹¹⁴. Особенно большую работу проводил отдел по «инородческому» (киргизскому) вопросу в связи с заселением региона земледельческим сословием. Значительный вклад в изменение в обществе представлений о коренном населении степных районов Западной Сибири был внесён исследованиями по этнологии (Зеланд), религии и быту (Шестаков, Максимов), истории автохтонов Степного края (Катанаев), их переходу от кочевого к оседлому состоянию (Владимирский, Чермак), земледельческому опыту (Вяткин, Катанаев, Остафьев).

Данный подход, впервые обозначившийся в областническом дискурсе и подтверждённый выводами узких специалистов, совершенно не соответствовал распространённому в этот период эволюционистским «клише» о примитивности кочевых цивилизаций, для которых

¹¹³ Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири...С. 331.

¹¹⁴ Подсчитано автором по: Записки ЗСОИРГО. Т. XXXIX. Омск, 1927. Приложения. С.81-85.

скотоводческая экономика являлась естественной формой, тогда как земледелие не играло серьёзной роли в организации степного хозяйства.

Всё это в конечном итоге способствовало смене содержания и интонаций либерально-публицистического сегмента дискурса. По мнению областников, в среде русских сибиряков постепенно происходил процесс утраты этнокультурных связей со средой своего первоначального обитания. Данная идея легла в основу областнической теории о формировании в сложных природно-климатических и этнических условиях колонизируемого региона своеобразного сибирского варианта русской народности. В границах означенной теории происходила фиксация взаимных заимствований и культурного обмена между русскими переселенцами и автохтонными группами сибирского населения¹¹⁵. При этом в либеральном сегменте общественно-политического дискурса всё чаще ставилась под сомнение сама мысль о выдающейся культуртрегерской миссии русского народа, причём в многочисленных работах речь шла как об общей бесперспективности и ограниченных ресурсах крестьянской колонизации, так и культурно-цивилизационной слабости русского крестьянина в условиях отрыва от привычной социокультурной среды. С точки зрения либерального экономиста А.А. Кауфмана, причина переселений кроется в кризисе системы производства, и сам акт переселения, таким образом, становился «бегством крестьянина от культуры»¹¹⁶. Размышляя о влиянии новосёлов на инородческое сообщество в Степном крае, исследователь писал: «Мы уже видели, что новосёлам многие склонны приписывать благотворное влияние на хозяйство кочевников-киргиз в смысле перехода к земледелию и оседлому образу жизни... Не отрицая известного влияния русской колонизации на развитие земледелия у северных киргиз, уже по чисто хронологическим

¹¹⁵ См. об этом: *Головачёв П.М.* Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // *Землеведение*. 1902. Кн.2,3. С.53-68; *Шашков С.С.* Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. №8. С.265-309.

¹¹⁶ *Кауфман А.А.* Указ. соч. Ч.1. С.132-138.

соображениям нельзя видеть во влиянии русских поселений коренную причину развития в степи земледельческого промысла»¹¹⁷. По определению А.А. Кауфмана, наплыв переселенцев-арендаторов оказывал на представителей автохтонного населения деморализующее воздействие. Называя переселенческое хозяйство русских крестьян «хищническим», исследователь приходил к выводу о том, что потребительское отношение к земле, распространённое в переселенческой среде, отсутствие культуры пашни воспринималось и инородческим сообществом¹¹⁸.

В известной степени А.А. Кауфман в своих рассуждениях не был одинок, что наглядно иллюстрируется комментариями политических ссыльных. Вот некоторые из них: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного – русского»¹¹⁹; «русский народ совершенно одичал в Сибири...сибирское население слишком часто, если не вообще – тупое и озлобленное...»¹²⁰. Более того, в отношении самих инородцев, в особенности тех, кто уже переходил к оседлому образу жизни, у либеральных публицистов присутствовало иное настроение. Так, Д.А. Клеменц отмечал: «Что касается оседлых аборигенов, то они...переходя к земледелию и оседлому образу жизни..., не всегда утрачивают свои национальные особенности. Выстроив русскую избу даже с горницей, он в распределении вещей, в образе жизни по-старому живет, как в юрте»¹²¹.

Наконец, в ряде произведений исследователи уверенно констатировали факт «обынородчивания» русского населения в тех регионах Сибири, где оно, соседствуя с автохтонами, усваивало их привычки и образ жизни, утрачивая свой собственный русский тип¹²².

¹¹⁷ Кауфман А.А. Там же. С.342.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Елпатьевский С.Я. Чужая земля // Страна без границ: кН. Для учащихся 8-11 классов. Тюмень, 1998. Кн.1. С.133.

¹²⁰ Цит. по: Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С.224

¹²¹ Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и её нужды: сб. ст. СПб.,1908. С. 78–79.

¹²² Сибирь в составе Российской империи...С.29; Путевые письма И.А. Гончарова // Литературное наследство. М., 1935. Т.22/24. С.423-424.

Сочленение крестьянской и «иностранческой» темы в общественно-политической плоскости дискурса, содержание и тон которого менялись вследствие мощного влияния областнических идей, формировали в либеральной части российского общества убеждения, в соответствии с которыми имперская политика, в основании которой лежали патерналистские принципы с их устойчивой ориентацией на «слово» патриархальной организации образа жизни и хозяйственного быта коренного населения вместе с практиками его «русификации», перестала соответствовать новым условиям жизни. Под влиянием Н.М. Ядринцева и его сторонников фиксировалась и получала широкое распространение мысль о важности и необходимости естественного культурного перехода для иностранческого населения, тем более той его части, которая вследствие долговременного соседства и смешанных браков без насильственных мер широко обращалась к практикам земледелия¹²³.

В частности, критика «бюрократических цивилизаторских проектов» (определение Н. М. Ядринцева) заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу в системе координат номадического хозяйства, в известной мере дезавуировала имперские планы отчуждения земель кочевников, а также ставила по сомнению эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» определялись как своеобразная народная санкция имперской экспансии¹²⁴.

Масштабность и приобретение абриса научной теории областническим проектом, распространение ещё не идей, но уже настроений сибирского регионализма вызвали серьёзные опасения во властных кругах, определив включение в дискурс националистически настроенной части общества. Отметим, что всплеск интереса к колониционной теме в обществе был обусловлен ещё и тем, что в исследуемый период имперские и национальные амбиции,

¹²³ Ядринцев Н.М. Иностранцы Сибири и их вымирание...С.111; Он же. Заселение киргизских степей...С.1-2.

¹²⁴ Он же. Заселение киргизских степей...С.2.

распространяемые на восточные окраины страны, существенно амортизировались формированием и ростом сибирской региональной идентичности, воспринимаемой консервативной частью российского социума в качестве реальной угрозы, обеспеченной ростом сепаратистских настроений. Этот процесс совпал по времени с польским национальным движением начала 1860-х гг., вызвал серьёзные опасения, вылившиеся в некотором смысле в фобию сибирского сепаратизма, зародившуюся, по выражению А.В. Ремнёва, раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и появилось сибирское областничество¹²⁵. В рамках усиливающегося русского национализма, ярким идеологом и проповедником которого стал известный публицист и издатель М. Н. Катков, нарастает опасение возникновения конкурирующих национальных и региональных проектов, которые, как казалось, угрожают целостности империи.

В сложившихся общественно-политических условиях, как утверждает А.И. Миллер, мотив консолидации русской нации на основе культурно-языковых и политических критериев становился определяющим в публицистике М.Н. Каткова и его единомышленников¹²⁶.

В «правой» публицистической риторике 1860-х – 1880-х гг. очень чётко было зафиксировано обострение политической ситуации в стране в связи с актуализацией польских событий, а также зарождения украинофильства, что выводило на первый план проблему безопасности. В этом смысле весьма показателен перечень статей, опубликованных в «Московских ведомостях» за 1877 г., демонстрирующий востребованность и актуальность националистической журналистики и риторики: «Русское народное движение минувшего года»; «Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства»; «Негодование на органы печати смущающие русское патриотическое чувство»; «Глумление «Голоса» над

¹²⁵ Ремнёв А.В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С.10-17.

¹²⁶ Миллер А.И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.)... С.61.

патриотизмом русских публицистов»; «Бессовестность туркофильских газет» и т.д.¹²⁷.

М.Н. Катков писал: «У нас весь народ заинтересован в общественной безопасности. Мы имеем исторически сложившиеся сословия, у нас есть сословные общества в городах и селах, которые могут всего лучше способствовать этому главному государственному делу, которое в то же время есть первый интерес всякой местности и всякого обывателя в ней. Не говорильни нам нужны, не словоизвержения об общих принципах и вопросах. Нам нужно действительное участие действительных народных сил в охране общественного спокойствия»¹²⁸. Говоря о продуктивности и перспективах деятельности национальной партии, М.Н. Катков полагал, что это движение «может желать только того, что полезно России, что ей во благо, а не того, что либерально или консервативно. Наоборот, для людей антинациональной партии хорошо то, что ослабляет Россию в ее государственном составе, что вносит смуту в ее общественную жизнь: чем хуже, тем лучше, вот девиз этой партии»¹²⁹.

Соображения безопасности, занимавшие в дискурсе адептов теории «большой русской нации» центральное место, неизбежно транслировались и на отношение к территориям, расположенным на восточных окраинах страны, занимавшим особое место среди других имперских окраин. В 1865 г. в связи с упразднением деятельности II Сибирского комитета министр народного просвещения А.В. Головин заявил, что в отличие от Польши и Финляндии Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи¹³⁰. По констатации М.И. Венюкова, «полное политическое спокойствие царствует на всём обширном пространстве от Урала до Тихого океана...В

¹²⁷ Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877 год...С.1.

¹²⁸ Катков М. Н. Идеология охранительства... С. 96.

¹²⁹ Там же. С.311.

¹³⁰ Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // Роль трансферов... С.157.

общегосударственном смысле северная Азия является не мятежной колонией..., а простым продолжением империи...»¹³¹.

В контекстных границах националистического сегмента дискурса, в котором приоритетное положение занимала проблема безопасности империи, особое значение придавалось инородческому вопросу. Характерно, что обоснование имперской экспансии было тесно связано с проблемой необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. В данном отношении сторонники М.Н. Каткова (В.В. Григорьев, М.И. Венюков, А.Е. Снесарев) к числу положительных качеств Российской империи относили то, что она была создана мирным (естественным) путём, вследствие органического роста и смешения русских с покорёнными народами. При этом всячески подчёркивался мотив «морального» превосходства русских. Так, рассматривая Россию в качестве европейской державы, М.И. Венюков и А.Е. Снесарев полагали, что русские как нация обладали особыми свойствами и качествами, которые позволяли им лучше понять азиатов, проникнуть в их мысли и стремления. Между тем в этой позиции отчётливо просвечивали патерналистские идеалы и настроения, подчёркивающие особую роль русского народа в окультуривании инородцев. М.И. Венюков, «разоблачая» кровожадность испанской и английской колонизаций, писал: «За сибирскими дикарями русский человек не охотится с ружьём и собакой, как англичанин за Маорисами в Новой Зеландии...Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям, и покорённые ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никаких гражданских прав за то, что они иноверцы»¹³². В совершенно невинной, на первый взгляд, статье И. Гмелина, опубликованной на страницах «Русского вестника» и посвящённой поездке в Сибирь естествоиспытателей О. Финша и А. Брема, обнаруживаем замечательный

¹³¹ Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб.:Б.м., 1877. С.114-115.

¹³² Там же.

пассаж по поводу сибирских комаров (в сущности – «инородцев» – Б.Т.): «Они враги более существенные, чем хищные киргизы...»¹³³.

Идея имперского (русского) культуртрегерства в националистическом дискурсе была тесно связана с установлением православной религиозной доминанты. Показательно, что в данном аспекте происходило постепенное смещение акцентов национального вопроса: от западного (польского) к восточному (урало-сибирскому). При этом ситуация на западе задавала тон и настроение дискурса: «На западной окраине иностранные переселенцы, оставаясь в иностранном подданстве, заполнили нашу промышленность и захватывают самую землю; на восточной окраине, наоборот, мы не пускаем русских людей водворяться среди иноязычных местных населений»¹³⁴. И далее: «Вот почему, в виду стремящейся воспользоваться нашей слабостью и бездеятельностью магометанской пропаганды..., расширяющей круг своего влияния и угрожающей распространить свой религиозно-нравственный авторитет на всём протяжении нашего инородческого востока, поддержание христианской миссии путём деятельных мер к организации её на прочных основаниях...должно входить в число главных задач государства, не только во имя отвлечённых принципов цивилизации, но и практических интересов его внутренней политики»¹³⁵. Корреспондентами «Русского вестника» также утверждалось, что «в видах не только более успешного распространения христианства, но и успехов гражданственности среди инородцев и сближения их с русскими, не представляется более надёжного средства как назначение главных родоначальников, голов инородных управ и родовых старост из христиан, знающих русский язык»¹³⁶.

Накануне 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России катковские издания стремились усилить государственное значение

¹³³ Путешествие в Западную Сибирь О. Финша и А. Брема ... С.424.

¹³⁴ Современная летопись // Русский вестник. 1884. Т.177. С.478-479.

¹³⁵ Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. Т.164. С.64.

¹³⁶ Современная летопись: Гонение на православие в России // Русский вестник. 1883. Т.164. С.371.

исторических событий трехвековой давности, констатируя, что главным результатом «священного подвига» Ермака стало превращение Сибири в неотъемлемую часть России: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток - она есть существенная часть России, и таковою ей следует быть во всем ее гражданском устройстве»¹³⁷. Газета «Московские ведомости», редактором которых с 1863 г. являлся М.Н. Катков, обозначила в своих публикациях четыре ведущие сибирские темы, погруженные в новый имперско-национальный контекст: «сибирский сепаратизм», активно проповедуемый региональной прессой, «польский вопрос» и влияние политических ссыльных, сибирский университет как оплот будущей антиправительственной оппозиции и железная дорога в качестве новейшего средства скрепления государственного и национального пространства.

Последняя тема, связанная с железнодорожным строительством, органично вплеталась в общую канву националистического дискурса, составляя единый блок с инородческой и переселенческой проблематикой. Активное обсуждение на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» железнодорожного дела с выходом на вопросы колонизации началось в 1883 г. со скромной, однако весьма претенциозной заметки «Плохое состояние нашего железнодорожного хозяйства», в которой корреспонденты обозначили основные имперские приоритеты: «Мы не раз высказывались по поводу непосредственного подчинения железных дорог правительственной власти с устранением господствующего на них произвола частных компаний...»¹³⁸. Обретение железной дорогой правительственного статуса, как полагал М.Н. Катков, приведет к тому, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение»¹³⁹. В 1884 г. железнодорожная тематика «дрейфует» в сибирском направлении, а тон публикаций становится более агрессивным,

¹³⁷ Там же. С.996.

¹³⁸Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1883 г. М., 1898. С.230.

¹³⁹ Цит. по: *Шенк Ф.Б.* Влияние межнационального и межимперского восприятия...С.367.

что объяснялось полемичностью вопроса о направлениях строительства Сибирской железной дороги: «Из Петербурга идут опять недобрые вести на счёт злополучной Сибирской железной дороги. Сибирь называют «золотым дном», но пока мы десятки лет думаем и решаем, в каком направлении вести сибирскую железную дорогу, иностранная промышленность спешит завладеть этим «дном». Направляя железную дорогу на Нижний, Казань, Екатеринбург, мы соединяем Камско-Волжский край со всею Россией!!!»¹⁴⁰. Показательно, что в 1884 г. «Московские ведомости» опубликовали общим числом 12 статей, в которых авторы так или иначе обращались к теме перспективы сибирской железной дороги¹⁴¹. Наконец, в 1886 г. русские националисты, окончательно определили своё отношение к дорогам с точки зрения вовлечения окраин в имперское поле: «У нас в последнее время очень много писали о стратегических железных дорогах... Установился взгляд, что стратегическая дорога есть дорога бездоходная; но доходные дороги, по которым из центра к окраинам двигаются массы товаров, они то и есть самые стратегические»¹⁴².

Вопросы, связанные с колонизацией степных районов Западной Сибири, в системе координат сторонников идеи создания «большой русской нации» получили широкую огласку, представляя иной подход к целям и задачам освоения новых районов восточных окраин империи. Для идеолога движения М.Н. Каткова переселение виделось в качестве средства, «каким обыкновенно упрочиваются за государствами их территориальные приобретения», в связи с этим считалось, что нужно направлять население туда, где требуется усиление «русского элемента»¹⁴³. При этом приверженцы идей М.Н. Каткова проявляли максимум мобилизованности в вопросе о колонизационном потенциале русского

¹⁴⁰ Там же. С.127.

¹⁴¹ Подсчитано автором по: Собрание передовых статей «Московских ведомостей»...

¹⁴² Современная летопись: Меры против наплыва русского элемента в Привислинский край // Русский вестник. 1886. Т.182. С.495.

¹⁴³ Московские ведомости. 1881 г. 17 мая.

народа, в том числе и в связи с решением «инородческого» вопроса, демонстрируя собственное оригинальное видение темы. В результате в дискурсе две этих важнейших проблемы рассматривались в тесном соприкосновении.

Дискуссия между сторонниками колонизации и её противниками нашла отражение на страницах местной и центральной печати. Так, Г. Валихан, протестуя против изъятия зимовок под нужды переселения, писал, что «отобрание у киргиз таких мест сделает положение их в крае невозможным». С другой стороны, «Киргизская степная газета» неоднократно поддерживала переселенческую политику правительства и в 1894 г. в одной из статей заключала: «Нельзя же не только в интересах общего благосостояния, но и во имя простой справедливости допустить, чтобы в одном месте государства сельские обыватели имели ничтожные клочки земли, совершенно не обеспечивающие их семьи, а в другом - на каждую семью приходилось сотни десятин». Много противников колонизации степи было среди работников местной администрации, представители которой весьма прагматично смотрели на процесс переселения и на практике имели дело с примерами реальных осложнений в хозяйстве казахов и прочих последствий этого явления. Степной генерал-губернатор в отчете за 1901-1902 гг. обращал внимание вышестоящих органов, что «водворение переселенцев ограничило кочевнику простор не только в смысле количества, уменьшением площади кочевья, но и в отношении использования этого простора, сузив кочевые пути и отрезав от воды. Наносимый удар экономическому положению кочевника продолжает развиваться... Таково не столь культурное, а пока скорее отрицательное для массы киргизского населения значение фактора водворения переселенца в степи ... »¹⁴⁴. Неудивительно, что мнение о необходимости сохранения кочевого хозяйства в Степном крае высказывалось и в самых высоких кругах. Так, совещание по вопросу об исследовании степных

¹⁴⁴ Киргизская степная газета. 1894. 19 мая. С.2-3.

областей, проходившее в Петербурге 18 марта 1895 г., пришло к выводу, что « ... кочевое хозяйство является в значительной мере результатом не культурной отсталости кочевников, а естественно-исторических условий, делающих земледельческую эксплуатацию тех или иных пространств невозможной» и что «кочевники должны быть сохранены как элемент полезный государству, позволяющий последнему пользу из таких площадей, которые иначе были бы мертвыми пустынями ... »¹⁴⁵. Однако, как известно, победила иная точка зрения, и регион на многие годы стал объектом земледельческой колонизации крестьян-переселенцев из европейской части Российской империи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в протяжении второй половины XIX – начала XX столетий параллельно с усложнением аграрного вопроса в центре страны и расширением империи на восток, в направлении сибирских пространств и, в частности, территорий Степного края происходило становление базовых основ общественно-политического дискурса, репрезентировавшего на страницах периодической печати, научных монографий, сборников статей либеральный и националистический подход к оценке перспектив и вариантов аграрного освоения восточных окраин страны. Трансляторами либеральных подходов выступали такие общественно-политические издания, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Дело», «Восточное обозрение», «Сибирь». Национал-консервативная позиция наиболее последовательно отстаивалась на страницах газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

Становление общественно-политического дискурса совпало, а во многом стало следствием формирования сибирской либерально-народнической интеллигенции, профессиональная консолидация которой проходила в условиях влияния российских и западно-европейских федералистских теорий. На этой основе выстраивалась концепция

¹⁴⁵ Там же.

колониальности Сибири, в рамках которой адепты сибирского областничества могли озвучить экономические, культурные и, отчасти, политические претензии имперскому центру. Узловым элементом либерального дискурса в связи с оценкой перспектив аграрной колонизации являлась идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. В результате в локусе внимания сибирских либералов оказались вопросы, по существу чуждые имперскому пониманию задач, связанных с освоением окраин страны: решение инородческой проблемы, максимальный учёт интересов всех категорий населения в осуществлении колонизационных мероприятий. В данном отношении именно либеральная публицистика в противовес своим оппонентам высказала сомнения относительно культуртрегерского потенциала русского крестьянства, что во многом способствовало освобождению общества от идеалистических оценок культурного потенциала крестьянства и в известной степени амортизировало форсированную русификацию иноэтничного населения, активно колонизируемого на рубеже XIX – XX вв. Степного края.

Противоположный взгляд фокусировался в научных трудах, полемических заметках, отдельных высказываниях сторонников теории «большой русской нации», активно пропагандируемой её автором М.Н. Катковым и его единомышленниками - В.В. Григорьевым, А.Е. Снесаревым, М.И. Венюковым, А.И. Васильчиковым и др.

В эпицентре националистического аспекта дискурса располагался вопрос безопасности империи, интенсивно тиражируемый в связи с обострением русско-польских отношений, распространением идей украинофильства и сепаратистских настроений на западных окраинах империи. М.Н. Каткову и его сторонникам представлялось, что сепаратистские тенденции, свойственные обществу в пределах западных территорий, столь же отчётливо могут проявить себя в границах восточных окраин империи. На этой основе формировалось ощущение, что именно

Сибирь может выступить своеобразным «полигоном», в системе координат которого преодоление локальных этнографических особенностей и сословных различий откроет возможности для успешной реализации проекта создания единой нации и единого российского гражданства. В правом националистическом дискурсе ставка была сделана на русского крестьянина-переселенца, способности которого к колонизации рассматривались как имманентные, природные. Считалось, что именно русский крестьянин выступит в степных регионах в качестве транслятора русской культуры и православного мировоззрения, тем самым способствуя распространению начал гражданственности среди инородцев. Так, адепты теории «большой русской нации» обозначили в дискурсе основные положения «внутреннего империализма», конкурировавшие с либеральным пониманием сибирских пространств как обособленных, самостоятельно развивавшихся территорий в западно-европейских колониальных традициях. В результате продуктом подходов, зафиксированным участниками дискурса, стали имперские представления о роли региона и степных его фрагментов в колониационном процессе, а также проектах и практиках, направленных на их освоение.

1.2. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колониционных планах российской власти

В российском имперском дискурсе проблема колонизации южных степных областей Западной Сибири приобрела выраженную актуальность в начале XIX века. Именно в этот период Степной край как географическое и геополитическое пространство начинает рассматриваться представителями власти и общества в качестве важного связующего элемента между Россией и Востоком, объекта столкновения экономических и политических интересов различных государств. В этой связи представляется важным выявление факторов и условий материализации государственного интереса к слабоосвоенным в земледельческом отношении территориям, что находило проявление в отдельных высказываниях, программах и проектной деятельности акторов власти, направленных на постепенную интеграцию степных пространств в имперский организм.

Рассматриваемый нами период с точки зрения становления основ властного сегмента общественно-политического дискурса значительно выдвигается за границы заявленных во введении хронологических параметров работы. Во многом это связано с тем, что именно в начале XIX века стартует постепенное распространение пределов русских владений вглубь киргизских степей, сопровождаемое, во-первых, попытками ассимиляции автохтонного населения с русским казачеством, а во-вторых - мерами по увеличению численного состава Сибирского казачьего войска, рассматриваемого властями в качестве базиса гражданственности в границах степных районов. Степные области Западной Сибири всё чаще оказываются в ракурсе большой имперской политики. Административно-территориальные преобразования в масштабах всей Сибири, составлявшие важную часть программы реформ М.М. Сперанского, выделение Западно-Сибирского генерал-губернаторства, с включением в него Акмолинской и

Семипалатинской областей, последующая в 1840-х гг. реформа государственной деревни графа П.Д. Киселёва, стимулирующая переселенческое движение, попытки упорядочения политической и уголовной ссылки, активизация правительственной деятельности в Казахстане и Средней Азии – вот далеко не полный перечень мероприятий, демонстрирующих эскалацию геополитического и экономического интереса центра к отдалённой окраине.

По справедливому замечанию авторского коллектива монографии «Сибирь в составе Российской империи», «империя, включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, начинала, прежде всего, её властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения. В зависимости от политических и экономических перспектив перемещались в сибирском пространстве и военно-административные центры, ...важным был не только процесс формирования внешних и внутренних границ, но и «оцентрирование новой территории»¹⁴⁶.

В этом смысле процесс «присвоения» отдалённых территорий в традициях государственного подхода, содержание которого можно определить метафорой «Московия на Востоке»¹⁴⁷, сочетался с региональной спецификой: географической отдалённостью окраин, полиэтническим и поликонфессиональным составом населения и т.д. Именно региональная специфика и определяла ключевые позиции и основные расхождения в подходах по принципиальным вопросам колонизации степных районов Западной Сибири.

В продолжении XIX вв. представления центральной и региональной власти в отношении сибирских автохтонов, сохраняя в целом свою охранительную направленность, отличались важными изменениями,

¹⁴⁶ Сибирь в составе Российской империи... С.14.

¹⁴⁷ См. *Осокин Г.М.* Московия на Востоке // Русский разлив. В 2-х т. Т.2. С.118-260.

существо которых определялось ходом и логикой колонизации. Естественным фоном, при котором эти изменения происходили, являлся количественный рост славянского населения вследствие миграций, сохранявшаяся пенитенциарная и ссыльно-каторжная практика, естественный прирост населения. Фактор сокращения доходов от добычи «мягкой рухляди» приводил к смене хозяйственных приоритетов государства и в конечном итоге переориентации регионального народно-хозяйственного комплекса на другие отрасли. Если в горных районах Сибири в эпицентре внимания государственных структур оказывалась горнодобывающая промышленность, то в степных областях ставка делалась прежде всего на организацию и распространение земледелия.

Показательно, что с завершением реформационных мероприятий М.М. Сперанского, учреждением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и созданием генерал-губернаторского корпуса, тема земледельческой колонизации с «оглядкой» на урегулирование «инородческого» вопроса становится одной из центральных в масштабах властного среза общественно-политического дискурса. По сути дела, предметом обсуждения становятся две проблемы: необходимость и способы колонизации степных областей и каким образом отразится аграрное освоение региона на коренном населении и кочевом хозяйстве.

Хорошо известно, что вопрос о распространении земледелия в степных областях, привлечение к его развитию коренного населения, не говоря уже о возможностях расширения практик переселенческого движения, вызывал определённые опасения среди высшей бюрократии края, что находило отражение в частой смене программных установок представителей сибирской администрации. Так, в период генерал-губернаторства П.М. Капцевича (1822-1827) программные декларации о преобразованиях в управлении казахскими степями и распространении хлебопашества среди сибирских казаков и казахского населения остались лишь благими намерениями. Кроме того, современники неоднократно

отмечали факты административно-принудительного подхода к организации хлебопашества в степных областях в этот период: «...В каком именно редуте, форпосте или крепости, сколько десятин должно быть засеяно овсом или рожью; каким числом лошадей и орудий, и в какое время произвести все работы...»¹⁴⁸. Генерал-губернатор П.Д. Горчаков (1836-1850), напротив, полагал, что развитие хлебопашества у казахов является политически вредным. В записке об упразднении Омской области в 1838 г. он указывал, что земледелие дало бы казахам свой хлеб и тем самым «расторгнуло бы главнейшую цепь зависимости их от России, прочностью своею далеко превосходящую прочие способы нашего над ними владычества»¹⁴⁹. Именно в период губернаторства П.Д. Горчакова, отмеченный реформами государственной деревни в России, и, как следствие, ростом крестьянских переселений, впервые на уровне высшей региональной бюрократии были озвучены опасения в связи с эскалацией миграционного движения в степные районы.

Лишь начиная с правления Г.Х. Гасфорда (1851-1860) и А.О. Дюгамеля (1861-1866), наметились некоторые сдвиги в отношении высшей власти к перспективам аграрной колонизации степных областей, что объяснялось как появлением новых тенденций в государственной колонизационной политике империи, так и их практическими результатами, непосредственно коснувшимися степных местностей Западной Сибири. Опыт, приобретённый имперской властью в процессе реализации закона 1843 г. (распространение на Сибирь Правил об общем порядке переселения казённых крестьян), продемонстрировал власти масштаб возможностей решения вопроса о крестьянском малоземелье в центре страны. С 1838 по 1855 гг. в Западную Сибирь прошло более 90

¹⁴⁸ Ремнёв А.В. Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994. С.9.

¹⁴⁹ Там же. С.12.

тыс. переселенцев¹⁵⁰. Однако власти, предоставляя льготы малоземельному крестьянству, втягивавшемуся в переселенческий процесс, оказались не готовы к дальнейшему росту миграционных потоков и организации контроля за переселенческим движением. Всё это моментально нашло отражение во властном сегменте дискурса. Так, чиновник по особым поручениям МГИ Н.Я. Смирнов обеспокоенно писал, что «переселения крестьян в Сибирь при значительных затратах пользы правительству не принесёт. Переселенцы будут сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?»¹⁵¹. Влиятельный чиновник Министерства императорского двора Е.К. Мейендорф полагал, что «новые наши приобретения на востоке отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей, в которых, конечно, у нас нет излишества; предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех наших новых поселений, мы этим только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»¹⁵².

Тем не менее, неуклонно происходящий рост аграрных переселений и масштабов крестьянской колонизации постепенно видоизменял тональность и усложнял содержание властного дискурса, поскольку новая ситуация, сопровождавшаяся притоком русских мигрантов, вполне корреспондировала с моделью «собственнической» позиции власти в отношении коренных народов и традиционных практик русификации окраин. Не случайно, что именно в 1850-1860-х гг. усилиями местной сибирской администрации происходит активизация русской имперской политики во вновь приобретённых казахских землях. По инициативе Г.Х. Гасфорда для удобства в управлении Сибирско-Киргизской степью были образованы две новые области: Сибирских киргизов и Семипалатинская -

¹⁵⁰ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 56.

¹⁵¹ ГИАОО. Ф.3. Оп.2. Д.2071. Л.115.

¹⁵² Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (Собр. 1 апреля 1861 г.) // Век. 1861. № 22. С.151.

с областными правлениями в Омске и Семипалатинске; в 1859-1861 гг. преобразовано Сибирское казачье войско, в 1850-х на Иртыше стало развиваться пароходство. И.Ф. Бабков, размышляя о времени генерал-губернаторства А.О. Дюгамеля, отмечал, что «...несмотря на его (Дюгамеля – Б.Т.) миролюбивую политику, ни при одном генерал-губернаторе Западной Сибири не было сделано столько земельных приобретений, сколько при нём»¹⁵³.

Симптоматично, что продвижение русского государства в направлении Степного края, выразившееся в военных приобретениях, сосуществовало с изрядной долей скепсиса в отношении распространения здесь земледелия. Достаточно сказать, что, например, А.О. Дюгамель, будучи знатоком восточного вопроса, заявлял: «...Несмотря на то, что встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем»¹⁵⁴. В 1873 г. акмолинский губернатор В.С. Цытович в ответ на рассуждения во всеподданнейшем отчёте о необходимости «соединить в развитии в кочевом населении русской цивилизации и просвещения» посредством реализации «возможности соприкосновения киргизских зимовых стойбищ с оседлыми поселениями» получил от генерал-губернатора А.П. Хрущёва резолюцию: «Утопия»¹⁵⁵.

Следует отметить, что дискурс, связанный с определением возможностей колонизации степных территорий Западной Сибири развивался в условиях своеобразного фона, исторического контекста, в рамках которого естественный рост переселенческого движения остановить было уже невозможно. Значительный прилив крестьянского населения в степную часть Западной Сибири существенно способствовал «слому» исключительно консервативно-запретительных подходов к аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX века.

¹⁵³ Бабков И.Ф. Указ. соч. С.340.

¹⁵⁴ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С.25.

¹⁵⁵ ГИАОО. Ф. 3, Оп. 7. Д. 11285. Л. 309.

Косвенно этому содействовал наметившийся в 1850-х - 1860-х гг. процесс усиления взаимодействия центральной власти с высшей региональной бюрократией по вопросу о перспективах и способах интеграции коренного населения в состав российского социума. 17 апреля 1852 г. под председательством князя А.И. Чернышёва учреждён II Сибирский комитет, деятельность которого проявлялась в наиболее рельефном сотрудничестве центральной и региональной администраций.

Включение в состав созданного учреждения министров императорского двора, внутренних дел, юстиции, финансов, иностранных дел и т.п. придало комитету широкие полномочия и предоставило определённые преимущества в деле реализации государственнического подхода к решению сибирских вопросов, в том числе затрагивающих и колонизацию степных областей Западной Сибири.

Одной из важнейших задач II Сибирского комитета являлось стремление выстроить приоритеты в осуществлении окраинной политики. В этой деятельности центральное место занимал вопрос, касающийся «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского и, в частности, «Устава об управлении инородцев»¹⁵⁶. В первой части работы комитета наблюдалось стремление поднять авторитет и значимость высшей губернской аристократии. С этой целью комитет стремился свести к минимуму общение министерств с губернскими учреждениями, минуя собственно генерал-губернаторскую власть. Несмотря на половинчатость многих решений, II Сибирскому комитету удалось расширить круг полномочий генерал-губернаторской власти, значительно сузив поле правомочий местных властей, традиционно саботировавших вопрос о крестьянских переселениях в Степной край и распространении здесь земледельческих практик. В плане систематизации отношений русского и «инородческого» населения, фиксации основ аборигенной

¹⁵⁶ Сибирь в составе Российской империи... С.107-111.

политики в процессе работы II Сибирского комитета отчётливо наблюдалось стремление не только сохранить, но и активнее реализовывать принципы, провозглашённые М.М. Сперанским. В свете проблемы аграрной колонизации региона это было чрезвычайно важным, поскольку формы организации управления «иностранцами» тесно соприкасались с целями и задачами имперской политики на окраинах страны. В результате в ходе работы II Сибирского комитета его участникам удалось отстоять генеральное направление «Устава об управлении иностранцами», предполагавшего перспективную интеграцию народов Азиатской России в социально-экономическую структуру российского государства. Важным тактическим ориентиром в практическом содействии реализации «Устава» в новых исторических условиях колонизации стал принцип «соответствия учреждения духу и судьбам народа»¹⁵⁷. При этом система управления кочевым и бродячим населением, с одной стороны, учитывала особый образ жизни «иностранцев», с другой - их родоплеменное устройство было приведено в соответствие со схемой крестьянской волостной организации и волостного сельского самоуправления.

Таким образом, к середине 1870-х гг. в основном была подготовлена почва для принятия практических решений в области аграрного вопроса применительно к степным местностям колонизируемого региона. По сути дела, впервые Степной край становится плацдармом реализации имперских проектов по его «правильной», с акцентом на аграрное освоение, колонизации.

Характерно, что и во властном дискурсе периода по вопросам аграрной колонизации Степного края оказались запечатлены модели сотрудничества региональной и центральной бюрократии, а также большая свобода высших региональных чиновников в принятии

¹⁵⁷ Об управлении иностранцами: Высочайше утверждённый Устав 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. СПб., 1830.

текущих решений, не тотальная зависимость от центра, что выражалось в активном привлечении к практической работе представителей научного сообщества региона.

Отправной точкой, определившей активизацию властного формата общественно-политического дискурса, связанного с проблемами аграрного освоения края и решением «инородческого» вопроса на новом этапе, можно считать представленный по случаю вступления в должность генерал-губернатора Западной Сибири Всеподданейший отчёт Н.Г. Казнакова, в котором тот отмечал, что «положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства, успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах огромные орбиты своих кочёвок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию...»¹⁵⁸. И далее: «Осторожно, по возможности без стеснения кочевников, водворение среди киргизских степей русского оседлого населения представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа»¹⁵⁹. Привлечённый Н.Г. Казнаковым к решению «степного вопроса» старший чиновник особых поручений и в будущем видный член ЗСОИРГО Н.Н. Балакшин писал: «Особенно выгодно было бы водворить русских поселенцев на северном склоне Акмолинской и Семипалатинской областей. Эта обширная местность, заключающая в себе много удобств для хлебопашества при том без орошения полей, представляет вместе с северной частью Оренбургского края естественное продолжение сибирской земледельческой полосы с расширением которой Сибирь наиболее сплотилась бы с восточной окраиной Европейской России. Осторожное водворение русских в означенной местности с течением времени уравнило бы

¹⁵⁸ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.232.

¹⁵⁹ Там же.

преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент и не только не вызывало бы ни какого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы, по мнению моему, к их же обеспечению в экономическом отношении, усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения. Но чтобы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке»¹⁶⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в записке Н.Н. Балакшина содержится важное положение, отражающее изменение во взглядах чиновничества, непосредственно включенного в решение вопроса об аграрной колонизации степной части Западной Сибир в связи с жизнедеятельностью кочевого хозяйства. По определению А.В. Ремнёва и Н.Г. Суворовой, Балакшин в означенном документе репрезентировал не только цивилизаторский взгляд на кочевое хозяйство, но и представил вариант его «народнической» интерпретации¹⁶¹. Так, у Н.Н. Балакшина читаем: «При таком порядке заселения степей (имеется в виду организация небольшого числа дворов, расположенных на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, что позволило бы установить сообщения между степными городами – Б.Т.), постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевье на отдельные пространства. В этих пространствах киргизы могли бы беспрепятственно продолжать свой кочевой образ жизни, а желающие между ними обратиться к земледелию имели бы доступ к водворению по соседству с русскими поселениями или же распахивали бы поля около своих зимовок. Таким образом, киргизы присматривались бы к условиям оседлого быта, сближались бы с русскими и перестали бы оставаться чуждым России племенем»¹⁶². Тем самым Н.Н. Балакшин, будучи представителем властных структур, озвучил расхожий в

¹⁶⁰ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л. 558-561.

¹⁶¹ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. – С.126.

¹⁶² ГИАОО. Там же. Л.561 – 562.

либерально-публицистическом дискурсе «гуманный» вариант развития русского земледелия в степи без ограничения интересов кочевников, что в значительной степени сблизило официальный и либеральный сегменты дискурса по вопросам аграрной колонизации степных пространств с учётом «инородческого» фактора. В изысканиях Н.Н. Балакшина, нашедших предметное выражение в его научной монографии «О киргизах и вообще подвластных России мусульманах» (СПб., 1887), это сближение обозначилось ещё отчётливее в идее о «взрослении киргизского населения» при посредничестве организации в степи русских крестьянских посёлков. По данному поводу Н.Н. Балакшин констатировал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства»¹⁶³. В данной связи стоит сказать и о том, что аргументация чиновника относительно катастрофической перспективы образования киргизско-мусульманского государства в преддверии очередной русско-турецкой войны не могла быть не услышана представителями высшей административной бюрократии, тем более, что Н.Н. Балакшин, говоря о мерах «сопровождения» аграрной колонизации степи, регулярно прибегал к понятной и общепринятой в текущий момент риторике: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях... уравнило бы в степях мусульманский элемент русской народностью»¹⁶⁴.

Проекты, ориентированные на ускорение «взросления киргизского населения» и воплощения в жизнь «гуманного» варианта распространения земледелия в границах кочевых владений дискурсивно отражены в отчётах и переписке губернаторского корпуса Степного края. Акмолинский губернатор генерал-майор В.С. Цытович в отчёте генерал-

¹⁶³ ГИАОО. Ф. 3. Оп.7. Д.11587. Т.1. Л.38.

¹⁶⁴ Там же. Оп.8. Д.13315. Л. 652-652 об.

губернатору Западной Сибири предлагал ввести в степных районах полуоседлый образ жизни: «Запретить киргизам кочевать, – писал он, – значит уничтожить их скотоводство, т.е. главный и единственный источник благосостояния. В отделенном будущем, может быть, они откажутся от кочевания, но это возможно будет только тогда, когда они найдут другой более верный и более обильный источник для поддержания своего благосостояния. Чтобы привести их к этому источнику, необходимо постепенно, но настойчиво знакомить их с выгодами оседлой жизни, земледелием и промыслом. Для этого необходимо прибегнуть к переходному состоянию киргиз от кочевого образа жизни к оседлому»¹⁶⁵. Развивая свою мысль, В.С. Цытович заключал: «Она может состоять в том, чтобы зимовки каждого аула соединять в одно или несколько селений, которые будут состоять из домов русской постройки и расположатся по утвержденным планам. Летом часть киргизов будут кочевать, а другая часть оставаться в селениях и заниматься хлебопашеством; зимою же одни будут находиться при табунах, а другие останутся в деревнях и будут заниматься промышленностью и сельскими работами»¹⁶⁶. Показательно здесь, что рассуждения о мерах, направленных на постепенную трансформацию кочевых номадических обществ в оседлые земледельческие, В.С. Цытович сопровождал следующим пожеланием: «Так как киргизы очень дорожат наградами и разными знаками отличия, то для более успешного развития оседлости и хлебопашества между ними следует прибегнуть к системе поощрения и наград»¹⁶⁷.

Следует отметить, что в чиновном дискурсе 1880-х – 1890-х гг. мотив «взросления киргизского населения» теряет своё напряжение и идеологическую актуальность, что во многом было обусловлено систематизацией переселенческого движения в степные районы, действием законодательства, ликвидацией традиционных потестарно-патриархальных

¹⁶⁵ ГИАОО Ф.3, Оп. 7, Д. 11587, Л. 104.

¹⁶⁶ Там же. Л.104 об.

¹⁶⁷ Там же. Л.123.

институтов, распространением территориальной, судебной и налоговой системы по российскому образцу. В имперском сознании постепенно осуществлялась фиксация представлений об «иностранном» обществе как о «своём», что находило отражение и во властном дискурсе. В данном отношении в отчётах представителей региональной бюрократии можно встретить определённую двойственность. Так, акмолинский губернатор Ливенцов вполне в духе «цивилизаторской» риторики пишет: «Между киргизами южных уездов издавна ведётся хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки»¹⁶⁸. «Кочевое киргизское население, - продолжает губернатор, - представляет почти нетронутую почву для образовательного влияния западно-европейской культуры. По историческим причинам, киргизы долгое время находились в ближайшей связи с более образованными азиатцами: татарами, бухарцами, сартами и др. магометанами, стремившимися подвести их духовно-нравственный мир, хотя внешним образом, под непонятные ими догмы мусульманства»¹⁶⁹. И здесь же мы обнаруживаем совсем другой подход, в основе которого - признание экономического и культурного равенства и паритета русского и коренного населения: «Подобно другим степным областям Туранской низменности, Акмолинская область по племенному составу населения, хозяйственно-экономическому и общественно-гражданскому быту его представляет взаимодействие двух культур: русской оседло-земледельческой и туземной, киргизской кочевно-скотоводческой. При наблюдении интересов той и другой стороны, внимание областной администрации обращено на разрешение главного вопроса – обоюдного соглашения этих интересов в целях общего

¹⁶⁸ЦГА РК Ф. 64, Оп. 1. Кн.1. Д.395. Л.242.

¹⁶⁹ Там же. Л.242 об.

благосостояния»¹⁷⁰. Сближение властного и либерального сегментов общественно-политического дискурса по «иностранческому» вопросу можно обнаружить и в следующих рассуждениях: «Что полезнее: или киргизы, которые снабжают не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более - необходимыми?.. если возможно было собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы читатель увидел, что так называемые "дикари" - киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев - не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или уйдут за пределы России, или же обратятся в жалких нищих, никуда не годных пролетариев. Будет время, когда киргизы обрусуют сами собой, путем воспитания и постепенного развития»¹⁷¹.

Одним из важнейших вопросов, являвшимся в стартовый период аграрной колонизации Степного края составной частью дискурса власти, был вопрос о месте, роли и значении казачьего элемента в освоении региона. Вполне естественно, что применительно к имперским планам аграрной колонизации степных областей проблема обустройства в регионе военно-служилого населения оценивалась в тесной связи с пониманием и урегулированием «иностранческого» вопроса, а также мерами по устройству переселенцев – выходцев из европейской части страны.

Известно, что заселение окраинного региона в XIX столетии осуществлялось по традиционным лекалам - за счёт военно-служилого элемента, преимущественно лиц казачьего сословия.

¹⁷⁰ ЦГА РК Ф. 64, Оп. 1. Кн.1. Д.395. Л.239.

¹⁷¹ Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. №8 . 1 августа, 1891. С.136.

Соображения защиты южных границ и охраны территорий от набегов кочевников приводили к постоянному увеличению в крае казачьего войска, достигшего к 1801 г., по утверждению Остафьева, 6 000 душ м.п.¹⁷². Сложившийся перекося в пользу военного контингента в правящих кругах понимался двояко. С одной стороны, сложившаяся практика являлось удобной и понятной для местного чиновничества, поддерживаемого в отдельные годы генерал-губернаторской властью (Западно-Сибирской до 1882 г., далее Степным генерал-губернатором). С другой стороны, опыт казачьей колонизации и практические меры по ограничению земледелия среди переходящих к оседлому образу жизни кочевников наглядно демонстрировали бесперспективность подобных действий. В оценках содержания и результатов казачьей колонизации в дискурсе акторов власти присутствовало не только сходство, но и существенные несовпадения и разногласия.

Масштабы «казачье-инородческого» дискурса, по нашему мнению, были заданы в 1850-х – 1860-х гг., когда тема русско-киргизских отношений впервые была озвучена обер-квартирмейстером корпусного штаба в г. Омске генералом И.Ф. Бабковым. Размышляя над историей этих взаимоотношений, он писал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений и тем, до некоторой степени, стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища. Но, со своей стороны, и киргизы, несмотря на то, что этих пастбищ, по сравнению с количеством имеемого у киргиз скота, оказывалось весьма достаточно, распространяли свои кочевья за пределы собственно киргизской степи, переходя со своими стадами в приграничные местности Томской губернии...Вообще при всех своих столкновениях с казаками киргизы вовсе не разыгрывали роль каких-то жертв казачьего насилия, как многие полагают, а при каждом удобном

¹⁷² Остафьев В.А. Указ. соч. С.7.

случае старались мстить казакам...»¹⁷³. Широкий дискурс о перспективах казачьей колонизации в Степном крае получил наполнение к 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, пришедшей к выводу о бесперспективности казачьей колонизации внутри степи и выдвинувшей тезис об использовании свободной земледельческой и промысловой колонизации, направленной на закрепление в регионе русской оседлости¹⁷⁴. В данном отношении казахская степь имела реальные шансы трансформироваться во внутреннюю окраину империи, однако военные действия, развернувшиеся в казахской степи как реакция на реформы 1868 г. поколебали представления административной бюрократии о смирении казахов. В результате вопрос о сохранении военных укреплений в Степном крае и казачества как военного сословия, призванного сочетать служилые функции с земледельческим трудом, продолжал оставаться злободневным.

Вместе с тем по мере ослабления военной угрозы и прироста переселенческого контингента уже во второй половине 1870-х гг. во властном дискурсе всё отчетливее раздаются критические комментарии по поводу казачьей колонизации. Так, во Всеподданейшем отчёте Военного Губернатора Акмолинской области за 1877 год говорилось: «В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время это необходимость миновала, и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же, по роду своей службы, не могут систематически заниматься земледелием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным»¹⁷⁵.

Сочленение общественных настроений и представлений относительно потенциала казачьей колонизации с представлениями о данном явлении во

¹⁷³ Бабков И.Ф. Указ. соч. С.37.

¹⁷⁴ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С.188.

¹⁷⁵ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380. Л. 234.

властном дискурсе достаточно ярко подтверждается общим негативным оценочным фоном. Авторы раздела издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.18. Киргизский край» - общественно-политические деятели А.Н. Седельников, А.Н. Букейханов и С.Д. Чадов - категорически заявляли: «Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели не были подготовлены к культурной роли,...они выбрали другой, более лёгкий способ наживы – грабёж покорённого инородца и расхищение природных богатств»¹⁷⁶. Тот же настрой демонстрировал в 1875 г. будущий генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-адъютант Н.Г. Казнаков, докладывая Государю: «...Сопредельные с ними (с казахами – Б.Т.) по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевого народа»¹⁷⁷. Куда более категоричным в своих оценках казачьей колонизации оказался войсковой старшина Ф. Усов: «Проезжавшие по казачьей линии туристы, наблюдатели и ученые выносили впечатление о крайней бездеятельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. Нелюбовь к неустанному труду объясняется нелюбовью к хлебопашеству»¹⁷⁸. Показательно, что Ф. Усов, будучи адептом казачьей колонизации Степного края, признавал факт несостоятельности земледельческих усилий лиц казачьего звания. По мнению Ф. Усова, регулярная военная служба и правительственный кошт приучили сибирских казаков к беззаботности в связи с удовлетворением собственных жизненных потребностей, а военные экспедиции в степь с целью экспроприаций кочевников развили привычку к лёгкой наживе и

¹⁷⁶ Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества...С.170.

¹⁷⁷ Остафьев В.А. Указ. соч. С.7.

¹⁷⁸ Цит. по: Остафьев В.А. Указ. соч. С.7.

праздности¹⁷⁹.

Генерал И.Ф. Бабков, уже в бытность свою председателем ЗСОИРГО пересмотрев отчасти собственные взгляды на казачий сегмент в аграрной колонизации края, свидетельствовал, что «...подобные переселенцы, обеспеченные на первое время продовольствием от казны, с самого начала приучаются к лености и мало заботятся о хлебопашестве»¹⁸⁰.

В практической плоскости акцент на казачьем заселении казахской степи, принявшем, по выражению В.А. Остафьева, «искусственно-принудительный» характер¹⁸¹ и вполне удовлетворявшем военным целям, не способствовал экономическому развитию региона. Более того, все усилия сибирской администрации превратить казака в земледельца и хозяина успехом не увенчались. Согласно статистическим сведениям, количество семей, не занимавшихся земледелием, в среднем по Сибирскому Казачьему Войску достигало 30%, а в отдельных станицах 48%¹⁸². Таким образом, становилось ясно, что преобладание казачьего элемента в колонизации степных районов Западной Сибири не только не способствовало распространению земледелия, но и отрицательным образом воздействовало как на культурный облик коренного населения, так и на казачество, которое стремительно теряло продуктивность в качестве культуртрегера и проводника земледельческих практик в Сибири.

Именно критическое отношение к результатам казачьей колонизации, вследствие которого потенциал казачества как земледельческого актора был поставлен под сомнение, утвердившееся в представлениях и риторике центральной и региональной бюрократии, способствовало изменению содержания дискурса по вопросу о путях и средствах аграрной колонизации Степного края, а ссылки на неэффективность казачьей колонизации и

¹⁷⁹ *Краснов Н.* Народонаселённость и территории казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4. С.264.

¹⁸⁰ Цит. по: *Остафьев В.А.* Указ. соч. – С.7.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

инородческого землепользования становились важным действующим аргументом в практической деятельности. Н.Г. Казнаков в бытность свою генерал-губернатором, сознавая вполне, что казачий элемент в деле колонизации не имеет никакого культурного влияния, во Всеподданнейшем отчете поднял вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, причем писал, что «...осторожное, без стеснения кочевого населения водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа»¹⁸³.

О важности и полемичности самой проблемы в 1888 г. докладывал во Всеподданнейшем отчете Акмолинский губернатор, генерал-майор М.А. Ливенцов: «С увеличением в области оседлого населения не может не стесняться простор киргизских степей и традиционное скотоводство кочевников не имеет уже прежних размеров. При зависимости скотоводческого промысла от изменчивых условий степной природы (сплошной неурожай трав, гололедица, бураны и пр.) главное занятие кочевников не представляет прочно обеспеченного источника народного богатства и продовольствия, а потому вопрос о развитии земледельческой культуры в степи является вопросом времени и особенно разностороннего обсуждения»¹⁸⁴. По сути дела, отдельные высказывания представителей высшей региональной бюрократии, в частности, заявление М.А. Ливенцова о дискуссионном характере вопроса о распространении земледельческой культуры в степных районах Западной Сибири, наглядно демонстрируют знаковые изменения в расстановке акцентов дискурса, в котором происходит своеобразная рокировка основных субъектов колонизации (казак, киргиз, русский переселенец) по степени значимости с точки зрения

¹⁸³ Там же. Указ. соч. С.12.

¹⁸⁴ ЦГА РК. Ф. 64.Оп. 1.Кн. 1. Д.395. Л.241 об.

властных структур. И здесь мы обнаруживаем наметившееся сближение либерально-публицистического и властного сегментов общественно-политического дискурса, помещавших переселенческие практики в центр обсуждения. Так, научные эксперты, представленные по большей части приверженцами народнических настроений и интересов, утверждали, что «крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом, и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью, и самая главная польза колонизации степи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами»¹⁸⁵. Всё это оказалось в полной мере созвучно и властному дискурсу: представитель Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркин, посетив Семиречье, громогласно заявил о необходимости и неизбежности поощрения крестьянской колонизации: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей...»¹⁸⁶. В.А. Остафьев, суммируя полемическую общность участников дискурса, констатировал, что данный взгляд на колонизацию степных областей встретил поддержку и симпатию в высших петербургских сферах, что в конечном итоге привело к образованию при Главном управлении комиссии, призванной выработать положение о порядке колонизации степи и образовании поселений на киргизских землях¹⁸⁷.

В то же время стоит отметить, что по мере интенсификации переселенческого движения в Степной край и возникновения прикладных проблем, связанных с обустройством миграционного контингента, во властном дискурсе, в особенности регионального уровня, обнаруживались существенные оппозиции, охватившие сферы «инордческого» и казачьего землепользования, а также обустройства в степных районах мигрантов из европейской части страны.

¹⁸⁵ Цит. по: *Ремнёв А.В., Суворова Н.Г.* Указ. соч. С.193.

¹⁸⁶ *Чиркин Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., Б.г. С.103.

¹⁸⁷ *Остафьев В.А.* Указ. соч. С.8.

В частности, в печатных изданиях того времени автор статьи "Переселенческий вопрос в Западной Сибири," назвавший себя Очевидцем, рассказывает следующее: «Первые переселенцы появились в Акмолинской области при губернаторе Цытовиче и генерал-губернаторе Кознакове, именно в 1876 году. Цытович не был приверженцем заселения степных областей крестьянами, и если допустить переселенцев на киргизские земли, то сделать это в ограниченном размере, так сказать для пробы - именно для испытания, как отношений, которые должны установиться между киргизами и крестьянами, так и того, насколько крестьянское заселение будет полезно для края. Заступивший на место Цытовича губернатор Ливенцов был решительным противником поселения крестьян в области, выходя из точки зрения интересов киргизского населения»¹⁸⁸. Этот различный взгляд в воззрениях генерал-губернаторов и местной администрации, по мнению В.Остафьева, загубил и затормозил дело колонизации степи, начатое Кознаковым¹⁸⁹.

Обращаясь непосредственно к дискурсу, запечатлевшему мнения высшей региональной и местной власти, действительно обнаруживаются определённые несходства.

Так, в отчёте М.А. Ливенцова читаем следующее: «Вопрос о колонизации киргизской степи в принципе еще не решенный и никаким законодательным положением не регламентирован, и потому для прекращения беспорядочного переселения русских крестьян в Степной край, по распоряжению г. Главного Начальника края, с 15-го марта отчетного года для устройства самовольно прибывших до 15-го марта переселенцев была командирована особая комиссия, с поручением собрать сведения о всех переселенцах в области и определении пунктов для оседлых поселений, представить соображения об окончательном образовании таких поселений в Акмолинской области, с тем главным

¹⁸⁸ Остафьев В.А. Указ. соч. С.9.

¹⁸⁹ Там же.

условием, чтобы наделение российских переселенцев землей производилось без стеснения кочевого населения в землепользовании»¹⁹⁰.

Точка зрения Н.Г. Казнакова была озвучена им также в документе отчётной категории: «Что касается хлебопашества в киргизской степи, то мне кажется, желательно было бы усилить его настолько, чтобы оно соответствовало, по меньшей мере, местной потребности киргизов в хлебе. Иначе они должны будут постоянно покупать его вне пределов обитаемых ими областей и оставаться в зависимости от урожаев в соседних губерниях. Кроме того, распространение хлебопашества между киргизами побудит их сократить свои отдаленные перекочевки, что значительно облегчит управление ими, крепкие к земле, они дорожили бы своим полевым хозяйством и не пытались бы удалиться со своими стадами за пределами обитаемых ими областей, если бы, по примеру прежних лет, между ними возникли какие-либо волнения, которые, тем скорее, могли быть усмирены...»¹⁹¹.

В заочной полемике Западно-Сибирского генерал-губернатора и губернатора Акмолинской области, по сути дела, обозначились два варианта репрезентации способов аграрной колонизации региона, определённые В.А. Остафьевым как два течения в административной политике – прогрессивное, представленное высшей региональной администрацией, и, сдержанное, адептами которого выступали чиновники на местах¹⁹². Сдержанная позиция местной администрации, а в данном случае речь идёт о позиции губернатора области, наиболее интенсивно вовлечённой в земледельческое освоение, была понятной, поскольку наплыв переселенцев неизбежно способствовал нарастанию конфликтности в отношениях между всеми категориями населения края. Сторонники сдержанной позиции, в числе которых преобладали представители местной администрации, решения об увеличении

¹⁹⁰ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 395. Л. 241.

¹⁹¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13334. Л. 342 об.

¹⁹² Остафьев В.А. Указ. соч. С. 9.

переселенческого движения в Азиатскую Россию воспринимали, как правило, резко негативно в виду того, что были непосредственно знакомы с особенностями хозяйства кочевников и отлично понимали, что «переселение, вследствие столкновения с интересами аборигенов колонизационных районов, ведет к возникновению аграрного вопроса и в Азии, правда, не в такой острой форме как в Европейской России, но тем не менее болезненно переживаемого местным населением»¹⁹³. Симптоматично, что «сдержанный» подход к реализации проекта аграрной колонизации Степного края дискурсивно был зафиксирован и в решении особой комиссии от 6 февраля 1888 г., пришедшей к заключению о том, что колонизация Акмолинской и Семипалатинской областей желательна, но при соблюдении трех условий: 1) согласования её с распоряжениями правительства «о переселениях из внутренних губерний», 2) если окажется, что оседлые русские поселения в степи представляют залог к дальнейшему преуспеванию, 3) если водворение таких переселений не отразится вредно «на благосостоянии кочевников»¹⁹⁴. С другой стороны, попытки «сдерживания» аграрной колонизации не противоречили имперскому вектору организации управления и хозяйственной жизни в пределах отдалённых окраин. Один из выводов, указанных в записке, составленной после поездки Столыпина и Кривошеина в Сибирь и Поволжье в 1910 году, обращал внимание на потребность «продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятий земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства и облегчением аренды киргизских земель переселенцами: от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская

¹⁹³ Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 19.

¹⁹⁴ ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4230. Л.38 об.

государственность»¹⁹⁵. По констатации П.А. Столыпина, «нужно подумать не об устройстве киргиз, а киргизской степи», т.к. «интересы целого важнее интересов частей»¹⁹⁶.

Логика местной администрации в организации колонизационного процесса наиболее наглядно выразилась как раз в действиях губернатора М.А. Ливенцова, который в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг «инородческих» кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации¹⁹⁷. Подобная точка зрения крайние формы приобрела в начале 1880-х гг., когда генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский категорично заявил, что Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям¹⁹⁸.

Показательно, что отражённый в дискурсе «конфликт администраций» привёл к временному приостановлению официальной колонизации свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей, сопровождаённому целым рядом предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселенцев»¹⁹⁹.

Определённое влияние на содержание и интонацию властного дискурса по исследуемому вопросу оказывал фактор сословной замкнутости казачества, что само по себе являлось препятствием к свободному ходу аграрной колонизации и фиксировалось чиновниками на местах: «Территория казачьих поселений недоступна для пришлого, не казачьего элемента: это собственность сословная, на ней можно поселиться

¹⁹⁵ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С.129.

¹⁹⁶ Правда Столыпина: Сборник // Сост. Г.Сидоровнин /Альманах. I вып. Саратов, 1999. С. 80.

¹⁹⁷ Остафьев В.А. Указ. соч. С.10-11.

¹⁹⁸ Там же. С.11.

¹⁹⁹ Там же. С.12.

под двумя непременными условиями: требуются согласие общества и перечисление в казачье сословие, но такое жительство имеет характер временный и не сопряжено с участием общественном казачьем управлении, с правами на известные даровые пай в казачьей земле, словом, живущий на казачьей земле, хотя бы и постоянно, но только не казак, не пользуется правами «казачьей гражданственности» как совершенно чуждый, пришлый элемент, стоящий вне казачьей организации. В виду этого, а также и ограниченности казачьей территории, последняя для переселения крестьян, так сказать, закрыта. Остаются казенные земли, заселенные киргизами»²⁰⁰. Развивая этот тезис, Г.Е. Катанаев, находившийся в должности начальника казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа, с изрядной долей симпатии подчёркивал, что в быту казак... более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин, ещё не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга²⁰¹.

Не случайно, что с увеличением переселенческого контингента и, как следствие, обострением поземельных отношений, центральное место во властном дискурсе всё чаще стал занимать вопрос о культурных совпадениях и противоречиях основных групп населения края. Чиновники, представляющие различные уровни административной власти, неоднократно фиксировали «чужеродность» пришлого переселенческого элемента, подчёркивая в противовес наличие культурного сходства у казачества с коренным населением. На вопрос Г.Е. Катанаева о распространении среди казачества бытовых привычек и использования инородческого наречия один из казаков уверенно парировал, что «по-киргизски, нельзя нам не говорить, потому что с киргизским языком

²⁰⁰Цит. по: *Очевидец*. Переселенческий вопрос в Западной Сибири...С.128.

²⁰¹ Цит. по: *Ремнёв А.В., Суворова Н.Г.* Указ. соч. С.197

можно всю степь изойти..., русский язык не киргизский, ему скоро не выучишься...»²⁰².

С другой стороны, в русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Очевидцы и непосредственные участники переселенческого дела в степных районах отмечали, что «...переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам»²⁰³.

Подобного рода настроения вызывали серьёзные опасения у администрации и фиксировались на делопроизводственном уровне властного дискурса. Рапорты уездных начальников военному губернатору под грифом «совершенно секретно» содержат частые упоминания о вероятности прямого столкновения крестьян и казахов: «Из происходивших и подслушанных разговоров я заключил, что как киргизы в степи, так и татары г. Омска очень враждебно относятся к русским, что ясно из того, что по отношению к русским слышатся угрозы...»²⁰⁴; «Киргизы Омской волости и уезда Байбатыр Кулабаев, Дюсет Тыстай Джюзюмовы и киргизы, фамилии которых не знают, но в лицо узнают и вообще киргизы, которые живут около поселка, угрожают, что когда большинство из них, т.е. крестьян заберут в солдаты, то киргизы разорят и сожгут поселки, а все население перебьют»²⁰⁵; «За последние дни с разных сторон уезда идут самые разнообразные слухи о намерениях и злоумышлениях киргиз. Почти во всем уезде слышатся от крестьян жалобы, что киргизы собираются по уходу запасных нижних чинов причинить оседлому населению большой вред. «Пусть только уйдут

²⁰² Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске... С.23.

²⁰³ Цит. по: Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах. Омск, 2001. С.89.

²⁰⁴ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3722. Л.1.

²⁰⁵ Там же. Л.7.

солдаты...мы вытопчем лошадьми крестьян, оскорбим их баб», при этом добавляют, что «когда-нибудь и наша возьмет»²⁰⁶; «Кииминский волостной старшина рапортом от 16 июля 1900 г. за № 2049 донес мне, что казачка поселка Имантавского Залиха Абдул Тагиева Сулейменова, проживающая в селении Самарском, заявила ему, что какой-то киргиз, называвший себя из рода Таракты, предупреждал ее как мусульманку, чтобы он выехала из селения, так как все русские будут вырезаны. Подобного рода заявления, по донесению волостного старшины, поступали к нему уже несколько раз. Кроме того, слухи, что киргизы будто бы готовят противоправительственное движение, упорно носят среди русского населения уезда»²⁰⁷.

Представитель местной власти, петропавловский полицмейстер, в рапорте по ситуации в регионе излагал: «... Киргизы, недовольные тем, что при заселении края крестьянами из Европейской России часть занимаемых ими прежде земель отошла под русские поселки, якобы стали в настоящее время во многих местах высказывать довольно открыто, что с уходом казаков в Китай на войну они, киргизы, силою возьмут эти места обратно, при чем якобы высказывали крестьянам угрозы, что если последние не отдадут занятых под их поселки земель добровольно, то они, киргизы, крестьян перережут, а сами поселки выжгут»²⁰⁸.

Подводя промежуточный итог, отметим, что проблемы аграрной колонизации Степных областей Западной Сибири постепенно, в течение XIX века, включаясь в сферу интересов Российского государства, становились предметом властного сегмента дискурса. В локусе внимания его участников, представителей высшей центральной и региональной бюрократии, помещались вопросы о допустимости, возможностях и перспективах переселенческого движения в степные области, урегулирования «инородческого» вопроса, закрепления русской оседлости

²⁰⁶ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3722. Л.9.

²⁰⁷ Там же. Л.23.

²⁰⁸ Там же. Л.32.

в регионе и определения вариантов культуртрегерской миссионерской деятельности русского народа в полиэтничных и поликонфессиональных условиях Степного края. Характерно, что представления власти о будущем аграрной колонизации Степного края, зафиксированные в имперских проектах второй половины XIX – начала XX вв., объективно ориентировались на рефлексию проблемы, запечатлённую в либеральном и националистическом дискурсе. Вследствие такого положения вещей структурировался идейный континуум, в котором обозначились основные антагонизмы в решении ключевых вопросов земледельческого освоения региона акторами власти: центральной, региональной, местной. В имперском понимании формировалось и крепло представление об особой роли Степного края в геополитическом контексте, поскольку его приобретение и освоение способствовало раздвижению территориальных параметров страны и превращению её в «континентальный монолит», по лекалам исторического опыта, сложившегося ещё в эпоху Московского централизованного государства. В данном отношении происходило переформатирование старых концепций, в которых военное завоевание являлось приоритетной моделью колонизации степных окраин империи. Косвенно данный процесс осуществлялся путём дискредитации казачества в культуртрегерском плане, что способствовало упрочению позиций крестьянства в качестве доминирующего субъекта колонизационного процесса. Сервильная высшая региональная бюрократия Степного края, представленная генерал-губернаторским корпусом, начиная со второй половины 1870-х гг. становится активным проводником и транслятором имперских представлений о путях и способах колонизации края, репрезентируя в материалах официального делопроизводства расположенность к расширению переселенческого движения. В то же время на уровне местных администраций в лице военных губернаторов областей по отношению к русской аграрной колонизации имела место сдержанная позиция, ориентированная на защиту образа жизни и сферы

хозяйственных занятий «иностранческого» сегмента населения Степного края, что было обусловлено естественным опасением эскалации социальных и этнических конфликтов. В целом можно утверждать, что в представлениях об аграрной колонизации региона к исходу XIX в. была выработана некая медиальная позиция, воплотившаяся сначала в проект «взросления киргизского населения», а в начале XX в. трансформировавшаяся в имперское осознание территорий степных областей Западной Сибири в качестве «своих», безраздельно принадлежащих государству.

1.3. Земледельческая колонизация Степного края в российском законодательстве второй половины XIX – начала XX вв.

Актуализация переселенческого вопроса и проблемы аграрной колонизации степных районов Западной Сибири, рельефно отражённые в публицистическом и властном спектре общественно-политического дискурса, получили своё проектное продолжение и определение в законодательных инициативах российского правительства.

Предваряя разговор непосредственно о законодательных решениях имперской власти как способе фиксации проекта аграрной колонизации региона, следует отметить тот факт, что в правовых актах середины XIX – начала XX вв. были озвучены и закреплены не только имперские установки, ориентированные на организацию крестьянских переселений и обустройства российских землепашцев в Степном крае, но и понимание государством вопросов, связанных с урегулированием статуса локальных сообществ региона – основных субъектов, вольно или невольно втянутых в «водоворот» аграрной колонизации региона: «инородческого» элемента, казачества, русских старожилов и переселенцев.

В 1850-х гг. с ликвидацией казахских ханств и устранением от управления казахских султанов складываются благоприятные, с имперской точки зрения, условия для вовлечения пространств Степного края в контекст российской государственности. В этот период были приняты важные законодательные акты, регулирующие административное и территориальное управление в регионе, центральным звеном которых являлась мысль о формировании в границах степных областей унифицированного правового поля. В 1854 г. принято и введено в действие «Положение Сибирского комитета о распространении на казахов сибирского ведомства общих законов Российской империи». В том же году было принято новое положение об управлении Семипалатинской областью, согласно которому территории «левого фланга» киргизской степи, являвшиеся предметом кочевого скотоводства, приближенные к

городам Семипалатинску, Усть-Каменогорску и Бухтарминскому укреплению, оказались объединены в особую область, получившую наименование Семипалатинской.

В результате проведённой реформы и реализации принятых законов сложились благоприятные условия для крестьянской колонизации районов, входивших в состав Семипалатинской области. Данный процесс обеспечивался теми изменениями, которые были в законодательном порядке внесены в организацию управления этих территорий. В частности, область с этого момента возглавлял военный губернатор, а округа (окружной приказ) переходили в компетенцию окружного начальника, который при сужении полномочий султанов из представителей коренного населения по существу становился главным действующим лицом в своём округе. Тем самым происходило постепенное переподчинение управления областью имперской администрации. В законодательстве второй половины XIX – начала XX вв. широта полномочий и прав представителей местной имперской бюрократии в границах Степного края формулировалась весьма чётко и лаконично: «Губернаторы как непосредственные начальники вверенных им Высочайшею Государя Императора волею губерний, суть первые в оной блюстители неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»²⁰⁹; «Окружному (уездному) начальнику принадлежит надзор за всеми установлениями общественного управления «инородцами» и прочих сельских обывателей в пределах уезда...»²¹⁰.

Важно отметить, что процесс инкорпорации территорий Степного края совпал по времени с эпохой либеральных реформ в самой Российской империи, что естественным образом способствовало включению

²⁰⁹ Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской...С.101.

²¹⁰ Там же. С.10.

нормативно-правовых мероприятий в отношении колонизируемых окраин в общеимперский законодательный конструкт.

В современной российской историографии аграрной колонизации Сибири и отдельных её областей сформировалась устойчивая точка зрения, сообразно с которой отправной точкой для государственно-политических мероприятий в этом вопросе стало решение властей об отмене крепостного состояния, отраженное в Манифесте 19 февраля 1861 г. Базис будущих воззрений правительства на переселенческое дело сформировался под влиянием новой системы общественных отношений, провозглашенной законодательством. Предоставление всем категориям крестьянства личной свободы в общенациональном контексте означало равенство сословий, а применительно к аграрному сектору и сельскохозяйственным производителям – фактическое освобождение помещика от фискальной ответственности, упразднение помещичьей опеки над личностью земледельца, что являлось серьёзным стимулом к росту миграционной мобильности крестьянства²¹¹.

В отношении Степного края значимость законодательных актов реформы 1861 г. подкреплялась важными решениями, связанными с организацией быта, хозяйственной деятельности и управления в казачьей среде. По утверждению Ф. Усова, в 1861 г. было совершено коренное преобразование Сибирского линейного казачьего войска, подкреплённое введением нового «Временного положения». В результате помимо приобретения ряда прав на местное казачество были возложены и новые обязанности. В частности, казачество было лишено постоянного казённого довольствия, лицам служилого сословия вменялось в обязанность иметь собственных лошадей, снаряжать амуницию за собственный счёт, вырабатывать самостоятельно средства для провианта, находясь дома²¹². Тем самым «освободительная» логика реформы 1861 г. в отношении

²¹¹ Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра...С.187.

²¹² Усов Ф. Исторический очерк Западной Сибири в царствование императора Александра II // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С.251.

казачества предполагала постепенную ликвидацию военно-поселенческой модели организации управления в местностях, входящих в юрисдикцию Сибирского казачьего войска, что, по мнению реформаторов, открывало широкие перспективы для развития в казачьей среде свободного труда и установления начал гражданственности.

Чрезвычайно важно, что положения, зафиксированные реформой 1861 г. в отношении статуса и рода деятельности казачьего сегмента сибирского социума, получили дальнейшее развитие в актах 1865 и 1869 гг. В 1865 г. для пересмотра казачьих законоположений был учреждён особый комитет, начало деятельности которого сопровождалось речью императора, содержавшей следующие установки: «...Нынешние положения о казачьих войсках устарели и требуют пересмотра...Я желаю, чтоб казачьи войска... сохранили и на будущее время своё воинское назначение..., но Я вместе с тем желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их значение было сколько возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благосостояния»²¹³. К числу важных нововведений, относящихся по времени к 1869 г., следует отнести ликвидацию замкнутости казачьего сословия и предоставление права выхода из него. Этот процесс по времени и по смыслу совпал с официальным разрешением лицам не казачьего звания селиться на землях, принадлежавших к категории войсковых²¹⁴.

В этот же период начинается активная законодательная работа по регуляции аграрных отношений в Степном крае. Экономическое проникновение России в пределы степного региона в начале 1860-х годов поставило перед правительством вопрос об определении формата земельных отношений, что было вызвано неопределённостью или полным отсутствием правового регулирования данного вопроса в «инородческой» среде. В 1861 году в Омске Западно-Сибирским генерал-губернатором

²¹³ Усов Ф. Указ. соч. С.253.

²¹⁴ Там же. С.253-254.

был образован особый комитет, решивший что «...по неопределенности постановления о принадлежности киргизам земель, ими занимаемых, нельзя удовлетворительно решить поземельных вопросов, относящихся до горного промысла», и что это касается не только горного промысла, но и общего устройства края. В результате вопрос о необходимости законодательного определения права казахов на занимаемые ими земли обсуждался очень долго в Министерствах финансов, внутренних дел, военном и Сибирском комитете. Обсуждение продолжалось до 1866 года. Затем Министр внутренних дел П. Валуев поручил представить заключение по этому вопросу председателю уже функционировавшей Степной комиссии Ф. Гирсу²¹⁵.

Проведённое Степной комиссией, в состав которой входили не только правительственные чиновники, но и общественные деятели (Ч. Валиханов, А. Левшин), обследование края по изучению состояния экономики и землепользования завершилось образованием «Особой комиссии» под руководством военного министра Д. Милютина. Основной целью комиссии являлась разработка окончательного варианта «Положения об управлении Степным краем», призванного унифицировать систему управления Степным краем, придать ему колониальный характер, добиться быстрого реагирования на запросы правительственных инстанций. В результате проект «Особой комиссии» был ратифицирован, и положен в основу «Временного положения об управлении областями Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской» от 21 октября 1868 г.

Так, «Временное положение об управлении областями Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской» от 21 октября 1868 г. (ст. 210) оговаривало, что «преобладающий у казахов кочевой быт отрицает всякое понятие о поземельной собственности; земли, занимаемые

²¹⁵ *Абдрахманова Б.М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С.93-94.

киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование казахского населения следующим образом: летние кочёвки предоставляются в общественное пользование целого уезда; зимовые стойбища распределяются на специальных съездах; земли, занятые постройками, переходят в наследственное пользование...Переуступка прав пользования казахов русским должна быть засвидетельствована в уездном управлении. В то же время по усмотрению генерал-губернатора допускается отведение земли для водворения и устройства русских крестьянских поселений: общество обязано отводить особые участки в постоянное пользование людей, желающих заниматься земледелием...»²¹⁶.

Очевидно, что принятое «Положение» стремилось оградить интересы кочевого слоя «инородческого» населения от незаконных изъятий. Более того, устройство переселенцев определялось местной властью. Положения 1867-1868 годов носили временный характер и были рассчитаны на 2-3 года. Действительно, при рассмотрении проекта Положения 1867-1868 годов Степному генерал-губернатору был назначен двухлетний срок для разработки соответствующих постоянных положений об управлении губернаторством. Однако сложности урегулирования аграрного вопроса в регионе, обусловленные постоянным притоком переселенческой массы, отодвигали во времени принятие окончательного текста «Положения», который был утверждён для Степного генерал-губернаторства только 25 марта 1891 года.

Симптоматично, что окончательный вариант «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», стал своеобразным продуктом имперского компромисса. С одной стороны, закон декларировал право кочевников

²¹⁶ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.202.

бессрочно пользоваться государственными землями²¹⁷, с другой – в примечании 1 статьи 120 указывалось, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ»²¹⁸. Временное положение 1868 года состояло из 7 разделов: административное устройство; устройство суда; подати, сборы и земские повинности; о пользовании и владении; о нравах киргизов; об управлении духовными делами киргизов; о школах в степи.

«Положением» 1868 года введен специальный пункт «О правах киргизов», по которому киргизы, принявшие христианство, могли зачисляться в крестьянское или же казачье сословие и пользоваться их правами. Особо подчеркивалось право казахов быть награжденными за усердное служение царизму. Самым важным отличием реформы 1868 года было введение статей 210 и 211, которые объявляли земли кочевников государственными и предоставляемыми в общественное пользование всей аульной общине киргизов. Земли, которые были пожалованы царем ханским потомкам, считались их собственностью. Статья 210 создавала юридическую основу для расширения колонизации края. Также были определены параметры духовной жизни «инородческого» населения и вопросы, связанные с их образовательными нуждами и возможностями. Данные разделы закона открывали достаточно широкие возможности к реализации имперской политики в сфере религии и образования.

В целом можно констатировать, что в 1860-х гг. в отношении аграрной колонизации Степного края начинают формироваться правовые основы правительственной политики, ориентированные прежде всего на урегулирование статуса уже действующих в регионе субъектов – казачества и «инородцев», а также систематизацию практик

²¹⁷ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой октябрьской социалистической революции)./ Сост. М.Г. Масевич. Т.І. Алма-Ата, 1960. С.395.

²¹⁸ Там же.

землепользования, форм хозяйственной деятельности и организации быта отмеченных локальных групп.

Правовые акты регионального происхождения, окончательно оформленные во «Временном положении об управлениях областями Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Оренбургской» от 21 октября 1868 г., в сочленении с решением казачьего вопроса, зафиксированном документами реформы 1861 г., в полной мере отразили сдержанное и противоречивое отношение местной административной бюрократии к перспективам и методам аграрной колонизации Степного края. Отметим, что объективным фоном, на котором происходило оформление данного подхода, являлось отсутствие чёткой нормативно-правовой базы аграрного освоения региона в общегосударственном масштабе. Тем не менее в региональных нормативно-правовых актах этого времени уже можно обнаружить рельефное проявление имперских намерений и планов Российского государства. Так, в материалах реформы 1861 г. и воследовавших за ними актов 1865 и 1869 гг. принятые нормы оговаривали процесс ликвидации военно-поселенческих моделей организации хозяйственной деятельности лиц казачьего звания, допуск в районы казачьих поселений представителей других сословий, в частности, прибывающего из Европейской России крестьянства.

Авторы «Временного положения...», настаивая на развитии общинных форм землепользования среди кочевников, фактически исключали вероятность формирования института частной собственности на землю в Сибири вообще и в степных её областях, что, в частности, выразилось в отсутствии каких бы то ни было мероприятий в данной области. «Временное положение....», по сути дела, дублировало известное изречение генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда, полагавшего, что «все земли киргизов, состоящие в подданстве России, не составляют их собственность, а принадлежат правительству, которое дозволяет киргизам

на оных кочевать...²¹⁹. По мнению авторов нормативно-правового акта, установление частной собственности на землю могло создать в будущем значительные трудности при отводе земельных участков для нужд переселенцев.

Тем не менее вопросы, непосредственно связанные с организацией переселенческого движения в Степной край, в продолжении 1860-х – 1870-х гг. находились вне поля зрения региональных законодательных практик, как, впрочем, и в европейской части страны, где только в 1876 г. были изданы «Правила об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам», ужесточившие требования к увольняющимся крестьянам. Согласно утвержденным правилам, намеревающимся переселяться сельским обывателям необходимо было сдать участок земли в общину, ликвидировать казённые, земские, мирские недоимки, не иметь частных взысканий и обязательств, не состоять под судом, получить согласие родителей²²⁰. Правила об увольнении крестьян уточняли правительственные циркуляры, выработанные в предшествующий период, в частности, циркуляр МВД от 4 мая 1868 г. за № 7 запрещал крестьянам продажу имущества до окончательного перечисления по новому месту жительства²²¹. Переселение было обставлено и другими формальностями: разрешение на переселение нужно было получать от двух министров (внутренних дел и государственных имуществ).

Естественной реакцией сельского населения на ограничительные мероприятия правительства, отражённые в нормативно-правовой практике, стала активизация самовольных переселений, вызвавших во властных кругах серьёзные опасения в связи с ростом бродяжнических настроений в крестьянском сообществе. В границах Степного края в отмеченный период вышел целый ряд предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в

²¹⁹ Цит. по: *Борсукбаева А.М.* Указ. соч. С.44.

²²⁰ *Чуркин М.К.* Переселения крестьян Черноземного Центра... С.189.

²²¹ Там же.

пределы края бродячих масс переселенцев»²²². О том, насколько строгими являлись меры, принимаемые администрацией, можно судить, например, по тому, что самовольных переселенцев, обосновавшихся в Кокчетавском уезде в 1871 г. на арендованных киргизских землях, пришлось выдворять в три приёма. Уездным начальником было арестовано имущество переселенцев, крестьянский начальник вместе с посланными казаками разбирает переселенческие хаты и печи²²³. Столь же показательны и сведения о «фантомных» переселенческих посёлках, возникших без ведома администрации. Во время губернской ревизии 1884 г. урочища Мусина Акмолинской области, Петропавловского уезда властями была обнаружена целая русская деревня в несколько десятков домов по берегу Ишима. Оказалось, что вопреки запретам эта деревня существовала уже более десяти лет. Деревня была признана губернатором де-факто и получила говорящее наименование «Явленная»²²⁴. Во время губернаторской ревизии в Семиреченской области в момент объяснения местного чиновника по поводу нарезанных земель и отсутствующих переселенцев на горизонте появилось несколько стариков без шапок около стола с хлебом-солью, которые по всей вероятности ожидали начальство. Несмотря на недовольство генерал-губернатора, факт существования населённого пункта²²⁵ («Фортунка»!!! – Б.Т.), вновь был признан.

Рост самовольных переселений, ареал распространения которых охватывал все земледельческие районы Западной Сибири, в том числе и пространства Степного края, вызвал серьёзную озабоченность в правительственных кругах и стимулировал ряд законодательных инициатив. Косвенным подтверждением возросшей тревоги властей в связи с ростом переселений стала попытка организации правительственного надзора за аграрным переселением на восточные

²²² Остафьев В.А. Указ. соч. С.12.

²²³ Там же. С.14.

²²⁴ Там же. С.13.

²²⁵ Там же. С.19.

окраины империи. В 1881 г. по инициативе членов Совещания сведущих людей в селе Батраки (Сызрань) была образована переселенческая контора, сообщавшая мигрантам о маршрутах переселения, участках для водворения, ценах на землю и т. д. В 1880 г. последовало высочайшее повеление об учреждении при МВД особой комиссии для выработки переселенческого закона и издания предваряющих его временных правил.

10 июля 1881 г. «Временные правила о переселении крестьян на свободные казённые земли», имевшие секретный характер, были в оперативном порядке утверждены Комитетом министров, и практически одномоментно во властных кругах начинается работа по подготовке проекта «Переселенческого закона». В связи с данным обстоятельством в августе 1882 г. министром внутренних дел графом Д.А. Толстым был разослан специальный циркуляр по итогам работы Особого совещания «сведущих людей», где представителям региональной административной бюрократии предлагалось высказать своё мнение по широкому спектру вопросов, связанных с организацией переселенческого дела. В этой связи Степным генерал-губернатором Г.А. Колпаковским было высказано мнение, учтённое впоследствии при разработке переселенческого закона. Симптоматично, что первоначальная реакция администратора в связи с самим фактом переселения в Степной край являлась резко негативной и выразилась в том, что «...Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям»²²⁶. В дальнейшем позиция Г.А. Колпаковского предстала в более смягчённом варианте. В частности, им предлагалось «...вести дело колонизации степи...крайне осмотрительно, не нарезая много участков для переселенцев, дабы не стеснять киргизское население...и не вызывать

²²⁶ Остафьев В.А. Указ. соч. С.11.

враждебных отношений с их стороны к переселенцам...»²²⁷. Кроме того, генерал-губернатор высказал отрицательное отношение к установлению льгот в первые годы водворения переселенцев, а также к практикам внеобщинного, индивидуального расселения прибывших мигрантов, сославшись на ранний опыт организации переселенческого дела в Акмолинской области²²⁸.

Суммируя мнения представителей царской администрации на местах, правительство смогло сформулировать и своё общее отношение к крестьянским переселениям за Урал, ставшее доминантным принципом государственной политики в 1890-е гг.: «Предоставление освобождённому крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьёт среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и ссуд» – с другой... Правительство признаёт это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать за собственный их страх и риск»²²⁹. Данный подход был закреплён в переселенческом законе от 13 июля 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Суть закона 1889 года состояла в том, что без предварительного разрешения Министерства внутренних дел переселяться нельзя, рискнувшие на это должны были вернуться в места их приписки распоряжением власти. Согласно закону, переселение дозволялось только тогда, когда имеются свободные участки казенной земли, что предполагало активное включение в землеустройство населения местных органов власти²³⁰.

²²⁷ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1. Кн.4. Д.6362. Л.4.

²²⁸ Там же. Л. 7-8.

²²⁹ РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 10. Л. 201.

²³⁰ Там же. Ф.1149. Оп.12. Д.31. Л.7.

Помимо определения характера и размера льгот, предоставленных новоселам, закон 1889 года содержал указание на порядок образования в переселенческих поселках сельских обществ и приселения к этим поселкам вновь прибывающих переселенцев. В законе содержались правила о причислении к местам водворения всех лиц сельского состояния и мещан, самовольно переселившихся в прежнее время в Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Тобольскую, Томскую губернии и в Степные области: Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. Одним из важнейших положений закона в отношении степных областей стало включение Акмолинской области в число местностей, куда разрешалось переселение крестьян на свободные участки казённой земли. Зафиксированное в законе решение в конечном итоге оказало знаковое влияние на аграрное освоение Степного края, поскольку в силу своего местоположения Акмолинская область являлась своеобразной буферной зоной, через которую в годы неурожая и, как следствие, интенсификации переселенческого движения крестьяне в массовом порядке направлялись в Каинский и Барнаульский округа Томской губернии, в Семипалатинскую область, частью оседая в границах степных районов и невольно способствуя их аграрному освоению²³¹. Таким образом, после издания закона 13 июля 1889 г. переселенческая волна хлынула в Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский уезды, что открыло «шлюзы» для закрепления русской оседлости в Степном крае и её продвижения вглубь степной территории, усилившееся со строительством Сибирской железной дороги.

Принятие переселенческого закона в значительной степени ускорило процессы нормативно-правового регулирования системы аграрных отношений и аграрной колонизации в земледельческих районах Западной Сибири, в том числе и Степном крае, стремительно превращавшемся в эпицентр экономических, и, как следствие, имперских интересов российского государства. В этой связи вполне закономерным является шаг

²³¹ Памятная книжка Акмолинской области на 1909 г. Омск, 1909. С.88.

властей, направленный на упорядочение аграрных отношений в Степном крае, что во многом объяснялось уже существующим фактом легитимизации переселенческого движения.

Юридической базой формирующихся аграрных связей и отношений в степных областях Западной Сибири стало принятое 25 марта 1891 г. «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями» (далее – «Степное положение» - Б.Т.).

«Степное положение» было подготовлено и утверждено в виде закона Российской империи, при разработке которого был учтен весь предшествующий долгосрочный опыт изданных ранее законодательных актов. По основным своим позициям новый законодательный акт повторял и фиксировал подходы к реализации задач по аграрному освоению Степного края, обеспечению правомочия населения, вовлекаемого в систему имперского управления, изложенные во «Временном положении» 1868 г. Однако нормативно-правовой документ, увидевший свет в 1891 г., не мог не учитывать тех изменений в колонизационном процессе, которые произошли за последние два десятилетия, и уже стали частью правовой практики, запечатлённой в имперском законодательстве 1880-х гг. Достаточно сказать, что согласно общему духу и настроению вышедшего в свет «Степного положения», права казахского населения относительно пользования земельными площадями были существенно ограничены. Согласно статьям закона, лишь в отношении летних кочевий «инородцев» сохранялось незыблемым право «вечного пользования», обычая. Земли, находящиеся в пределах зимовых стойбищ, разрешалось сдавать в наём лицам русского происхождения для нужд земледелия²³². При этом в пункте 126 документа содержалась важная оговорка: «впредь до приведения в известность количества земель, подлежащих отводу кочевникам», что подразумевало проведение работ по земельному межеванию в будущем, а также было инспирировано опасениями расширения практики

²³² Положение об управлении... С.77.

самовольных переселений и поземельных споров между мигрантами и представителями автохтонов²³³. Кроме того, статья 128 закона подразумевала специальное отведение земель для хлебопашества и сенокосения²³⁴. В соответствии со статьёй 136 «Временного положения», приобретение земель в областях лицами, не принадлежавшими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианского вероисповедания воспрещалось²³⁵. Очень важное замечание, иллюстрирующее внесение корректив в законодательную практику, учитывавшую реальное положение вещей, содержалось в статье 120, где речь велась, с одной стороны, о подтверждении прав кочевников на общественное пользование своими землями в рамках существовавшего обычая, но с другой - в примечании к статье фиксировалось, «что земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ»²³⁶, что открывало широкие возможности для экспроприации любых земель в границах кочевого землепользования и передачи их в переселенческий фонд. Дальнейшая колониальная практика показала, что имперские власти в условиях наплыва переселенцев будут регулярно апеллировать к этому примечанию, по сути, не имевшему законной силы. Уже с 1893 г. власти приступили к размежеванию участков для переселенцев. По данному поводу чиновник переселенческих партий, землемер и статистик Т.И.Седельников писал, что в 1904 г. при некоторых пертурбациях высшие чины землеустроительных комиссий Степного края опасались, как бы не возник вопрос о законности изъятия земель у казахов, т.к. не были выполнены предварительные условия: размежевание земель и поземельное устройство коренного населения. Он подчеркивал, что «одна постановка такого вопроса приводила столпов колонизации степи в ужас, так как к тому

²³³ *Сорока Н.Н.* Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX - начала XX вв.: Дис... канд. ист. наук. Омск, 2009. С.136.

²³⁴ Положение об управлении... С.77.

²³⁵ Там же. С.74.

²³⁶ Там же. С.70.

времени они сами уже сознавали, что юридического основания у этой колонизации не было и нет»²³⁷.

Существенную роль в формировании имперского подхода к вопросу об аграрной колонизации региона призван был сыграть фактор учёта и преемственности позиций «Степного положения» законодательным актам об обустройстве казачьего и крестьянского населения в регионе. Присутствие в тексте законодательного акта статьи 131 о правах казачьих войск на владение и пользование занимаемыми ими землями со ссылкой на особые узаконения должно было подтвердить незыблемость имперских планов, направленных на поддержание в регионе государственного порядка²³⁸. Факт наличия в законе статьи 133 об устройстве сельских поселений, русских и инородческих с аналогичной ссылкой призван был показать стабильность намерений центральной и региональной власти продолжать работу по заселению Степного края лицами земледельческого звания²³⁹. В целом упоминание данных статей должно было продемонстрировать присутствие пусть и эфемерной, но общей законодательной модели в реализации имперского проекта аграрной колонизации региона.

Дополнительным импульсом к законодательному оформлению подходов имперских властей к процессу аграрной колонизации Степного края Западной Сибири стало строительство Сибирской железной дороги, при разработке проектов которой экономическая доходность магистрали, с точки зрения правительства, должна была определяться как «воздействие государства на расселение... и дальнейшее устройство (в Азиатской России – Б.Т.)...непрерывно притекающих из-за Урала колонизационных элементов»²⁴⁰. Таким образом, обсуждение вариантов проведения сибирского рельсового пути, начавшееся ещё в конце 1870-х гг.

²³⁷ *Седелников Т.И.* О киргизской нормальной семье по исследованиям Щербины...С. 25.

²³⁸ Положение об управлении...С. 73.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.119.

(«Северный вестник» о проектах), скорректировало колониционную доктрину империи, добавив в неё мысль о «необходимости установления прочной связи между правительственными попечениями об экономическом и культурном развитии Сибири с вопросом о регулировании крестьянских переселений»²⁴¹.

Для координации комплекса вопросов, связанного с Транссибом, 10 октября 1892 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД). В состав Комитета вошли министры внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контролёр. Впоследствии к ним присоединились военный министр и управляющий Морским министерством. Председателем КСЖД был назначен цесаревич Николай Александрович. Вновь созданный Комитет Сибирской железной дороги помимо непосредственных проблем магистрального строительства призван был решать и стратегические вопросы освоения Сибири.

По мнению одного из инициаторов создания КСЖД С.Ю. Витте, железная дорога должна была обеспечить Сибири «главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России»²⁴².

Несколькими годами спустя на заседании КСЖД 8 марта 1895 г. высказанная С.Ю. Витте идея получила полную поддержку, оформившись, таким образом, в универсальный принцип деятельности организаторов переселенческого дела, в соответствии с которым опасения в связи с крестьянскими переселениями представлялись напрасными. Комитет настаивал, что выселение крестьян из малоземельных губерний России не

²⁴¹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.119.

²⁴² *Витте С.Ю.* Указ. соч. С.112.

может оказывать неблагоприятного влияния на экономическое развитие внутри страны ввиду того, что численность такого выселения является незначительной в сравнении с ежегодным приростом населения, достигающим 1,5 млн душ. С другой стороны, Комитет отмечал позитивное влияние переселений на политическое и экономическое развитие Сибири.

Вопросами, связанными с освоением и заселением территорий, располагавшихся вдоль линии Сибирской железной дороги, занималась Подготовительная комиссия, учрежденная в 1892 году при Комитете, с участием представителей от различных ведомств, возглавляемая статс-секретарём А.Н. Куломзиным. Уже в марте-апреле 1893 г. Подготовительная комиссия предложила к утверждению «Инструкцию для ограничения свободных казённых земель и для образования переселенческих участков по линии Сибирской железной дороги», а вскоре – «Временные правила» от 13 июня 1893 г. «для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги». В этой связи принятие новых постановлений, имевших силу закона, оказалось весьма своевременным на фоне продолжавшегося прироста переселений, вызванных катастрофическими событиями неурожая и голода в Европейской России 1891-1892 гг. Особым циркуляром от 6 марта 1892 года № 11 переселение было временно приостановлено ввиду недостатка готовых для новоселов земельных участков. Переселенцы буквально заволокли все казачьи и крестьянские поселения, но так как везде все было переполнено, то они целыми массами бесцельно блуждали из поселка в поселок. Уездные власти, не видя возможности как-нибудь устроить всех этих несчастных и опасаясь волнения и развития различных эпидемий, применяли все меры, чтобы удалить переселенцев из пределов Акмолинской области.

Усиленное движение крестьян в Сибирь в голодные годы заставило правительство принять меры к его упорядочению и инициировало

открытие новых районов для прибывающих крестьян. Так, КСЖД было поручено содействовать заселению прилегающих к дороге местностей, в число которых включалась и Семипалатинская область. В данной связи КСЖД, будучи весьма лабильным учреждением, умело определял приоритеты в своей деятельности, выдвигая на первый план землеотводные работы в виду дефицита годных для размещения переселенцев участков²⁴³. Проведение Транссибирской железной дороги (1891-1905) в сочетании с деятельностью КСЖД способствовало созданию и укреплению материальной инфраструктуры для принятия в районах Степного края крестьян-переселенцев. По данным Н.Е. Бекмахановой, с начала 1890-х г. в направлении земель Степного генерал-губернаторства выдвинулось два крупных потока переселенцев: из Полтавской губернии (более 21 тыс. человек), Самарской губернии (свыше 19 тыс. человек), а также Астраханской, Воронежской и Черниговской губерний (от 10 до 13 тыс. человек)²⁴⁴.

4 марта 1893 г. было Высочайше подтверждено положение КСЖД, по которому переселенцам разрешалось селиться вдоль линии железной дороги на заранее отведённых для этого местах²⁴⁵. Для выяснения масштабов и конфигурации свободных казённых участков на основании Высочайшего положения была организована особая временная межевая партия, выделившая под переселенческие участки в Петропавловском, Кокчетавском, Омском уезде 42 736 десятин земли²⁴⁶.

Законотворческая деятельность КСЖД, ориентированная на признание «особого стремления выходцев из Европейской России к поселению в пределах Степного края»²⁴⁷, разумно сочеталась с организацией обследования уездов (Петропавловского, Кокчетавского и

²⁴³Краткий исторический очерк Семипалатинского Края: до 1917года. Семипалатинск, 1927. С.31.

²⁴⁴Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии...С. 176-189.

²⁴⁵Памятная книжка Акмолинской области за 1893 г...С.88.

²⁴⁶Там же.

²⁴⁷История Казахстана с древнейших времён до наших дней. В 5 т. Т.III...С.428.

Омского) Акмолинской области, в результате которого было обнаружено 2 421 503 десятин земли, пригодной для расселения крестьян из европейской части страны. В 1894-1895 гг. подобная практика была распространена и на территории отдалённой Семипалатинской области.

В результате проведённых по инициативе КСЖД обследований Особым совещанием под председательством Степного генерал-губернатора из членов комиссии, командированных в Сибирь, тайного советника Тихеева, при участии известного статистика Ф.А. Щербины, с привлечением местных деятелей к 1896 г. была разработана широкая и подробная программа по изучению производительных возможностей Степного края, призванная сформировать чёткое представление об экономических ресурсах края, наличии свободных и пригодных мест для размещения переселенческого контингента. Практические работы по исследованию Степного края показали, что из 20 000 000 десятин, обследованных экспедиционерами, до 10 000 000 представляются излишними для кочевого населения, и, следовательно, пригодными для образования переселенческих участков²⁴⁸. Таким образом, можно констатировать, что деятельность по изучению экономических возможностей края разворачивалась в 1890-х гг. в соответствии с буквой закона, в полной мере корреспондировала с принципами, изложенными в «Степном положении» 1891 г.

«Высочайше утвержденное, 12 Апреля 1897 г., положение Комитета Сибирской железной дороги», в основу которого легли принципы, зафиксированные ещё во «Временных правилах» от 13 июня 1893 г., помимо разрешения вопросов, касавшихся самовольно водворившихся переселенцев, уже непосредственно предписывало изымать излишние земли у кочевников. Подобного рода деятельность, возлагавшаяся ранее на

²⁴⁸ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.224.

Министерство государственных имуществ, была передана в компетенцию КСЖД²⁴⁹.

Здесь необходимо отметить, что «Временные правила 1893 г. для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» решением КСЖД, были формально скорректированы особой инструкцией, ограждавшей «неприкосновенность некоторых угодий, существенно важных для хозяйства киргизов», однако, установив несколько видов неотчуждаемых угодий, инструкция допускала возможность их изъятия в тех ситуациях, когда образование переселенческих участков могло быть стеснено²⁵⁰. Временные правила 1893 г. были усилены принятием землеустроительных законов от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г., что выразилось в активизации работ по нарезке переселенческих участков, при этом один из инициаторов принятия законов кн. Б. Васильчиков неоднократно утверждал, что земельные интересы старожилов и инородцев от данного мероприятия не пострадают. Тем не менее в последующие годы при образовании переселенческих участков принцип сохранения прав «инородческого» землепользования постоянно нарушался. Д.В. Зайцев, в статье, посвящённой истории становления переселенческого законодательства и политики, приводил характерный пример обсуждения данной проблемы на заседании Государственной Думы, работа которого была прервана из-за пришедших известий о кровавом столкновении русских переселенцев с киргизами²⁵¹.

Переселения, носившие в конце XIX в. в основном стихийный характер, с XX века начинают постепенно принимать организованную и массовую форму.

В 1901 г. царским правительством издается закон об отводе казенных земель частным лицам. Под казенными землями подразумевались и земли Степного края, объявленные государственной собственностью еще в

²⁴⁹ Там же. С.225.

²⁵⁰ Там же. С.225-226.

²⁵¹ *Зайцев Д.* Проблемы переселенческой политики / Образование. 1907. № 12. С.37.

период реформаций и законодательной деятельности 1867-1868 гг., подтверждённой «Степным положением». Согласно новому закону (от 8 июля 1901 г.), в Тобольской, Томской губерниях, а также в Степном генерал-губернаторстве допускалась продажа земли частным лицам. Однако закон чётко оговаривал, что отводимые на основании правил земли не могут быть приобретаемы «инородцами» и лицами не русского подданства. Отдача данных земель в залог или передача таковых в пожизненное владение для названных категорий запрещалась²⁵².

Следующим шагом, демонстрирующим имперский характер российского законодательства, в том числе и в связи с урегулированием вопроса аграрной колонизации Степного края, становится издание «Временных правил 6.06. 1904 г. о добровольном переселении сельских мещан и обывателей». По определению А.А. Кауфмана, основная идея закона, формулируемая официально, заключалась в «улучшении при помощи переселений условий землепользования и хозяйствования крестьянского населения внутренних губерний»²⁵³. При этом, по утверждению исследователя, закон на первый план выносил идею улучшения быта малоземельных крестьян, тогда как задачи «усиления русской мощи на отдалённых окраинах» приобретали второстепенный характер²⁵⁴. Подводя общие итоги, А.А. Кауфман, комментируя основные идеи закона, отмечал и один его существенный недостаток: преувеличенную веру законодателя во всемогущество административного механизма в лице губернского присутствия и уездного съезда земских начальников, подчёркивая, что реализация принципов закона 6 июня 1904 г., целиком и полностью объявлялась прерогативой имперских властей, главным образом, высшей административной бюрократии региона²⁵⁵.

²⁵² *Кирьяков В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С.197.

²⁵³ *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. Ч.1...С.132.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. Ч.1...С.155.

Избранное направление составило базис имперской политики в аграрном вопросе в последующий период.

Деятельность Переселенческого управления, созданного ещё в 1896 г. и реорганизованного в 1904 г., осуществлялась на основании правил 6.06.1904 г.²⁵⁶ и нормативных актов о переселении на казенные земли Азиатской России. С момента создания Переселенческого управления стало ясно, что ведомство остро нуждалось в преобразовании. С одной стороны, ему недоставало полномочий для оперативной организации переселения, с другой - присутствовали функции, дублирующие работу других учреждений, например, Комитета Сибирской дороги. К 1906 г. функции Переселенческого управления расширились, и в его ведение был передан весь комплекс по землеотводным операциям, землеустройству и мелиорации не только переселенцев, но и старожилов в Степных областях, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке.

Показательно, что в отношении степных областей Западной Сибири Переселенческое управление, руководствуясь схемой, в которой обеспечивалась преемственность главных законодательных актов: «Временного положения 1868 г...», «Степного положения 1891 г.», Временных Правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев 1904 г.» - продолжило процесс изъятия земель у казахов, пополняя, таким образом, переселенческий фонд. По этому поводу бывший депутат I Государственной думы Т.И. Седельников в работе «Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства)» писал: «Вероятно, многие будут серьезно удивлены, узнавши, что все землеотводное дело, вся колонизация степи не имеет в основе своей никакого другого настоящего, формального закона, кроме ... примечания к статье 120, которое ... требует совершенно противоположной постановки дела, а

²⁵⁶ Высочайше утвержденные Временные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев. // Собр. Узак. 1904 г. 24.08.04 г. Отд. I, ст. 1390.

именно межевания и поземельного устройства степи до колонизации, но никак не после нее!»²⁵⁷. Тем самым автор сделал вывод о том, что «на этом примечании оказалось построено все сложное здание степной колонизации»²⁵⁸.

В 1905 г. произошло упразднение КСЖД в связи с окончанием строительства основных траекторий железнодорожной магистрали. В этом же году случилась крупная реорганизация министерств, в ходе которой Переселенческое управление было передано из МВД в ведение созданного Главного управления земледелия и землеустройства. Переселенческий закон от 6 июня 1904 г. начал реализовываться только через два года в связи с принятием закона от 9 ноября 1906 г. и общей переориентацией государственного курса в переселениях и решении вопросов аграрной колонизации Степного края.

Таким образом, законодательные решения, обеспечившие ход, логику и результаты аграрного освоения и имперского «присвоения» степных областей Западной Сибири, определялись внутренним характером российской колонизации. Базовые правовые основы, направленные на координацию аграрных отношений и реализацию имперских практик в степных областях сибирского региона были заложены в 1860-х гг. установлением и фиксацией правового статуса действующих субъектов колонизации – казачества и «иностранцев». Законодательные инициативы по отношению к лицам казачьего звания создали условия для постепенной ликвидации военно-поселенческой модели организации жизни сословия, что стало свидетельством отказа имперских властей от ставки на казачество в колонизационных практиках и открывало перспективы привлечения к аграрной колонизации крестьянства Европейской России. Законодательные акты по адресу иностранческого сообщества, главным образом «Временное положение...» 1868 г. и «Степное положение...» 1891

²⁵⁷ Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С.39.

²⁵⁸ Там же. С.33.

г., создали юридические препятствия для формирования в «иностранном» правовом поле института частной собственности на землю, а также утвердили понятие «излишние земли» для кочевого населения, что однозначно дезавуировало планы империи по организации и координации переселенческого движения в Степной край в ближайшей перспективе. В дальнейшем по мере роста переселенческого движения в области Степного края регион постепенно включался в общероссийское правовое пространство, а миграционные процессы корректировались общеимперскими законодательными решениями, зафиксированными во «Временных правилах...» 1881 г., Переселенческих законах 1889 г. и 1904 гг. При этом в исполнении законов и реализации циркулярной практики в отношении землепользования локальных сообществ степных областей имперские власти через посредничество колониальных учреждений – КСЖД и Переселенческого управления - продолжали руководствоваться принципами, сформулированными в законодательных актах 1868 и 1891 гг.

В целом можно констатировать, что проблема аграрной колонизации Степного края, ставшая важным эпизодом окраинной политики российского государства со второй половины XIX в. встраивается в общий колониальный дискурс о месте Сибири в составе России, её статусе и вариантах инкорпорации отдельных регионов в имперское пространство.

Общим фоном, в границах которого происходило формирование общественно-политического дискурса по вопросу организации земледельческих практик в степных областях Западной Сибири, становится, с одной стороны, констатация государством факта военно-политической стабильности в регионе, с другой - националистический «ренессанс», выразившийся в опасениях роста и распространения сепаратистских настроений на восточных окраинах.

В продолжение XIX столетия происходило интеллектуальное освоение сибирских территорий, в ходе которого осуществлялось не

только приращение знаний об истории, географии и экономике региона, но и складывалось эмоциональное восприятие проявлений неравноправия в отношениях центра и окраины. В сибирском областническом проекте, получившем обоснование в пореформенную эпоху, оконтурилось понимание Сибири как колонии не только в экономическом, но и в культурном отношении. В этой связи представители либеральной интеллигенции дискурсивно конструировали будущее региона в масштабах западно-европейской колониальной теории, предрекавшей постепенное преодоление колониями зависимости от метрополии. В рамках областнической концепции сложилась теория об этнокультурном «миксте», в результате которого в условиях окраин формировалась особая русско-сибирская народность, с характерной для неё общностью региональных и социокультурных признаков идентичности.

Концепция сибирских областников была настороженно встречена сторонниками теории «большой русской нации», рефлексировавших перспективы освоения Сибири в категориях «внутреннего империализма», связывая их с переселенческим движением как фактором русификации и имперской инкорпорации восточных окраин.

В связи с ростом миграционной активности крестьянства и активизации аграрных переселений в Степной край во второй половине 1870-х гг., прежде всего, в Акмолинскую и Семипалатинскую области, происходит диверсификация дискурса, что выразилось во включении в него представителей высшей центральной и региональной власти, а также местной бюрократии.

В генерал-губернаторской риторике, наиболее рельефно оформившейся в период управления Западной Сибирью Н.Г. Казнаковым, явно прослеживалась приверженность идее имперского «поглощения» степных областей региона, что проявилось в признании эффективности крестьянской колонизации, необходимости реструктуризации инородческого землепользования, сдержанной позиции в отношении

казачества, лоббировании планов и проектов железнодорожного строительства, активизации научно-исследовательской деятельности в ареале предполагаемой и уже осуществлённой оседлости миграционного элемента.

В представлениях местной власти, главным образом военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей, крестьянские переселения и аграрное освоение степных территорий оценивались крайне осторожно, что было во многом обусловлено доскональным знанием местной природно-географической, социально-политической и этнокультурной специфики. В дискурсе местной власти, зафиксированной преимущественно в материалах официального делопроизводства, постоянно присутствовал мотив опасений, связанных с ущемлением экономических прав коренного населения, что, по мнению чиновничества, являлось объективным конфликтогенным фактором.

Таким образом, «конфликт администраций», реализуемый посредством дискурса, стал своеобразным «дистиллятом» общественно-политической полемики и наиболее отчётливо проявился в российском законодательстве, отразившем содержание проектов, направленных на аграрную колонизацию Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Характерной чертой законодательства, призванного создать юридическую базу для имперского «присвоения» Сибири вообще и степных районов в частности являлось стремление соединить общеимперские задачи с региональной (этнокультурной, конфессиональной) спецификой. В результате была создана проектная модель, в рамках которой законодатели попытались учесть как интересы переселенческого движения в ракурсе империостроительства, так и этнических и социальных групп, живущих в регионе, но ещё не встроенных в общеимперское пространство. В результате сложившейся двойственности особая роль в координации и регулировании процессов

аграрной колонизации Степного края оставалась за имперскими практиками, реализуемыми непосредственно в ходе земледельческого освоения региона.

ГЛАВА II. Сословные группы Степного края в имперской системе аграрной колонизации региона.

2.1. Переселенческий контингент в имперской практике аграрного освоения территорий Степного края.

Во второй половине XIX столетия Степной край как географическое и геополитическое пространство начинает рассматриваться представителями власти в качестве важного связующего элемента между Россией и Востоком, объекта столкновения экономических и политических интересов различных государств. В этой связи представляется важным выявление условий и обстоятельств, в которых осуществлялась материализация государственного интереса к слабоосвоенным в земледельческом отношении территориям, что находило выражение не только в репрезентации властью представлений о возможностях и перспективах аграрной колонизации степных областей: программах, проектной деятельности акторов высшей центральной и региональной бюрократии, в законодательных инициативах, но и в реальной практической работе по организации переселенческого дела, направленной на постепенную интеграцию степных пространств в имперский конструкт.

Отметим, что именно в практической деятельности административной бюрократии, направленной на осуществление аграрной колонизации региона, наиболее рельефно была зафиксирована имперская идея «оцентровывания» новой территории, создания локальных эпицентров имперского влияния²⁵⁹.

В данном отношении стоит обратиться к рассуждениям известного исследователя Сибири А.А. Кауфмана, который в своей фундаментальной монографии справедливо отмечал, что сибирские переселения вплоть до середины 1880-х гг. играли совершенно незаметную роль в общем процессе переселенческого движения. Переселения в Сибирь в эти годы,

²⁵⁹ Сибирь в составе Российской империи... С.20.

по утверждению Кауфмана, могли развиваться только искусственным путём, при помощи правительственных «наклеек»²⁶⁰. Тем самым А.А. Кауфман косвенно указал на особую роль имперского фактора в организации переселенческого дела.

Так же видится существенным, что не взирая на содержательное совпадение процессов аграрного освоения Степного края (преимущественно Акмолинской и Семипалатинской области) с аналогичными явлениями в других районах Западной Сибири (Тобольской и Томской губерниях), можно обнаружить и ряд специфических моментов. Во-первых, освоение южной степной полосы Западной Сибири началось позже и имело важное военно-стратегическое значение для Российской империи, что реализовывалось в активной работе административных структур региона, придавало широкие полномочия местной бюрократии. Во-вторых, в пределах Степного края представители переселенческого контингента приходили в постоянное соприкосновение с другими локальными группами (казачеством, «иногородцами»), что требовало активного участия государства в решении переселенческого вопроса.

Переходя непосредственно к вопросу о самом переселенческом движении в Степной край и практикам империи в решении вопроса об аграрной колонизации, необходимо отметить, что импульсом, определившим рост миграционных настроений в России, стали события 1860-х гг. Отмена крепостного права Манифестом 19 февраля 1861 г. не решила аграрного вопроса, в связи с чем имперские власти в целях разрядки социальной напряженности в стране и преодоления крестьянского малоземелья обратились к поиску паллиативных вариантов урегулирования крестьянской проблемы. В череде мер, предпринятых в пореформенную эпоху, заметное место занимала организация переселенческого движения в Сибирь, и главным образом в те её районы, которые в силу своей колонизационной ёмкости и подходящих для

²⁶⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.1. С.21-22.

создания пашенного хозяйства условий отличались элементарным уровнем комфортности для главного субъекта колонизации – крестьянства.

Совершенно естественно, что первые потоки переселенцев направлялись в местности, территориально приближенные к европейской части страны, преимущественно в лесную и лесостепную зоны Западной Сибири, где из крестьян-мигрантов к началу 1880-х гг. обосновалось в Алтайском округе – 50 % всей массы, в Тобольской губернии свыше 40 % прошедших за Урал²⁶¹. Часть выходцев из Европейской России начиная с середины 1870-х гг. направлялась в степные области, где основными очагами земледельческой колонизации становились территории Акмолинской и Семипалатинской областей.

Период 1860-х – 1880-х гг. характеризовался сдержанно-отрицательным отношением административной бюрократии к самому переселенческому движению, а также вопросам его организации и регулирования. Отрицательное отношение к переселенческому движению оказалось зафиксированным в мероприятиях, связанных с жизненной практикой миграций в области Степного края. Согласно логике правительственной бюрократии, переселенческий поток в границы Степного края представлял серьёзную угрозу для внутренней ситуации в регионе. Крестьяне самовольно занимали казахские земли, втягивались в конфликтные отношения с представителями старожильческого сегмента сибирского общества. Кроме того, по мнению властных структур, пример переселенцев мог способствовать нежелательному росту миграционных настроений в крестьянской среде, способствовать вредной подвижности и бродяжничеству.

Однако в указанный временной отрезок происходили важные изменения во взглядах имперской власти на роль аграрной колонизации отдалённых регионов страны, в частности, Степного края, что в известной мере формировало сдержанное отношение к фактам переселенческого

²⁶¹ Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилков Западной Сибири... С.89.

движения. Вспомним, что ещё в 1850-х гг. территории казачьих поселений в пределах Степных областей были недоступны для пришлого, не казачьего, элемента. Один из исследователей переселенческого дела в Западной Сибири писал: «Это собственность (казачья – Б.Т.) - сословная, на ней можно поселиться под двумя непеременимыми условиями: требуются согласие общества и перечисление в казачье сословие, но такое жительство имеет характер временный и не сопряжено с участием в общественном казачьем управлении, с правами на известные даровые пай в казачьей земле, словом, живущий на казачьей земле хотя бы и постоянно, но только не казак, не пользуется правами «казачьей гражданственности» как совершенно чуждый, пришлый элемент, стоящий вне казачьей организации. В виду этого, а также и ограниченности казачьей территории, последняя для переселения крестьян, так сказать, закрыта. Остаются казенные земли, заселенные киргизами»²⁶². Тем не менее, согласно положениям реформы 1861 г., допускалось размещение в областях военных поселений лиц не казачьего сословия. Кроме того, «Временное положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», изданное в 1868 г., достаточно широко регламентировало возможности отторжения в пользу переселенцев земель, «излишних» для кочевого населения.

При том, что заселение Степного края, инициированное административно (преимущественно, Акмолинской области), началось с 1878 г., когда после изыскания удобных мест для оседлых поселений производятся работы по подготовке в степных областях переселенческих участков, де-факто данный процесс стартовал ещё во второй половине 1860-х гг. В 1866 году в Кокчетавском уезде, вблизи озера Саумалколь, было образовано выходцами из Пермской и Тобольской губернии небольшое селение, увеличившееся к 1870 г. до 50 дворов.

²⁶² *Очевидец*. Переселенческий вопрос в Западной Сибири... С.128.

Участившиеся факты самовольных переселений вызвали серьёзное практическое противодействие местных администраций. Так, военный губернатор Акмолинской области Ливенцов в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг инородческих кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации²⁶³. Фактически одновременно вышел целый ряд предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселенцев»²⁶⁴. О том, насколько строгими являлись меры, принимаемые администрацией, можно судить, например, по тому, что самовольных переселенцев, обосновавшихся в Кокчетавском уезде в 1871 г. на арендованных киргизских землях, пришлось выдворять в три приёма. Уездным начальником было арестовано имущество переселенцев, крестьянский начальник вместе с посланными казаками разбирал переселенческие хаты и печи²⁶⁵. В. Остафьев, говоря о способах противоборства нелегитимным переселениям, констатировал: «Насколько крутые и строгие меры принимались администрацией, можно судить по тому, что одних переселенцев самовольных в Кокчетавском уезде, поселившихся в 1871 г. на арендованных киргизских землях на урочище Бакым-Чока, выдворяли 3 раза. Эти переселенцы заняли участок в 1870 г., построились и платили аренду киргизам и жили так до 1880 г. В 1880 г. они просили о водворении и отводе земли, но прошение не было уважено и новоселов приказано выселить, вследствие, якобы, требования киргиз, несмотря на то, что приказание было исполнено. Однако они снова водворились на том же урочище, но в 1882 г. снова были выдворены. Подкупив киргиз новым

²⁶³ Остафьев В.А. Указ. соч. С.10-11.

²⁶⁴ Там же. С.12.

²⁶⁵ Там же. С.14.

взносом, они в третий раз поселились на том же урочище; но в 1883 г. они были выдворены в третий раз и, по-видимому, окончательно»²⁶⁶.

Тем не менее факты самовольного занятия выходцами из Европейской России земель Акмолинской области носили повсеместный характер, что подтверждается сведениями о посёлках, существование которых было признано местными властями постфактум. В 1878 г. образовался посёлок Алексеевский, 1879 г. - деревни Александровка и Дорофеевка, в 1880 г. - Мариинское, Колутон, в 1881 – посёлок Покровский, в 1884 г. - Явленное, расположенное в Петропавловском уезде на р. Ишим, Кундукульское — в Кокчетавском уезде и посёлок Кривоозёрный одноимённой волости, в 1885г. – село Азат, в 1890 г. - Максимовка, Семеновка, в 1895 г. - Покровка, Петровка, Рождественка, Вознесенка, в 1887 г. - Никольское, в 1902 г. – Отрадное и др.²⁶⁷. По констатации А.А. Кауфмана, часть переходивших через Урал переселенцев начинала проникать в киргизские степи Акмолинской области, заполняя посредством аренды земли у коренных жителей местности Петропавловского уезда и лучшую часть Кокчетавского, «также одного из переселенческих Эльдорадо»²⁶⁸. Далее А.А. Кауфман определял: «...Во всё продолжение 1880-х годов местная высшая администрация относилась к переселениям и переселенцам крайне отрицательно, но все её старания преградить переселенцам доступ в степь оставались безрезультатными, и в конце концов..., все самовольно возникшие в степи переселенческие посёлки получили официальное признание и земельные наделы»²⁶⁹. В дальнейшем, несмотря на действовавшие запреты и ограничения, самовольное переселение продолжалось, и было достаточно

²⁶⁶ Остафьев В.А. Указ. соч. С.14.

²⁶⁷ Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб., 1902. С.92-121.

²⁶⁸ Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.2. С.33.

²⁶⁹ Там же.

многочисленным. По официальным данным, только с 1870-х по 1880-е годы в степной полосе водворилось около 122 тысяч человек²⁷⁰.

Частые прецеденты самовольного заселения участков Степного края мигрантами из Европейской России становились дополнительным поводом к активным действиям властей, направленным на прекращение самовольной колонизации, поскольку каждая ревизия, как правило, завершалась изданием циркуляров запретительного характера.

В результате, когда в конце 1870-х годов вопрос о заселении киргизских степей русскими переселенцами получил положительное решение, в пределах Акмолинской области было сконцентрировано достаточное число пришлых крестьянских семей для образования первых поселков, признанных официально.

Руководствуясь опытом, с которым власти столкнулись в процессе несанкционированного расселения лиц земледельческого сословия в границах Акмолинской области в 1860-х – начале 1870-х гг., было высказано мнение о том, что первые русские поселения должны образовываться при почтовых и коммерческих трактах, так как это предоставляет не только удобства для передвижения торгового транспорта и предполагает удешевление хлебной продукции для удовлетворения нужд оседлого населения и кочевников, но и ставит под контроль сам процесс аграрной колонизации региона. Семипалатинское областное правление в 1873 г., поддержав предложение высшей губернской власти, отреагировало на данное мнение следующим образом: «Образование русских поселений при путях почтовых и коммерческих даст нужные удобства при движении торговых транспортах, с чем неизбежно понизится и ценность привозимых в степь продуктов, развитие же хлебопашества при благоприятной во многих местах почве дало бы возможность с большею против настоящего выгодой приобретать хлеб на месте, что при случающемся нередко в степи большом упадке скота, влекущем разорение и голод степного населения,

²⁷⁰ Кауфман А.А. Указ. соч. Ч.1...С.21.

служило бы более надёжным обеспечением продовольствия самих кочевников, которые перестают уже довольствоваться только животной пищей»²⁷¹.

В результате были предприняты практические шаги по предварительному обозрению и изысканию удобных мест для возведения в степи оседлых поселений и производству надлежащих съёмочных работ. Подготовительные работы продолжались четыре года, и, в конце концов, было решено допустить водворение переселенцев в киргизской степи, но с соблюдением условий, предусматривавших право переселенцев водворяться только на указанных правительством земельных участках, расположенных по линии почтовых сообщений. Планировалось ограничиться водворением на спроектированных участках до 800 душ с 30 десятинами на душу. Кроме того, утверждалось, что все ходатайствующие о водворении в степных областях не могут рассчитывать на пособие из казенных средств. Также в планы властей, направленные на практическую реализацию задач по аграрному освоению степных областей, входил допуск на безлесные участки переселенцев Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний, что мотивировалось относительным сходством природно-географических условий мест выхода и водворения мигрантов.

Важное практическое решение было принято и в отношении коренного населения, ведущего кочевой образ жизни. В частности, было установлено, что все киргизские зимовки с их полевыми угодьями, вошедшие в состав проектированных для оседлого населения участков, должны быть исключены из землепользования автохтонов, и только в крайнем случае разрешалось оставлять казахам такие угодья во временное пользование. К тому же коренным обитателям края строжайше запрещалось селиться на спроектированных, но не занятых участках.

Из данных, собранных особым комитетом, оказалось, что в трех северных уездах области, за исключением казачьих земель, находится

²⁷¹ ГИАОО. Ф.3. Оп.7. Д.11587. Л.265.

удобной земли около 10 млн. десятин. Согласно экономическим расчетам, для обеспечения нужд кочевого скотоводства требовалось оставить около 7,5 млн. десятин, а остальные 2,5 млн. предоставить в пользование переселенцам. Таким образом, предполагалось, что при 30 десятиной норме наделения в Акмолинской области можно поселить до 80 тыс. переселенцев из европейской части страны.

Однако сдержанное отношение к перспективам колонизации степной части Западной Сибири, в особенности интенсивно вовлекаемой в осваиваемое империей пространство Акмолинской области, внесло ощутимые коррективы в практическую деятельность властей. В виду того, что колонизацию предполагалось производить постепенно, на первое время было решено образовать только 30 поселков, ограничив число водворяемых в количестве 800 душ. Особыми межевыми партиями участки для этих 30 поселков были найдены в Кокчетавском уезде, и на двух из них в 1879 году были поселены первые крестьяне, числом в 164 д. об.п. В течение следующих двух лет из 30 приготовленных участков постепенно были заселены 9, и общее число переселенцев возросло до 609 ревизских душ, которым было отведено около 18 тыс. десятин удобной земли, и в том числе 1,5 тыс. десятин леса. Надел производился по 30 десятин на душу по аналогии с казачьими наделами Сибирского казачьего войска. При дальнейшем же устройстве новоселов, крестьянский надел был сокращен до 15 дес. на душу, так как данная норма была признана совершенно достаточной для обеспечения переселенцев.

Тем не менее, по мнению авторов коллективного историко-статистического сборника «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», общие результаты аграрной колонизации Акмолинской области в 1860-х – начале 1880-х гг. оказались незначительными, что статистически подтверждается динамикой изменения численного состава населения в регионе. Так, 1868 г. всё население области состояло из 101 910 человек, обитавших в 5 городах и 8

казачьих селениях. К началу 1890-х гг., местное оседлое население увеличилось на 75 000 человек, из которых 50,0% составляли крестьяне-новосёлы, основавшие в земледельческих местностях области 47 посёлков²⁷².

Колонизация Семипалатинской области осуществлялась ещё более медленными темпами. К концу 1880-х гг. здесь насчитывалось лишь 5 крестьянских посёлков, образовавшихся вследствие упразднения в 1871 г. казачьей станицы Канонирской. В 1887 г. по инициативе Г.А. Колпаковского была организована комиссия с целью осмотра места для строительства русских посёлков в границах Усть-Каменогорского уезда. В 1883 г. в этот район прибыла партия самовольных переселенцев-ремигрантов из Томской губернии, к которой вскоре присоединились выходцы из европейской части страны. Вплоть до издания переселенческого закона 1889 г., когда их водворение было признано де-юре, поселенцы жили в условиях жёсткого поземельного конфликта с «инородцами» и местной администрацией, формально защищавшей права автохтонов и настаивавшей на выселении мигрантов. К началу 1890-х гг. крестьянское население увеличилось незначительно и составляло порядка 6 000 душ²⁷³.

Таким образом, можно констатировать, что предпринимаемые в этот период правительством усилия, ориентированные в направлении аграрной колонизации степи, успехом не увенчались.

В то же время для осознания результатов практик, используемых представителями высшей центральной и региональной бюрократии по решению вопросов аграрного освоения региона, важно понять, какими соображениями руководствовались чиновничество разных рангов, сдерживая процесс заселения региона переселенцами из европейской части страны, что в известной степени позволит осмыслить имперскую логику

²⁷² Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.204.

²⁷³ Там же. С.205.

проводимых мероприятий, которая отличалась от комплекса сиюминутных задач, возникавших в связи с необходимостью простого заселения территорий Степного края.

В 1890 г. профессор А.А. Исаев, пытаясь выяснить отношение в Сибири к переселенцам, пришёл к убеждению, что именно в региональной чиновничьей среде постепенно формировалось и крепло доброжелательное расположение к представителям переселенческого контингента. «Всего больше, – писал А.А. Исаев, – можно найти таких людей среди чиновничества, которое стоит на высоте своего служебного долга... Вот почему все лучшие администраторы Сибири всегда говорили о необходимости развить правильную переселенческую политику»²⁷⁴.

В данной связи в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в чиновничьей среде формируется взвешенный подход к аграрной колонизации степных областей, наиболее рельефно проявившийся в оценке земельного фонда региона и его природно-географического потенциала с точки зрения обустройства переселенцев.

Во многом благодаря учреждению в Омске в 1878 г. Западно-Сибирского отдела Русского Императорского географического общества и его тесному сотрудничеству с администрацией начинается детальное исследование естественно-географических условий степных территорий, в том числе и в контексте земледельческого освоения. В период с 1878 по 1890 гг. обществом было организовано в общей сложности 8 крупных экспедиций (Шмидт Ю.А., Путилов П.В., Балакшин Н.Н., Анзимиров Г.Г. и др.), в число задач которых входило изучение пространств Степного края в природно-географическом, климатическом и земледельческом отношении²⁷⁵. Активная деятельность учёных-экспедиционеров позволила развеять многие мифы о бескрайности территорий, пригодных для

²⁷⁴ Исаев А.А. Как относятся в Сибири к переселенцам? // Русская мысль. 1890. № 11. С. 89.

²⁷⁵ Подсчитано автором по: Записки ЗСОГРГО. Т. XXXIX. Юбилейный. Омск, 1927. С.81-83.

земледельческой обработки, и, как следствие, неограниченных возможностях по расселению в регионе мигрантов.

Соотнесение практики научных изысканий с проведением землеотводных работ убедило значительную часть администрации, включённой в организацию водворения переселенцев, в том, что обширные пространства Степного края лишь ареально пригодны для размещения земледельцев. Так, было установлено, что устройство переселенческих посёлков в Акмолинской области целесообразно в северной части Омского уезда, в средней части Петропавловского уезда, в средней и западной части Кокчетавского уезда, на северных окраинах Акмолинского и Атбасарского уездов. В Семипалатинской области исследования возможностей организации земледелия, проводимые в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1902 г. показали, что годными для устройства переселенческих посёлков являются не более 5 % территории (в основном – в границах Усть-Каменогорского уезда), что составляло 360 тыс. десятин из осмотренных 7 млн. десятин²⁷⁶.

Вполне естественно, что переселенческие потоки, направлявшиеся в Степной край, распределялись в территориальных параметрах Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского уездов Акмолинской области, а также Усть-Каменогорского Семипалатинской, причём первые два в означенный период приняли основную массу выходцев из степных районов Европейской России – Самарской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, где мигранты были хорошо знакомы с условиями организации земледельческого хозяйства в обстоятельствах степи²⁷⁷.

Несмотря на то, что обследование уже существовавших в 1870-е-1880-е гг. посёлков в основном демонстрировало, что на большинстве участков, отведённых переселенцам, почвенные, гидрологические, климатические условия создают серьёзные препятствия для организации

²⁷⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация...С.232-233.

²⁷⁷ Памятная книжка Акмолинской области за 1909 г...С. 76.

эффективного земледелия, становился очевидным процесс выработки административного алгоритма работы, при котором правительственные учреждения и чиновники на местах приобретали необходимые навыки для урегулирования переселенческого движения в границах Степного края.

Изменения, наметившиеся в имперских практиках реализации задач аграрного освоения и подходов к организации переселений в Степной край Западной Сибири в 1880-х гг., качественно проявились в 1890-х гг.

С принятием переселенческого закона, в соответствии с Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета от 13 июля 1889 г., крестьянское переселение в Степной край вступило в новую стадию, что объективно усилило степень участия имперской (центральной и региональной) бюрократии в организации переселенческого дела в связи с аграрной колонизацией региона. Как уже отмечалось выше, закон 1889 г. предполагал водворение переселенческого контингента в Акмолинской области, что привело к значительному приросту переселенческого движения в регион: к началу 1889 г. в области насчитывалось 19 посёлков с общим числом крестьян 8 352 души, к концу года число селений достигло 24 с 11 740 душами²⁷⁸.

В начале 1890-х гг. в организации переселенческого движения в области Степного края складывается необычайно сложная и противоречивая ситуация, в основе которой находился конфликт между законодательными формулами и практической деятельностью чиновничества, которое было призвано эти предписания строго исполнять. Закон от 13 июля 1889 г., как известно, содержал ряд серьёзных ограничений, адресованных субъектам колонизации. К числу таких условий относилась необходимость получения мигрантами разрешения Министерства внутренних дел по соглашению с Министерством государственных имуществ. Известно, что за 1889 г. было выдано всего 2

²⁷⁸ Памятная книжка Акмолинской области за 1909 г...С. 77.

000 разрешений на переселение, в 1890 и особенно неурожайном 1891 гг. - по 7 600, а с началом голодного 1892 г. выдача разрешений была полностью приостановлена. За период с 1889 по 1892 гг. из 268 000 переселившихся в Сибирь получили разрешение 17 200 крестьян, что составляло 6,4 % выданных разрешений от общего количества переселившихся²⁷⁹.

Совершенно очевидно, что несмотря на отрицательное отношение правительства к фактам самовольных переселений, остановить этот поток было невозможно физически, поскольку логика крестьянских поступков, обуславливавших принятие решений, связанных с переселением, чаще всего не соответствовала государственному взору и подходам к организации переселенческой практики.

По мнению М.К. Чуркина, существование и роль самовольных переселений за Урал во второй половине XIX – начале XX вв. являлись следствием двух тесно переплётённых между собой факторов: государственных воззрений на колонизационный процесс, выраженных в законодательстве и корректирующих его правительственных циркулярах, с одной стороны, и пониманием земледельцами своих прав на переселение, воплощённых в представлениях о крестьянствовании как образе жизни, а также традициях, обычно-правовых установках, с другой стороны²⁸⁰.

Статистика переселений в Акмолинскую область Степного края весьма показательно и наглядно иллюстрирует тот факт, что именно в конце 1880-х – начале 1890-х гг. происходит кардинальный перелом в переселенческом процессе, выразившийся в серьёзном количественном приросте крестьянского населения в регионе. По данным В.П. Семёнова-Тян-Шанского, только в 1890-1891 гг. в область прошло 13 870 душ, тогда как в предшествующие 30 лет – порядка 12 000²⁸¹. В.В. Кирьяков в данной связи констатировал: «ЗаклЮчить в узкие берега закона громадную

²⁷⁹ Кауфман А.А. Указ. соч. Ч.1...С.4; Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941. С. 18.

²⁸⁰ Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного Центра...С.191.

²⁸¹Россия. Полное географическое описание нашего отечества...С.162.

могучую волну народного движения не удалось: волна эта прорвала бумажную плотину и хлынула со страшной силой»²⁸².

В сложившейся ситуации, основная нагрузка ложилась, во-первых, на переселенческие конторы. Первым опытом включения низшего чиновничества в организацию правительственного наблюдения за переселенческим движением на восточные окраины империи было, как известно, образование в 1881 г. по предложению членов Совещания сведущих людей переселенческой конторы в с. Батраки²⁸³. В соответствии с инструкцией МВД об учреждении конторы, ее задачи заключались в предоставлении мигрантам информации о маршрутах миграции, об участках, предназначенных для водворения переселенцев, о ценах на землю, а также в оказании медицинской помощи переселенцам и предупреждении развития в их среде эпидемических заболеваний. Кроме выполнения указанных задач члены конторы занимались регистрацией мигрантов, собирали сведения о причинах переселения и об имущественном положении переселенцев²⁸⁴. Во-вторых, в условиях переселенческого коллапса значительный объем инициативы ложился на плечи непосредственно переселенческих чиновников, которые так же, как и переселенческие конторы, занимались сбором информации, необходимой для водворения переселенцев, предоставляли ее местным органам власти, собирали сведения о переселенческих маршрутах, районах выселения и предполагаемых районах водворения мигрантов. В случае необходимости ими оказывалась медицинская помощь переселенцам. Кроме того, чиновникам выделялись небольшие средства для оказания помощи в пути особо нуждавшимся. Они знакомились на местах с действительным положением переселенческого дела, выясняли причины, тормозящие его успешный ход, а также участвовали в выработке мер, способствовавших его улучшению, предоставляя в МВД отчеты о своих

²⁸² *Кирьяков В.В. Указ. соч. С.138.*

действиях. В круг обязанностей переселенческих чиновников также входили регистрация мигрантов и сбор данных об условиях переселенцев.

Особая роль чиновничества в проведении имперского курса по аграрной колонизации края отмечалась современниками, что свидетельствовало о значительном личном участии представителей местной чиновной бюрократии в организации и коррекции переселенческого дела.

Так, например, часто в литературе встречаются упоминания о переселенческих чиновниках Архипове, Дурове, Сувчинском, Чарушине, известных своим гуманным отношением к переселенцам и тем, что они не относились к своим обязанностям формально. Помимо уже упомянутого суждения А.А. Исаева, высоко ставившего роль чиновников, А.А. Кауфман утверждал, что «эти переселенческие чиновники делали все, что могли, и даже, пожалуй, больше, чем могли»²⁸⁵. Активизация процесса включения административной бюрократии в организацию переселенческого движения и, как следствие, уточнение решений, связанных с аграрной колонизацией региона, пришлось на 1890-е гг. – время строительства сибирской железной дороги, ставшей своеобразным «лакмусом» аграрных проблем внутри страны, стимулировавших миграционное движение.

Существенный вклад в коррекцию административных практик, направленных на понимание и последующее регулирование аграрной колонизации Сибири и её регионов, был внесён вследствие организации Комитета Сибирской железной дороги.

Решение об его учреждении было подписано Александром III 10 декабря 1892 г. Председателем Комитета сибирской железной дороги император назначил великого князя Николая Александровича. В состав

²⁸³ Кауфман А.А. Указ. соч. С.25.

²⁸⁴ Родигина Н.Н. Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории. Сб. науч. тр./ Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2003. С.89.

²⁸⁵ Кауфман А.А. Указ. соч. Ч.1...С.34.

КСЖД входили вице-председатель Н.Х. Бунге (1893-1895), члены комиссии: министры внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и военный, а так же государственный контролер и управляющий морским министерством²⁸⁶.

В ходе работы КСЖД оформилось чёткое представление о задачах колонизации, адекватное европейским подходам и теориям колонизационных процессов, которое концептуально было выражено в известном высказывании П. Леруа-Болье, считавшим, что успехи колонизации могут быть достигнуты «только посредством действий государства»²⁸⁷. В данном отношении в рамках деятельности КСЖД, являвшегося первым колониальным министерством Российской империи, выявилось два концептуальных подхода²⁸⁸.

Автором первого выступил министр финансов С.Ю. Витте. Его основные идеи были изложены во всеподданнейшем докладе от 6 ноября 1892 года «О способах сооружения Великого сибирского пути» и в выступлениях на собраниях КСЖД. Он полагал, что первоочередная государственная задача, вызванная к жизни строительством Сибирской железной дороги, заключается в увеличении масштабов переселенческого движения в целях колонизации малонаселенных районов, прилегающих к магистрали. Эта задача соотносилась и с другой, по его мнению, насущной государственной потребностью – переселением малоземельных крестьян из Европейской России. Витте С.Ю. категорически выступал против принципа свободы переселений, считая его экономически неоправданным и даже вредным для сельского хозяйства и промышленности, предлагая установить полное подчинение переселенческого движения правительственной регламентации. В целом план Витте поддержки не получил. Одной из причин этого было то, что категорически против

²⁸⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. В 4 т. Т.1. СПб, 2000. С. 79.

²⁸⁷ Цит. по: Роль трансферов... С.115.

²⁸⁸ *Симонова М. С.* Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г./ Ред. колл.: В. К. Яцунский и др. М., 1970. С.430-431.

переселения крестьян из западных губерний выступил министр внутренних дел И.Н. Дурново. Он считал, что это шло в разрез с русификаторской политикой России на западной границе, кроме того, он также обращал внимание на наличие 40 тысяч неустроенных переселенцев в Сибири и провал колонизации Уссурийского края.

Принципиально иного взгляда придерживался вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге. Он считал, что, во-первых, выход из сложившегося кризиса крестьянского хозяйства заключался в постепенной ликвидации общины и создании частной собственности на наделенной земле. Для этого необходимо было правильно организовать кредит, изменить систему податей, в частности, отменить круговую поруку, а переселение использовать для внедрения частной поземельной собственности в азиатских районах. Во-вторых, Бунге Н.Х. сформулировал 4 принципа новой переселенческой политики: необходимость считаться с переселением как с существующим фактом, придерживаясь своеобразного нейтралитета по отношению к нему; строгая определенность политики правительства («чтобы переселенцы твердо знали, что они теряют, оставляя старые места, и чего они могут ожидать на новых»); оказание ограниченной государственной помощи крестьянам, которая бы восполняла недостаток для малоземельных крестьян вспомогательных заработков на родине, но не более; важность чисто колонизационных целей переселения, в числе которых заселение пограничных районов русскими для противодействия наплыву иностранцев.

В результате основой всей последующей переселенческой политики КСЖД стала позиция вице-председателя Н.Х. Бунге, в соответствии с которой «правительственное воздействие на переселенческое движение не должно иметь целью задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, но могло бы быть направлено к тому, чтобы из года в год повторяющееся перемещение сельских обывателей носило характер

более сознательный и получило более правильную постановку». Кроме того, на заседании Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге напомнил, что «все административные меры, которые принимались с целью остановить самовольное движение, оставались безуспешными, так как переселение лишь земледельческого класса из многих местностей вызывалось самыми насущными потребностями», а потому «ставить им искусственные в сем отношении преграды представляется вполне бесцельным»²⁸⁹. Все названные идеи и принципы нашли окончательное выражение в практических решениях КСЖД. В марте-апреле 1893 года Подготовительная комиссия обсудила «Инструкцию для ограничения свободных казенных земель и для образования переселенческих участков по линии Сибирской железной дороги». Проектировалось образовать за Уралом особые партии с определенным составом межевых и поземельно-устроительных чинов. На втором заседании Комитета было составлено постановление об образовании этих партий в составе 16 поземельно-устроительных и 84 межевых чинов, утвержденное 4 марта 1893 г. С 1893 г. начала работать 1-я межевая партия в Акмолинской области, позже были образованы и другие партии. Исследованию и определению количества пригодных для заселения земель в Акмолинской и Семипалатинской областях придавалось большое значение. Омский и Петропавловский уезды вошли в сферу мероприятий комитета Сибирской железной дороги. В течение пяти лет здесь было заготовлено несколько сот тысяч десятин земли и вновь образовано несколько десятков. По некоторым данным, в 1895 и 1896 г.г. в Акмолинскую область прошло свыше 68 тысяч человек, но многие из них водворились не в назначенном для заселения районе, а в южных уездах. Названные уезды не удовлетворяли интересы переселенцев почвенными условиями и водоснабжением. Это заставило КСЖД распространить работы по заготовлению переселенческих участков в ряде новых уездов Акмолинской и Семипалатинской областей. При содействии

²⁸⁹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Ч.1...С.48.

КСЖД в Акмолинской области был основан 171 новый поселок с русским населением более 125 тыс. человек²⁹⁰.

В 1894 г. КСЖД учредил должность особого чиновника для заведования переселенческим делом по линии Сибирской железной дороги. При нем существовали хозяйственная, счетная и картографическая части, его помощники ежегодно командировались в места наибольшего скопления переселенцев. Задача этого ведомства состояла в организации на железной дороге врачебно-продовольственных пунктов, выдаче нуждающимся переселенцам путевых пособий, направлении мигрантов на подходящие участки, соответствующие условиям их прежней жизни. Зная ситуацию, которая сложилась на местах, члены Комитета осознавали, что возможности Западной Сибири и Степного края с точки зрения наличия свободных пригодных для заселения земель безграничны. Программа изучения Степного края составлена была Особым совещанием под председательством генерал-губернатора барона М.А. Таубе; снаряжена экспедиция, задачей которой было выяснение экономических условий жизни кочевого населения Степного края с целью выделения из кочевых площадей территорий для образования переселенческих участков без ущерба для киргизского землепользования. Это исследование было тесно связано с работами в Степном крае гидротехнических партий, собиравших сведения об обеспеченности этого района водой.

Вместе с обследованием киргизского хозяйства изучались и самовольно образовавшиеся переселенческие поселки и те, которые основаны на участках, выделенных до образования КСЖД. Полученные данные о возможности колонизации Степных областей позволили этому органу предоставить Министерству земледелия и государственных имуществ возможность предоставления переселенческих участков из земель, не используемых кочевниками. Исследование Степных областей,

²⁹⁰ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 г.г. и отчет по переселению и землеустройству за 1910г. СПб, 1911. С.8.

на которое Комитет потратил 244 970 руб., имело существенное значение в качестве подготовительной работы для образования переселенческих участков, открывая для заселения обширные районы, ранее считавшиеся непригодными для колонизации.

При этом предполагалась разработка совместно со Степным генерал-губернатором программы естественно-исторического и хозяйственно-статистического исследования Степного края. Заключение этой комиссии послужило основанием для выработки мер по распространению колонизационных мероприятий в Степном крае и главным образом в районах, прилегавших к линии железной дороги.

Согласно статистическим сведениям, в Акмолинской области был заготовлен 21 переселенческий участок, всего 260 769 десятин, достаточных, по расчету, для водворения 15 467 душ и, кроме того, 3 запасных участка на 22 500 десятин. Намеченных, но еще не обмежеванных, участков, 58 на 19 тыс. душ м.п.

По Семипалатинской области было намечено 19 участков площадью в 68 583 десятин удобной земли и неудобной 9 802 десятин. Общее количество готовых к приему переселенцев свободных казенных земель по Акмолинской и Семипалатинской областям Степного края предполагало расселение там в конце XIX в. до 40 000 душ (реально водворилось в этот период не более 3 000 переселенцев).

КСЖД был принят ряд мер, касавшихся ссуд и пособий для переселенцев, шедших в области Степного края. В частности, Подготовительной комиссией были разработаны «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам, переселяющимся с установленного разрешения», впервые принятые 5 июня 1894, а в дальнейшем пролонгированные. Правила предполагали выдачу путевых ссуд (не свыше 70 рублей), ссуд на хозяйственное устройство и домообзаведение (не свыше 100 рублей), на посев и продовольствие, а так же безвозмездный отпуск новоселам лесного материала из казенных

лесных дач. Ссуды выдавались губернскими правлениями по крестьянским делам. Возврат ссуд производился частями в течение 10 лет по окончании льготного трехлетнего периода. Правила были учреждены на 2 года. В марте 1896 г. КСЖД продлил их действие еще на три года. Эти правила определяли виды и размеры пособий, порядок их выдачи и возврата. Таким образом, при содействии КСЖД переселенцы могли рассчитывать на помощь от правительства. Все эти ссуды давались в долг, выплачиваемый без процентов и пеней. При определении размеров ссуд предполагалось, что выдаваемое пособие должно быть достаточным для оказания поддержки среднему по состоятельности переселенцу, но не столь значительны, чтобы выходцы из Европейской России могли рассчитывать улучшить свое благосостояние лишь благодаря правительственной помощи. В соответствии с этим соображением, максимальный размер хозяйственной ссуды в Степном крае достигал 100 руб. на семью²⁹¹.

Масштаб деятельности КСЖД, предполагавший интенсивные работы по образованию переселенческих участков в районе сибирской железной дороги, востребовал внесение корректив в организацию его деятельности. Порядок, при котором переселенческое дело концентрировалось в одном из отделений Земского отдела МВД, при усложнившемся характере делопроизводства вызвал серьёзные технические неудобства, что привело к учреждению при МВД особого Переселенческого управления (2 декабря 1896 г.), к функциям которого были отнесены выдача разрешений на переселение, организация обустройства переселенцев в местах водворения, обеспечение финансовой поддержки мигрантов. По констатации авторов издания «Колонизация Сибири в связи с переселенческим вопросом», значение деятельности Переселенческого управления выражалось в том, «что оно путём изучения на месте отдельных потребностей и своевременного заявления о них облегчает...подготовительной комиссии при КСЖД разработку всей совокупности предложений ...и в тоже время

²⁹¹ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М, 1978. С. 113.

через своих командируемых...чиновников особых поручений организует наблюдение за положением переселенческого дела на месте и общее руководство им»²⁹².

По определению чиновника Переселенческого управления И. Введенского, «улучшение условий жизни земледельца в пределах Европейской России повлекло за собой повышение требовательности к переселенческим участкам. Переселенческое управление ставит задачей не одно количественное соответствие заготовленного земельного фонда, но и улучшение условий водворения и дальнейшей жизни колонистов»²⁹³.

Рассуждая об особой роли Переселенческого управления в организации переселенческих практик, Виллард Сандерленд отмечал, что по обширности полномочий и функций данное учреждение было по смыслу максимально приближено к Министерству колоний, поскольку целиком и полностью отвечало за координацию миграционных процессов: «Миграция означала заселение, а заселение – колонизацию в полном смысле этого слова, так что управление очень быстро стало государством в государстве для колонистов и переселенческих районов...Во главе управления стояли технократы, полностью осознававшие колониальную направленность своей работы»²⁹⁴. По констатации одного из чиновников учреждения Г. Гинса, «деятельность Переселенческого управления затрагивает сферу компетенции различных министерств, поскольку управление играет в России ту роль, которую в других государствах играют министерства колоний»²⁹⁵.

Необычайно важным являлось и то, что расширение состава и усложнение компетенции данного учреждения как организатора переселений способствовали усилению состава местных органов, отвечавших за переселенческий процесс. Во второй половине 1890-х гг.

²⁹² Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом...С.125.

²⁹³ Обзор Акмолинской области. За 1914 год. Омск, 1915. С. 55.

²⁹⁴ Роль трансферов...С.129.

²⁹⁵ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С.3-4.

был значительно увеличен контингент чиновников по крестьянским делам, а также чиновников, командируемых на линию Сибирской железной дороги для заведывания переселенческим делом в местах наибольшего скопления миграционной массы.

Можно говорить о том, что в системе координат Переселенческого управления формировался особый тип имперского чиновника, осознававшего очевидные преимущества переселений для решения «крестьянского» и «земельного» вопросов, но прежде всего «вопроса окраин» посредством скоординированной политики империи, направленной на её модернизацию. Масштаб и имперский пафос этой работы находил отражение в регулярных поездках землемеров и специалистов по ирригации Переселенческого управления в Австралию и Америку с ознакомительными целями. Известный статистик А.А. Кауфман, например, периодически выступал в качестве контрактного сотрудника названного ведомства, принимая участие в многочисленных командировках по районам, включённым в переселенческий процесс. Часть служащих управления принимали участие в редактировании журнала «Вопросы колонизации», наиболее последовательно репрезентировавшего имперские настроения и колониальные амбиции российского государства.

С начала XX столетия роль административных практик в организации переселенческого дела в активно колонизируемых степных областях переживает определённые трансформации. С одной стороны, Закон 6 июня 1904 г. предусматривал тесный контакт переселенцев с чиновничеством на местах. Так, согласно букве закона, в случае обнаружения ходами подходящих для расселения участков следовало заявлять о них местному начальству (крестьянскому начальнику) с просьбой зачислить эти участки за ходами сроком на два года, в течение которых переселение должно

было быть фактически выполнено²⁹⁶. Обстоятельства водворения крестьян на новых землях, принятие решения оставить участок или совершить обратное переселение также находились в юрисдикции местной администрации.

С другой стороны, по утверждению непосредственных участников переселенческого дела, в частности, С.П. Никонова, редакторы закона «сознавая «недохватки» в переселенческом процессе, решили переложить бремя ответственности за переселения на плечи самих переселенцев, воспользовавшись с этой целью институтом «ходачества»²⁹⁷.

Существенным препятствием для практической деятельности администраций всех уровней в Степном крае являлась неудовлетворительная постановка предварительных работ, связанных с образованием переселенческих участков. Эти работы, как известно, стартовали в 1893 г., но в основном их результативность зависела от личных качеств тех, кому они поручались. В результате работы проводились настолько медленными темпами, что к планомерному заготовлению переселенческих участков в Семипалатинской области чиновники приступили только в 1907-1908 гг.²⁹⁸.

Резюмируя опыт имперской администрации центрального, регионального и местного калибра по организации переселенческого движения как важной составляющей аграрной колонизации Степного края, необходимо отметить, что в пореформенный период были обозначены основные принципы имперского присутствия в регионе. Территориальная отдалённость степных пространств Западной Сибири оценивалась в имперском проекте колонизации как условие предоставления региональной бюрократии широких исполнительных полномочий, что определяло специфику освоения края и значительно усиливало роль

²⁹⁶ Никонов С.П. Крестьянские переселения и закон 6 июня 1904 г. // Журнал Министерства юстиции. 1908. № 6. С.71.

²⁹⁷ Там же. С.77.

²⁹⁸ Велецкий С. Записки переселенческого чиновника // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 214-215.

практических мероприятий по обустройству и водворению переселенческого контингента, зачастую путём ограничения прав коренного населения. В практической работе властных структур присутствовало осознание факта, сообразно с которым колонизируемый регион являлся зоной столкновения хозяйственно-экономических и социокультурных интересов многочисленных локальных групп: русских переселенцев, в разные годы водворённых в степных областях, «иностранного» населения и казачества.

Важнейшим стимулом к интенсификации включения имперских администраций в координацию переселенческого дела явилась эскалация нелегитимных миграций, ориентировавших власти на оперативную фиксацию результатов самовольного движения. Именно в условиях хаотического заселения наиболее пригодных к земледельческому освоению территорий, формировались прагматические подходы к обустройству мигрантов, что корреспондировало с имперскими воззрениями на освоение региона. Всё это находило выражение в организации исследовательских работ, призванных выявить наиболее благоприятные ареалы гражданской колонизации, провести подготовительные работы, направленные на установление объёма земель, излишних для «иностранного» хозяйства.

В условиях статичности и неопределённости законодательства, правительственных циркуляров, реагировавших на колебания в переселенческом движении посредством запретительных решений, особая роль в обстоятельствах несанкционированных миграций стала принадлежать чиновникам на местах. С учреждением Комитета по строительству Сибирской железной дороги и началом деятельности Переселенческого управления, взявших на себя, по сути, полномочия Министерства колоний, начинает формироваться система «двойных стандартов», когда практические мероприятия, связанные с «перевариванием» переселенческого потока, не совпадали, а в отношении

«инородческого» сегмента прямо противоречили букве закона. Деятельность имперских властей по прецеденту позволяла преодолевать форс-мажорные ситуации с обустройством стабильно прибывавших в край мигрантов, но крайне запутывала и усложняла вопросы землеустройства «инородческого» населения, вносила сложности в организацию землепользования казачества региона, что создавало почву для роста социальной напряжённости.

2.2. Сословия Степного края в имперском механизме аграрной инкорпорации Западной Сибири.

2.2.1. Переселенцы и «инородцы» региона: содержание и характер взаимоотношений в колониационном процессе второй половины XIX – начала XX вв.

К разряду одной из важнейших имперских практик, связанных с процессом аграрной колонизации Степного края, следует отнести мероприятия центральной и местной бюрократии, направленные на оценку и урегулирование взаимоотношений между переселенцами из европейских губерний России и коренным населением региона.

Априори следует отметить факт потенциального присутствия конфликтности между названными группами, располагавшейся в двух плоскостях: экономической, предполагавшей возникновение и эскалацию противоречий по вопросу поземельных отношений между группами, и социально-психологической, что было обусловлено столкновением в колонируемом регионе представителей различных культурных типов. Последний момент представляется весьма существенным, поскольку перемещение в зоны аграрной колонизации крестьянства во второй половине XIX столетия осуществлялось уже на фоне осознания империей собственного призвания к преобразованию «пространства, предназначенного для пастбищ, в зоны сельского хозяйства»²⁹⁹. Для государства и переселенцев колонизация степных пространств за Уралом разворачивалась в формате уверенности, что эти земли – «лишние» и «бесполезные» для местного населения, а потому могут быть заняты в результате «завоевания» или трудового «освоения», обращены в «общенародное достояние», воспринимаемое в традиционных категориях «божественного» или «царского» дара. В таких условиях крестьянское переселенческое движение достигало в российской общественно-

²⁹⁹ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 123.

политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи³⁰⁰. Таким образом, шёл процесс ментального освоения сибирских территорий, которые в массовом сознании, прежде всего крестьянском, реализующем имперское видение проблемы, воспринимались как земли русские, «наши».

Кроме прочего, как определил М.К. Любавский, «...могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им»³⁰¹. Тем самым вековые народные чаяния легитимировались государством. В крестьянском миграционном сознании переселение, по всей вероятности, воспринималось как стратегическая задача, инициированная монархом и объединяющая интересы крестьянства и властных структур, что до известной степени подтверждается делопроизводительной активностью в степных районах водворения переселенцев и интенсивной включённостью последних в данный процесс в форме всевозможных ходатайств, прошений и т.д.

Переходя к вопросу о причинах и содержании конфликтов переселенцев с «инородческим» сегментом населения в экономической плоскости, а также о реакции и деятельности властей в этой сфере, необходимо остановиться на вопросе формирования колонизационного фонда в Степном крае. Это тем более важно, что данный процесс комплексно отражал представления административной бюрократии империи об аграрной колонизации региона, что воплощалось в практической работе и во многом предопределило конфликты, возникавшие на почве земельных отношений между действующими локальными группами.

³⁰⁰ Ремнёв А.В. Суворова Н.Г. Указ. соч. С.151.

³⁰¹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 474.

Впервые вопрос о переселенческом земельном фонде был поднят в 20-х годах XIX века, когда по представлению Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского М.М. вышел в свет указ от 1822 года «О разрешении всем казенным крестьянам после посылки «поверенных» для выбора нового места, переселяться на «пустопорожние» земли в Сибирь, либо в пределах последней, с увольнением из прежних их обществ по уплате всех недоимок»³⁰². Этим указом впервые ставился вопрос о размерах и качестве местных «пустопорожних земель», которые можно было отвести под заселение.

Тем не менее до Великой реформы крестьянская колонизация и, соответственно, образование в степных областях Западной Сибири фонда для организации переселенческих хозяйств не входили в разряд стратегических задач имперской политики России. Только после ликвидации системы крепостных отношений и с возникновением двойственной ситуации – обретением крестьянством возможности выхода в сочетании с расширявшимся малоземельем - вопрос о территориальном рассредоточении избыточной массы крестьянства приобрёл остроту и значимость.

В 1875 г., после признания Н.Г. Казнаковым в качестве необходимости привлечения к колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края лиц земледельческого сословия были предприняты первые шаги к обнаружению удобных для поселения мест и их обмежеванию. В результате подготовительных работ в Акмолинской области при почтовых и торговых трактах была отмежевана земля для образования 30 посёлков, в 19 из которых водворилось 4 000 переселенцев³⁰³. Незанятость остальных подготовленных участков объяснялась неудачным выбором места, а также отрицательным

³⁰² Азиатская Россия. В 2-х томах. Т. 1...С.447.

³⁰³ Остафьев В.А. Указ. соч. С.201.

отношением к переселенческому делу преемников Н.Г. Казнакова на генерал-губернаторском посту.

«Сбои» и неопределённость в организации переселенческой практики в начальный период аграрной колонизации степных районов во многом предопределили взрывоопасность последующих взаимоотношений переселенцев с коренным населением региона. Проблема заключалась в том, что, несмотря на запреты и ограничения, которые с точки зрения административной бюрократии были призваны привести в соответствие формируемый колонизационный фонд с реальным переселенческим движением, заселение Степного края продолжало осуществляться «теневыми», не фиксируемыми властями мигрантами. Народное недоверие к официальным источникам информации ограничивало возможности представителей государственной власти вести разъяснительную работу в крестьянской среде, что способствовало превращению переселений в хаотический, мало поддающийся логическому анализу процесс. Один из исследователей переселенческого движения в Сибирь, А. Омельченко, писал по этому поводу: «Наше переселение носит какой-то вулканический характер: то Курская губерния выбросит из себя тысячи человек, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи в Сибирь, через год не могут выделить нескольких десятков»³⁰⁴. По определению А.А. Кауфмана, переселение часто принимало «стихийный, почти эпидемический характер, когда с места снимались сотни и тысячи семей, для которых передвижение в Сибирь не было вызвано разумной необходимостью и сознательным расчётом»³⁰⁵.

Так, в Акмолинской области переселенческая масса в 1870-1880-х гг. стала активно оседать на киргизских землях в качестве арендаторов, основывая здесь посёлки «не взирая на протесты киргизских обществ»³⁰⁶. В 1884 г. администрацией были обнаружены переселенческие деревни

³⁰⁴ Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного Центра Европейской России... С.188.

³⁰⁵ Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.1. С.62.

³⁰⁶ Остафьев В.А. Указ. соч. С.202.

«Явленная» и «Кундук» в 50 дворов, образовавшиеся на киргизских землях Акмолинской области вопреки воле правительства³⁰⁷. В менявшихся условиях экономической жизни Сибири происходили и определённые трансформации в организации переселенческого дела. В данной связи на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1885 года мнения Государственного Совета при Западно-Сибирском Управлении государственными имуществами был мобилизован особый отряд чинов по образованию из казенных земель Западной Сибири переселенческих участков³⁰⁸. В отряде были чётко разведены технические межевые и поземельно-устроительные функции и введены особые должности производителей работ. Примечательно, что на производителей работ возлагались обязанности не только по образованию переселенческих участков, но и по водворению прибывавших переселенцев.

В период с 1885 года по 1893 гг. переселенческим отрядом на территории Степного края было образовано 28 участков площадью в 284 843 десятины земли, из которых 251 779 дес. находилось в границах Акмолинской области; 33 064 – в пределах области Семипалатинской³⁰⁹.

Со строительством Сибирской железной дороги и учреждением Комитета Сибирской железной дороги в 1892 г. происходит очередная рекогносцировка, прямо коснувшаяся переселенческой практики и заготовки колонизационного фонда. Так, проводимые в Степном крае землеотводные работы стали учитывать вероятность заселения этих местностей самовольными переселенцами. Кроме того, изменения в практике заготовки участков для переселенцев в деятельности КСЖД и чиновничьего аппарата подтверждались ростом ассигнований на эти нужды. До учреждения КСЖД на землеотводные работы и водворение переселенцев, начиная с 1885 года, отпускалось всего 40 000 рублей в год;

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Азиатская Россия. В 2-х томах. Т. 1...С.458.

³⁰⁹ Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов. Новосибирск, 2006. С.112.

КСЖД уже в первый год своего существования отпустил на заготовление переселенческих участков 229 550 рублей³¹⁰. С организацией Переселенческого управления все работы по образованию переселенческого земельного фонда были сосредоточены в его районных отделениях.

В конце XIX - начале XX в.в. на территории Степного края было организовано 5 переселенческих районов со своими переселенческими партиями: для северных уездов Акмолинской области в 1863 г., для южных - в 1896 г.; для Тургайской области - в 1896 г.; для Семипалатинской - в 1900 г.; для Уральской - в 1904 г. и для Семиреченской - в 1905 г. По статистическим и исследовательским данным, только за период с 1870 по 1896 гг. на территорию степных областей переселилось 416 270 крестьян, разместившихся по преимуществу на лучших плодородных землях Степного края, и в первую очередь Акмолинской области³¹¹. К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей было образовано 43 волости, а в пользовании русского населения находилось 1,4 миллиона десятин земли³¹². Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у коренного населения более 88 тысяч десятин земли³¹³.

Симптоматично, что в оценке предварительных результатов формирования колонизационного фонда в Степном крае редкое единодушие проявляли представители российской и национальной элит. Т.И. Седельников, характеризуя обстоятельства организации и деятельности заготовительных партий, констатировал: «Каждая партия организовывалась второпях, на ходу, из разнородных и часто совершенно не пригодных к делу элементов. На ходу же вырабатывались всякие «инструкции», так как кроме оклада содержания, никто из состава партии на первых порах не знал ничего определенного относительно своей

³¹⁰ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. С.94.

³¹¹ Там же.

³¹² Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1981. С. 138.

³¹³ Там же.

предстоящей деятельности. Рассчитывать на более или менее ясные и определённые указания из Петербурга, от центральных учреждений, также не приходилось: центральные учреждения сами имели весьма туманное и нередко наивное представление о характере, условиях и задачах работ в киргизской степи. Но для всех был ясен и обязателен основной девиз: подешевле, поскорее и побольше участков»³¹⁴. Букейханов А.Н., описывая методики работы по отводу земель в переселенческий фонд, отмечал: «Производители работ замежвывают в участки наиболее ценные для скотоводства угодья: покосы, зимние пастбища, пашни, лучшие водопои, оставляя киргизам камни, пески, солонцы, болота, безводные степи... Гг. чиновники не считаются с простым фактом, что если лишить киргиз покоса, зимнего пастбища, водопою, защитного леса, то остающаяся в их пользовании огромная площадь без этих необходимых угодий теряет всякую ценность и остается никем неиспользованной... Переселенческое управление уплачивает оценочную стоимость киргизских построек, замежванных в первые участки. Гг. чиновники, желая сократить этот расход, между переселенческого участка проводят так, что она кругом огибает усадьбу и водопои киргиз в нескольких саженьях, в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ версты. В этих случаях киргизы уходят сами: соблюдена и невинность и приобретен капитал»³¹⁵.

В порядке комментария необходимо отметить, что амбиции русских поселенцев на рубеже XIX – XX вв. лишь отчасти амортизировались патерналистскими действиями центральных и региональных властей, когда последние более упорядоченно относились к земельным экспроприациям, проводя изъятие земель не у оседлых, а у кочевых «инородцев», выплачивая им соответствующую компенсацию. Так, сведения об образовании переселенческого участка Тахта-Куль в 1898 г. содержат следующую информацию: «За вошедшие в площадь участка зимовые

³¹⁴ Седельников Т.И. Указ. соч. С. 64-65.

³¹⁵ Букейханов А. Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора // Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А., 1995. С.250-251.

стойбища киргизов... – выдать владельцам денежное вознаграждение, согласно оценочному акту... в сумме 445 рублей»³¹⁶. Однако, очевидно, что такие действия властей носили, как правило, выборочный или спорадический характер.

Вопрос о качестве земель, в продолжение второй половины XIX – начала XX вв. отводимых в переселенческий фонд, решался, как правило, по прецеденту, когда межуемые земли дифференцировали по признаку: «удобные» и «неудобные». В соответствии с «Инструкцией для межевых работ, производимых в целях заготовления переселенческих и запасных участков и др.» от 5 мая 1903 года в категорию «удобных» угодий были включены «удобные в сельскохозяйственном отношении земли, к которым относятся земли удобные для пашни, сенокосы и земли удобные только для пастбищ, леса и кустарники и, наконец, усадебные и приусадебные места». В категорию неудобных: солонец, камень и каменистые места, песок, глина, кладбища и казахские могилы, овраги, рытвины, обрывы, болота, щелеватости, расположенные под водой, дороги (караванные, кочевые, скотопрогонные и пр.), доли от площадей, отнесенных к пастбищным угодьям, улицы, проулки и площади³¹⁷.

Начиная с 1905 г., по результатам работы Совещания по вопросам, связанным с образованием переселенческих участков в Степных областях, при участии представителей от МВД и Министерства земледелия и государственных имуществ, «удобные» земли определялись следующим образом: «...В разряд удобных должны зачисляться все земли, годные для распашки и сенокосения, независимо от уровня их производительности; земли, периодически пригодные для сельскохозяйственного пользования или представляющие дробное чередование удобных площадей с неудобными, должны зачисляться в удобные в долях, соответствующих действительной средней пригодности данного пространства для

³¹⁶ ГИАОО, Ф.355, Оп.1, Д.3.Л.5.

³¹⁷ ЦГА РК. Ф. И-19, Оп. 1, Д. 2. Л. 9-9 об.

сельскохозяйственного использования». Впоследствии специальная комиссия Совещания дала прямые указания: «При проектировании участков надлежит вводить в состав их возможно менее земель долевого зачета, и количество включаемых в удобные зачетных земель, во всяком случае, не должно превышать одной трети всей удобной площади участка»³¹⁸. Таким образом, включение в понятие «удобные» земли участков, годных для хлебопашества и сенокосения, автоматически лишало «инородцев» возможности их использования, что соответствовало имперскому принципу важности этих земель для переселенцев.

Процесс формирования системы взаимоотношений между русской переселенческой деревней и «инородческими» аулами в Степном крае отличался сложностью и многообразием. Контакты, главными субъектами которых выступало крестьянство Европейской России, приносившее в регион сложившиеся модели организации жизни и стереотипы экономического поведения, с одной стороны, и представители коренного населения – носители номадического культурного типа – с другой, выстраивались с учётом конкретной ситуации: земельного фонда, соотношения численности групп, активности административной бюрократии.

Соотношение и взаимодействие названных факторов определяли степень экономического и социокультурного успеха локальных групп в регионе, а также модели взаимоотношений между ними – от взаимовыгодных до конфликтогенных.

Совершенно очевидно, что интенсивность контактов и длительность совместного проживания накладывали отпечаток на формировавшиеся способы и модели ведения хозяйства переселенцами и «инородцами» края, способствовали эволюции образа жизни и хозяйственно-экономических отношений.

³¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 20 об.

Системообразующим фактором, послужившим импульсом к формированию основ взаимоотношений исследуемых групп, следует назвать относительную давность русских земледельческих практик в регионе.

Земледелие в Степном крае прививалось постепенно, впервые получив распространение с 1849 года с водворением в Кокчетавском округе крестьян-переселенцев с перечислением их в казачье сословие.

В период с 1870 по 1894 г.г. главными земледельцами были казаки, так как посев разного рода хлебов составлял у них 98% общего посева, тогда как у автохтонов оно составляло всего 2%, у крестьян и прочего населения около 9%³¹⁹.

В начале 90-х годов положение начинает постепенно меняться. Так, в 1894 году казачьи посевы достигли 54,5% от общего посевного объёма в крае, мещан - 12,4, крестьян - 21,8 и инородцев - 11,3³²⁰.

Распространение земледелия среди кочевого населения происходило по нескольким основаниям и имело неоднозначные последствия. По утверждению Г.Н. Потанина, «хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях»³²¹. Во Всеподданнейшем отчёте военного губернатора Семиреченской области за 1888 г. говорилось: «Между киргизами южных уездов издавна ведется хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской

³¹⁹ Обзор Акмолинской области. За 1914 год. Омск, 1915. С. 39.

³²⁰ Там же. С.41.

³²¹ Потанин Г.Н. Заметка о хлебопашестве в Киргизской степи...С.331.

России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличить свои запашки. Но при этом следует заметить, что хлебопашеством занимаются исключительно те киргизы, которые, по бедности (джатаки) не могут вести скотоводческого хозяйства кочевным способом»³²².

Факты производственного сотрудничества крестьян-переселенцев с «инородцами», переходившими к оседлому образу жизни, приводятся в материалах экспедиции Ф.А. Щербины: «Так делал крестьянин, это мы узнали от крестьянина, так водится у крестьян и прочее - постоянно слышалось от киргиз, когда они рассказывали о том, почему и когда они начали заводить запашки. Живым примером собственного хозяйства, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советом и практическими указаниями, которыми с охотой делится переселенец, последний втянул уже киргиз в круг интересов и понятий земледельца»³²³.

Переселенцам приходилось адаптироваться к новым условиям ведения хозяйства, что принуждало их интенсивней контактировать с местным населением, и, как следствие, устанавливать тесные хозяйственные связи.

В частных случаях крестьяне-переселенцы выступали в роли трансляторов новой земледельческой культуры, передавали приобретённый опыт интенсивного ведения хозяйства, что фрагментарно воспринималось и автохтонным населением. Так, в отчете Николаевского уездного начальника за 1888 г. указывалось, что «...киргизы этого уезда, благодаря соседству с русскими, охотно возделывают и обрабатывают земли, не уступая в этом отношении русским». В его же отчете за 1897 г. говорится, что русское и казахское земледелие «все больше расширяется,

³²² ЦГА РК. Ф. 64. Оп.1. Кн.1. Д.395. Л.241.

³²³ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей / Департамент гос. зем. имуществ: Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902. С. 135.

чему способствует обоюдное и дружественное соглашение кочевников с русским населением в сельскохозяйственных предприятиях»³²⁴.

Восприимчивость коренного населения Степного края к земледельческим практикам во многом стимулировалась помощью крестьянства. Так, Ф.А. Щербина, указывая на особую роль переселенцев в развитии земледелия у коренного населения, писал: «Тот, кто не был в степи и не имел возможности наблюдать соприкосновение русской народности с киргизской, не может себе представить, насколько велико культурное влияние нашего крестьянина-переселенца на киргиза-кочевника: ...он учит его пахать, сеять, косить, молотить и даже потреблять хлеб. ...Живым примером собственного хозяйства, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советами и практическими указаниями, которыми охотно делился русский переселенец, последний втянул уже киргиза в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевников на значение земли для хозяйства»³²⁵.

Более сдержанная и реалистичная позиция относительно роли и значения хлебопашества в среде коренного населения была представлена в размышлениях земского чиновника и статистика А.А.Кауфмана: «...Для северных степей влияние крестьянской колонизации представляет собой факт...Наплыв переселенцев-арендаторов, давая киргизам возможность освоить земледельческие навыки, вместе с тем оказывает на них деморализующее влияние: зачем в самом деле пахать киргизу пашню, когда он может получить готовую пашню, хлеб, деньги от арендаторов-испольщиков»³²⁶.

Действительно, в условиях отсутствия прав на свободное пользование землей, крестьяне обращались к практике аренды. Не обладая значительными денежными средствами, крестьяне чаще всего прибегали к

³²⁴ ЦГА РК. Ф.333. Оп.1., Д.148. Л.5.

³²⁵ Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений...С. 44.

³²⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизации. Ч.2... С. 331.

испольщине, при которой земля и орудия обработки – сохи, бороны, рабочий скот – обыкновенно принадлежали хозяину – «инородцу», а крестьянину переселенцу – навык в использовании этих орудий. Данная форма аренды была привлекательна для автохтонов, так как не требовала значительных затрат и расходов, кроме издержек на покупку сохи и бороны. Что же касается рабочего скота, то кочевое хозяйство в этой сфере исторически не испытывало дефицита³²⁷.

Одним из таких примеров аренды является следующий договор: «1896 г. февраля 12 дня, мы нижеподписавшиеся Курганского уезда, Устьсурской волости, селения Речное крестьянин Алексей Маркович Доброскоков и Акмолинского уезда, Еременской волости киргиз (казах-Д.А.) Байгоза Магульбаев заключили сие домашнее условие на нижеследующих условиях:

1. Я Магульбаев отдал Доброскокову собственный скот в количестве десяти быков одной масти и все принадлежавшие земледельческие орудия – один плуг, пять борон с ярмами, сроком на 3 года, с 1896 г и по 1899 год.

2. От работы попорченные земледельческие орудия исправлять Магульбаеву и Доброскокову во все время вместе.

3. Зимой Магульбаев обязан свой скот прикармливать своим сеном и по вскрытии весны обязан отдать скот в хорошем виде. Жатва пшеницы должна быть с обеих сторон (т.е. каждый убирает сам свою половину нивы).

4. Условие это, с обеих сторон, в течение трехлетнего срока, хранить свято и ненаруσιμο, в случае отказа от трехлетнего срока содержания нашего которым-нибудь лицом без всяких указательных причин обязан виновный уплатить неустойки сто рублей»³²⁸.

³²⁷ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.1, Д.1038. Л.23.

³²⁸ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей / Департамент гос. зем. Имуществ: Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902. С. 141.

Условия аренды обговаривались сторонами и были индивидуальными по каждой ситуации. Так, в Петропавловском уезде участок около 3 тыс. десятин на 12 лет обходился в 180 руб. Такая же площадь в Акмолинском уезде на 12 лет стоила 120 руб.³²⁹.

Важно отметить, что успешная хозяйственная деятельность переселенцев, испытывавших серьёзный недостаток в финансовых средствах, носила во многом случайный характер и достигалась посредством элементарных навыков предприимчивости. По свидетельству М.А. Терентьева, «...весной вся степь в зелени и цветах, переселенцы усердно занялись кошением и наметали кругом своих становищ множество стогов сена. К зиме нарыли землянок, засели и ждут... У киргизов такой моды косить траву нет, а зима подошла снежная, тебеневки невозможны... вот и являются они к русским покупать сено, денег нет — меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось огромное количество скота — сразу они разбогатели!»³³⁰.

В сложившейся ситуации нестабильности часто возникали прецеденты, когда «инородцы» выступали в качестве кредиторов переселенцев и даже доводили их до определенной зависимости. Так в рапорте петропавловского уездного начальника сообщалось: «Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что киргиз Средней волости Байгаска Сандыбаев, пользуясь просьбой крестьян селения Всесвятского, дает деньги под большие проценты. Доказать это обстоятельство путем дознания весьма трудно и потому не представляется возможным привлечь Сандыбаева к соответствующей законной ответственности»³³¹.

Увеличение в структуре населения доли крестьян-переселенцев и рост производства товарного зерна в обстоятельствах отсутствия развитой инфраструктуры (наличие судоходных рек, железных и благоустроенных

³²⁹ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3806. Л.13.

³³⁰ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей ...С. 152.

³³¹ ЦГА РК. Там же. Л.3.

грунтовых дорог, небольшая емкость внутреннего рынка хлебопродуктов и удаленность от внешних рынков сбыта) привели к тому, что очень быстро потребности в хлебопродуктах на местном уровне были полностью удовлетворены.

По оценкам специалистов, например, акмолинского уездного начальника А.И. Троицкого, хлебный кризис начал проявляться уже с середины 90-х годов XIX в., когда некоторые крестьяне, имея хлеб, но не имея возможности его продать, попадали в черные списки: за ними числились большие суммы недоимок по платежам налогов и податей. Тогда самые предприимчивые из них, используя опыт кочевников-скотоводов, стали закупать или выменивать на хлеб молодняк, откармливать его и продавать на Константиновской ярмарке, получая за это наличные деньги.

Таким образом, медленно, но верно разрушалась системность кочевого хозяйства, что в значительной степени усугублялось ситуацией, при которой аулы отрезались от естественных водопоев для скота пашнями переселенцев, а лучшие сенокосные угодья, составлявшие кормовую базу для скота целых родов, при межевании прирезались к крестьянским наделам. В итоге возникала естественная путаница в кочевых маршрутах, стирались границы родов, провоцируя конфликты как между отдельными кочевьями, так и между переселенцами и «инородцами» края³³².

Не прекращавшийся приток в Степной край крестьянского населения способствовал развитию в среде кочевого населения оригинальной практики распашки своих земель с целью уберечь их от перечисления в колониционный фонд. Симптоматично, что саму распашку и посев зачастую выполняли крестьяне за обговоренную с коренными жителями долю урожая, получившей название «маин». О существовании прямой корреляции между появлением переселенцев и увеличением вынужденной

³³² ГИАОО. Ф.2. Оп.1., Д.116. Л.3.

распашки свидетельствуют следующие данные: если в 1892 году в Омском уезде не было ни одного крестьянского поселения и земледелием занимались 29 представителей коренного населения, которыми было посеяно 43 четверти ярового хлеба и 12 четвертей овса, то уже в 1897 году было образовано 25 крестьянских селений при 1 711 семействах и автохтонами уже было засеяно 2 043 пуда яровой пшеницы, 653 – овса, 18 – ярицы³³³.

Подобная ситуация, пусть и принудительно, способствовала развитию земледельческих навыков в «инородческой» среде, однако отсутствие прав коренного населения на получение ссуд и пособий, зафиксированное законодательно, практически полностью отменяло перспективы земледельческого хозяйства.

Комментируя процесс формирования переселенческого земельного фонда в Степном крае, А.Н. Букейханов отмечал: «Чиновники не только отбирают у киргизов усадьбы, покосы, пашни, самые дорогие зимние пастбища, но лишают их мечети, отрезают в участок кочевые пути и лучшие водопои. Подобным отношением к устройству переселенцев на местах закладывается неистощимый запас для враждебных столкновений киргиз и крестьян»³³⁴.

Существовавшая почва для конфликтов отмечалась и в материалах официального делопроизводства: «...У многих поселений Акмолинского уезда весьма неудачно нарезаны земли... Как будто умышленно сделано все, чтобы огорчить крестьян, например, рядом отличная земля оставлена, а тут же солончаки вошли в надел; протекает речка у села и тут же проводится граница киргизского владения,... а теперь, благодаря близкому соседству, вечные столкновения, т.к. сельский скот легко переходит границу... По мнению переселенцев, лучшие земли, реки и т.п. должны были принадлежать только им, а все остальные неудобные участки -

³³³ Морозов А. А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1900. Кн. XXVII. С. 14.

³³⁴ Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, 2007. С. 112.

казахам, которых вообще нужно было удалить как можно дальше в солончаки, в пустыни»³³⁵.

В то же время далеко не все исследователи – современники событий - видели в качестве причин формирования конфликтности между локальными группами только переселенческий процесс. В частности, В.А. Остафьев отмечал невероятную путаницу, сложившуюся в землевладении «инородцев» ещё до начала массовых миграций в Степной край. Представители высшей административной бюрократии столкнулись в регионе с родовым делением волостей и, признав его неудобным, разделили кочевые владения на волости, что, в конечном счёте, поспособствовало социальному разобщению внутри киргизских родов и значительно стимулировало конфликтность³³⁶.

Как бы то ни было, на рубеже XIX – XX столетий конфликты между переселенцами и представителями коренного населения, возникавшие по экономическим поводам, становятся повсеместным явлением.

Одним из распространённых поводов для возникновения конфликта становились потравы, самовольные покосы и уничтожение призимовочных леса и зимовки. В одном из донесений Акмолинского уездного начальника указывалось: «На почве потрав возникает масса ожесточенных столкновений, причем крестьянскими обществами накладывались на виновных киргизов непомерно большие штрафы. Несоблюдение, несмотря на постоянные приказания, крестьянскими обществами Закона о потравах и непомерность произвольно налагаемых крестьянами штрафов сильно мешают установлению прочных взаимных отношений»³³⁷.

В этой связи регулярный характер приобретают жалобы автохтонов на чрезмерное самопроизвольное обложение их крестьянами за произведенные потравы. Актуализации конфликтов, как правило,

³³⁵ ЦГА РК. Ф. 374. Оп.1, Д.3. Л.30.

³³⁶ Остафьев В.А. Указ. соч. С.32-33.

³³⁷ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3722. Л.45.

сопутствовало мнение, что некоторые крестьяне сделали для себя из потрав род выгодной статьи и дополнительного дохода³³⁸.

Проблема по большому счёту заключалась в несовпадении представлений крестьян и «инородцев» о границах. Автохтоны признавали лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, отказывались понимать своих соседей. На этой почве обычно и возникали столкновения, начинавшиеся с перехода казахского скота через межу крестьянского надела и его потравы. В таком случае начиналось разбирательство. Например, в постановлении № 96 от 8 ноября 1898 г. Вознесенский станичный суд разобрал жалобу крестьянина-казака поселка Вознесенского Епифантия Любых, который просил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева за потравленный хлеб 30 р. 40 коп. В ходе недолго разбирательства станичный суд «на основании постановленного акта и свидетельских показаний постановил взыскать с казахов Утемисова и Курманбаева в пользу казака пос. Вознесенского Епифантия Любых в связи с понесенными убытками 25 руб.»³³⁹.

Говоря о социально-психологических аспектах взаимоотношений переселенцев с «инородцами» Степного края, необходимо обратить внимание на то, что конфликты между локальными группами региона во многом инспирировались имперскими установлениями, на фоне которых культурные антиномии проявлялись наиболее рельефно.

Уже в стартовый период аграрной колонизации края устами представителей высшей региональной административной бюрократии были озвучены базовые подходы к устройству в Степном крае коренного населения, в основе которых лежали патерналистские установления. Во Всеподданнейшем отчете военного губернатора Акмолинской области за 1876 год прямо говорилось: «Осторожное водворение русских в

³³⁸ ЦГА РК. Ф.369. Оп.1., Кн.2., Д.3722.Л.63 об.

³³⁹ ГИАОО. Ф.67. Оп.2., Д.2042. Л.3.

означенной местности с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент и не только не вызывало бы ни какого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы, по мнению моему, к их же обеспечению в экономическом отношении, усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения, но, чтобы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке». Далее в отчете: «Этот порядок мог бы заключаться в том, чтобы в начале поселения состояли из небольшого числа дворов и располагались бы на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, устанавливая сообщения между степными городами... При таком порядке заселения степей постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевое хозяйство на отдельные пространства. В этих пространствах киргизы могли бы беспрепятственно продолжать свой кочевой образ жизни, а желающие между ними обратиться к земледелию имели бы доступ к водворению по соседству с русскими поселениями или же распахивали бы поля около своих зимовок. Таким образом, киргизы присматривались бы к условиям оседлого быта, сближались бы с русскими и перестали бы оставаться чуждым России племенем. Предполагаемый способ водворения в русских степях не есть плод одних теоретических соображений. Так некогда русская народность в течение столетий распространялась по средней полосе Сибири, привлекая племена к земледелию и оседлости»³⁴⁰.

Данная идея в полной мере укладывалась в контекст уже сформировавшихся в имперском сознании и озвученных Ф.Г. Тернером убеждений в том, что «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского

³⁴⁰ ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.13315. Л.561 об.-562.

населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа...большему сплочению этих стран с Россией»³⁴¹.

Таким образом, аграрное переселение в Сибирь вообще и в Степной край в частности риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности.

По убеждению Ф.М. Уманца, «мы должны занимать и колонизировать сопредельные пустыни не ради увлечения дешевыми лаврами и мишурной славой, не потому что нам это выгодно, не потому, чтобы не хватало оренбургского или херсонского чернозема..., а просто потому, что без этой колонизации мы не отвечаем за спокойствие областей, давно заселенных и столетия назад вошедших в государственные пределы»³⁴². Поэтому колонизация в его трактовке - «народная повинность, фатально вытекающая из нашего географического положения и государственного достоинства, из того, что стремление на Восток составляет нашу историческую миссию, из того, наконец, что «судьбой нам суждено» осенить пустыню идеей государственности и внести в нее кодекс христианской нравственности, вовсе не следует, чтобы мы должны были постоянно «работать в убыток» и, таская каштаны для других народов, всегда оставаться на втором плане»³⁴³.

В данном отношении водворение и обустройство крестьян переселенцев в Степном крае, равно как и практические мероприятия чиновничества различных рангов, заметно стимулировались этим миссионерским, в сущности, имперским ощущением.

Симптоматично, что массовое крестьянское монархическое сознание оказалось внутренне подготовлено к поддержанию и трансляции миссионерских установок империи. Несмотря на возникавшие периодически прецеденты запрета или ограничения переселений,

³⁴¹ Цит. по: *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. Ч.1...С.5.

³⁴² *Уманец Ф.М.* Указ. соч. С.225.

³⁴³ Там же. С.226.

большинство крестьян было твёрдо убеждено в том, что за их спинами стоит именно царская власть, а они реализуют царскую волю. В том случае, когда переселение не было санкционировано правительством, самовольные мигранты по прибытию в Сибирь были уверены в своей правоте, требуя от властей вспомоществований в обустройстве: «Мы царские и земля царская... Мы явились... и, следовательно, имеем право селиться»³⁴⁴. Монархические аллюзии крестьянства материализовывались и в фантастических легендах царистского толка о том, что императрица возле Рекрутска (Иркутска) построила дома для крестьян и сама в них живёт, или что «в Челябинске поезда с переселенцами встречают императрица Мария Федоровна и великий князь Михаил Николаевич с кашею»³⁴⁵.

Используя прагматичную философию крестьянства, власти стремились не только к экономическому освоению новых территорий, но и присвоению таковых, прикреплению их к государственному ядру. Характерно, что в начале XX в., когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» включается в программные установки правых партий: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет оплот против желтого нашествия»³⁴⁶. Естественно, что при этом партийные риторы педалировали идею активного участия народа в построении империи, констатируя, что первопроходцы не только отыскивали «ничьи» земли за Уралом, но и обеспечили «историческое право» империи на их обладание³⁴⁷.

Миссионерский апломб в отношении Степного края точно зафиксировал в своей статье С. Пономарёв: «Невольно чувствуется

³⁴⁴ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30.

³⁴⁵ *Беляков И. Е.* Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 6.

³⁴⁶ *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. СПб, 1913. С. 11.

³⁴⁷ Там же.

близкое падение обособленности края; невольно прислушиваешься к родному великорусскому говору; невольно идешь в эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующие физиономии с печатью изумления пред веками нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, перед тучными и обильными лугами, перед колосящейся высокой, рослой и наливной пшеницей»³⁴⁸. Аргументируя свою правоту в процессе оседания на «иностранческих» землях, переселенцы непременно оперировали миссионерским доводом: «Царь нас отпустил землю оглядеть, пахать ее, чтобы вволю было, а где земля-то?»³⁴⁹. Кроме того, в русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Исследователи взаимоотношений русского и «иностранческого» населения Степного края верно отмечали: «Переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам»³⁵⁰. Подобное отношение было точно схвачено писателем XIX в. С. Карониным (Петропавловским) в художественно-публицистическом произведении «Как и куда они переселялись». Инициатор переселения Ершов рассказывал крестьянам о Сибири и коренных жителях буквально следующее: «Хлеба там вволю, в реках рыбу руками бери..., только православных нет, а всё киргиз». Как же с ним, с собакой, совладаешь?». «Киргиз – он ничего, киргиз – он честный. Если ты его попоишь чайком, он тебе лугу отвалит»³⁵¹. Очевидцы заключали: «Чует силу расеец, когда мир за ним», и этой силой, а не более высокой культурой «напирают они на восток», и покоряется этой силе «не один киргиз, припертый теперь к стенке и отброшенный далеко за Урал, не один апатичный и непредприимчивый башкир; подается и крепкая сила

³⁴⁸ Пономарёв С.О. Указ. соч. С.141.

³⁴⁹ Там же. С.157-159.

³⁵⁰ Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов... С.169.

³⁵¹ Каронин (Петропавловский) С. Куда и как они переселялись // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С.366.

сибирских старожилов»³⁵².

Имперские черты сознания, носителями которых на степных окраинах страны выступали крестьяне-переселенцы, в отдельных эпизодах приобретали агрессивные формы. Так, даже представители местной администрации, сориентированные центром на оказание содействия переселенческому движению, признавали, что прибывшие из России крестьяне настроены в духе насильственных захватов. В рапорте Петропавловского уездного начальника Акмолинскому губернатору отмечалось: «прибывшие из России крестьяне настроены вообще в духе насильственных земельных захватов, к этому следует отнести полное незнание киргизов, иного скотоводческого хозяйства, бытовых, а также исторических условий жизни и современного поземельного устройства. В силу изложенных причин на сходах³⁵³ раздавались речи, что земля, занимаемая киргизами, есть казенная, и при этом свободная, так как на огромных пространствах не встречается поселков, аулов или отдельных хуторов, что вся казенная земля должна поступить в пользование крестьян и что об этом им объявлялось в России. Некоторые лица, особенно из числа запасных солдат, не стесняясь, высказывали, что киргизы собаки, и что их следует потеснить»³⁵⁴. Последний аргумент представлялся переселенцам вполне законным, поскольку освобождение коренных народов от воинской повинности становилось основанием для утеснения их в земельных правах. В результате «пустые» с точки зрения крестьянина-переселенца земли кочевников или «сомнительное» право «инородцев» могли стать оправданием для ограничения их землепользования. Существенно, что к этому присоединялся мотив социальной справедливости, якобы местные богатеи «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников³⁵⁵.

³⁵² Пономарёв С.О. Указ соч. С.157-159.

³⁵³ ЦГА РК. Ф.333. Оп.1., Д.286. Л.8.

³⁵⁴ Там же. Ф.369. Оп.1., Кн.1, Д.952. Л.18 об.

³⁵⁵ Дуров А. В. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 54.

Подобного рода практики воспринимались как вполне легитимные, особенно на фоне тиражируемого мнения, сообразно с которым «полудикое хозяйство... восточных провинций отживает последние дни; кочевые народы беднеют, стада их вымирают, и они сами ищут поселян и покупателей на свои земли»³⁵⁶.

Примечательно, что если в локальных конфликтах, разворачивавшихся в ходе аграрной колонизации Степного края, переселенцы руководствовались миссионерскими, основанными на «монархических» убеждениях, доводами, то представители коренного населения апеллировали своими историческими правами, которые базировались на «официальных грамотах», потерявших юридическую силу, но обосновывавших законность их проживания и кочевания.

Осознание исконности земельных прав у коренного населения Степного края довольно точно передал Степной генерал-губернатор, который 17 июля 1899 году докладывал Министру Внутренних Дел: «...Отношение коренного населения оппозиционно и с неприязнью, все более и более развивающееся с течением времени, так как переселенческое движение все более и более продолжает затрагивать с невыгодной для киргизов стороны самые насущные их экономические интересы землепользования. Не удивительно при этом, что местные инородцы здесь, прежде всего, в каждом русском пришельце-переселенце видят не поучительного и будущего хозяйственного руководителя, а прямого врага, отнимающего насиженные исстари киргизами места...»³⁵⁷.

В данной ситуации возникал уже не конфликт интересов, а конфликт культур и стереотипов поведения. Крестьянам казались дикими протесты кочевников – стеснения в землепользовании, они считали странным

³⁵⁶ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 2. С. 925.

³⁵⁷ Кабульдинов З.Е. Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII - начале XX вв. (историко-демографический аспект). Павлодар, 2002. С. 47

жалобы номадов – «пасти скот негде», когда везде была «безбрежная степь».

Если от «вторжений» крестьян можно было как-то защититься, то от действий межевых чиновников это сделать было невозможно, поскольку последние руководствовались буквой закона. В таких случаях, власти обращались к практике «сгона» «инородцев» с территорий, вошедших в сферу межевания. Один из корреспондентов газеты «Омский вестник» данную акцию описал следующим образом: «... В мае текущего года сюда прибыл межевой чиновник и предложил киргизам выбрать для своих кочевий другое место, так как то, на котором они обжились, отходит под переселенческий участок. Предложение это на киргизов подействовало удручающе..., если они выберут кочевья сами и как бы добровольно уйдут с занимаемого места, то казна не выплачивает им за оставленные им зимовки-избы. Ждать же с другой стороны насильственного выселения (в этом случае казна выплачивает за зимовку их действительную стоимость) не выгодно в том отношении, что чиновники могут дать неудобную площадь земли, без воды и травы... Советников у них мало, большей частью русским киргизы не доверяют...»³⁵⁸.

Показательно, что конфликты, обставленные несходством культурных типов земледельцев и номадов, развивавшиеся в условиях имперской колониционной парадигмы, имели склонность к актуализации и обострению в связи с внешнеполитическими обстоятельствами.

Когда в 1899 г. в Китае началось восстание, вошедшее в историю как «боксерское» и имевшее антиинострannую направленность³⁵⁹, Россия совместно с другими европейскими государствами приняла участие в подавлении этого движения и в мае 1900 года ввела войска на территорию Китая. В ходе конфликта, когда военные действия достигли российской границы, в июне 1900 года была объявлена мобилизация казачьих войск,

³⁵⁸ ГИАОО. Ф. 2. Оп.1., Д.7. Л.4.

³⁵⁹ Дюлюи Р.Э., Дюлюи Т.Н. Всемирная история войн. Т. 3. СПб., 1998. С. 87.

в том числе и в Акмолинской области. Тогда был сформирован 7 тысячный казачий корпус, куда входили 2-я и 3-я Сибирские стрелковые бригады³⁶⁰.

Именно в этот период в Петропавловском, Омском и Атбасарском уездах Акмолинской области происходят события, свидетельствующие о явном обострении взаимоотношений между «инородцами» и русским переселенческим контингентом.

Рапорты уездных начальников военному губернатору под грифом «совершенно секретно» в этот период наполнены опасениями прямого столкновения крестьян с киргизами. Так, в рапорте Омского уездного начальника от 7 июля 1900 г. указывалось: «Из происходивших и подслушанных разговоров я заключил, что как киргизы в степи, так и татары г. Омска очень враждебно относятся к русским, что ясно из того, что по отношению к русским слышатся угрозы...»³⁶¹.

В ещё одном рапорте, представленном омским уездным начальником, сообщалось: «Киргизы Омской волости и уезда: Байбатыр Кулабаев, Дюсет и Тыстай Джюзюмовы, и киргизы, фамилии которых не знают, но в лицо узнают и вообще киргизы, которые живут около поселка, угрожают, что когда большинство из них, т.е. крестьян заберут в солдаты, то киргизы разорят и сожгут поселки, а все население перебьют»³⁶².

Когда в 1901 г., согласно рапортам уездных начальников, жизнь кочевого и оседлого населения вошла в обычное русло, отдельные моменты напряжённости во взаимоотношениях сохранялись. По заявлению петропавловского уездного начальника, «во взаимных отношениях недавних соседей киргиз и крестьян чувствуется некоторая шероховатость и имеется много взаимных недоразумений»³⁶³. Очень часто претензии инородцев были связаны с существованием преимуществ переселенцев априори: «... Почему по русским поселкам больше ездит

³⁶⁰ Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. Калининград, 1995. С. 85.

³⁶¹ Там же.

³⁶² ГИАОО. Ф. 2. Оп.1., Д. 7. Л.7.

³⁶³ Там же. Л.62.

начальство и спрашивает о нуждах, а к нам в аулы почти не заглядывает и о нуждах никогда не спрашивает, ... разве мы не такие же подданные как русские. А нужды-то у нас еще больше, чем у русских»³⁶⁴.

Значимым фактором, оказавшим влияние на конфликтный характер взаимоотношений конкурирующих локальных групп в регионе, следует назвать характер и подходы к организации переселенцами хозяйственной деятельности в регионе. А.А. Кауфман, полемизируя с корреспондентами «Русского вестника» о причинах подвижности российского крестьянства, полагал, что причина таковой заключалась не только в традиционном малоземелье, но и способе земледелия, при котором экстенсивные формы хлебопашества исторически становились неотъемлемой практикой в крестьянском производстве. Данные практики транслировались и в новых обстоятельствах жизни в условиях Степного края, где «киргизская степь с её лёгкой и дешёвой арендой создаёт благоприятную среду для азартного и спекулятивного хозяйства»³⁶⁵. Далее А.А. Кауфман резюмировал: «На почве лёгкой...создаётся особый тип переселенца, который вовсе не думает о прочной оседлости, следовательно, не имеет надобности заботиться о земле. Когда истощится надел, он будет арендовать киргизскую землю, когда истощатся в округе и киргизские земли, он переселится ещё куда-нибудь»³⁶⁶. Созвучны и другие мнения, свойственные оценкам деятельности переселенцев: «Алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая поспешность при бросании с одного не понравившегося места на другое»³⁶⁷, стремление «обольготиться»³⁶⁸, получить даровую землю и т. д. В практической плоскости имперская тональность с характерным восхищением «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией

³⁶⁴ ГИАОО. Ф.2. Оп.1., Д.116. Л.3.

³⁶⁵ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Ч.2...С.334.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Шнэ В. Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76. С.13.

³⁶⁸ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 20. С.112.

сочеталась с негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничества в отношении природных ресурсов и беспредела в эксплуатации туземного населения. А. А. Кауфман регулярно критиковал восторженных адептов переселенческого дела, в особенности в связи со способами организации крестьянского земледелия, указывая, что переселенческое хозяйство носит по преимуществу «захватно-хищнический характер, а переселение - не что иное, как бегство крестьянина от культуры»³⁶⁹.

Имперские власти, столкнувшись в Степном крае с проблемой регулярной конфликтности, пытались предпринимать меры, направленные на предупреждение столкновений между переселенческим и «инородческим» населением. Однако эти решения, по сути дела, носили паллиативный и несистемный характер, растворяясь в общей программе аграрной колонизации, ориентированной на «присвоение» региона и включение его в общеимперское пространство. Так, во Всеподданейшем отчёте военного губернатора Акмолинской области содержались сведения об устройстве в 1875 и 1876 гг. мужских и женских интернатов для коренного населения края, а также отданных распоряжениях об устройстве в мужских интернатах сельскохозяйственных ферм, на которые киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов. Однако цель, которую ставили перед собой организаторы, вряд ли могла в полной мере ликвидировать почву для возникновения конфликтных отношений: «...для проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими,... чтобы при помощи этих интернатов проводить в степях понятие о русском сельском хозяйстве»³⁷⁰.

В одном из отчётов военного губернатора Акмолинской области, содержалась следующая информация: «С окончательным преобразованием в отчетном году киргизских мужских школ (бывших интернатов) в

³⁶⁹Кауфман А. А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 57.

³⁷⁰ГИАОО. Ф. 3, Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.

киргизские сельскохозяйственные школы последовало закрытие женских интернатов. Существовавшие с 1878 г. как мужские, так и женские интернаты не пользовались сочувствием в среде киргизского населения. По ложному мнению киргизов, назначение интернатов состояло будто бы в том, чтобы, воспитывая детей в русском духе, постепенно подготовить их к переходу в православие. В учреждении же женских интернатов киргизское население усматривало нарушение своих семейных прав в отношении брачного союза, полагая, что воспитывавшимся в русских школах девушкам будет дано более широкое право на вступление в брак, что конечно, противоречило бы традиционным воззрениям киргизов на женщину как вещь и брачный союз как хозяйственную сделку. Поэтому киргизы³⁷¹ смотрели на посылку детей в школы как на повинность, от которой всячески старались уклоняться. Отбывали эту «повинность» обыкновенно беднейшие из киргиз – джатаки, получая за нее от общества какое-нибудь материальное вознаграждение³⁷².

По заключению В.А. Остафьева, опыт учреждения сельскохозяйственных школ и интернатов не мог быть положительным хотя бы потому, что сами слова «земледелец», «пахарь» в наречии коренных народов имели ярко выраженный негативный оттенок. Поэтому, утверждает В.А. Остафьев, «киргизы, когда начальство предложило добровольно ставить в открытые сельскохозяйственные школы по одному мальчику и одной девочке, отказались наотрез...»³⁷³. Ситуация с распространением передовых земледельческих знаний в «инородческой» среде осталась неизменной, и в начале XX в. Т.И. Тихонов в докладе о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Степном крае с горечью констатировал, что девять сельскохозяйственных школ, организованных к 1903 г. в регионе, ни одного киргиза не сделали земледельцем или хорошим хозяином. С точки зрения крестьянского чиновника, русская

³⁷¹ ГИАОО. Ф. 3, Оп 9, Д. 15380. Л. 229-233 об.

³⁷² ЦГА РК Ф. 64. Оп. 1. Кн.1. Д.395. Л.243-243 об.

³⁷³ Остафьев В.А. Указ. соч. С.55.

грамота и русский язык, которым выучились автохтоны в школах, «...создавали в степи более лёгкий труд волостного писаря, который живёт куда лучше бедного джатака-земледельца»³⁷⁴.

В целом общероссийский проект организации сельскохозяйственных школ для переселенцев, тематических аграрных чтений и бесед в областях Степного края реализовывался нерегулярно, а попытки интенсификации крестьянского хозяйства не дали сколько-нибудь серьёзных результатов.

Таким образом, реализация имперского проекта аграрной колонизации Степного края осуществлялась во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях интенсификации переселенческого процесса, что инициировало активное практическое включение административных органов и аппарата чиновников в подготовительные мероприятия по образованию колонизационного фонда. Землеустроительные и межевые работы в регионе имели не только технический характер, но и важное идеологическое содержание, демонстрирующее признание империей доминантной роли крестьянства в аграрной колонизации степных территорий. Акцентуация имперских приоритетов значительно усиливалась в процессе изъятия так называемых «излишних» земель у коренного населения, что свидетельствовало о смене патерналистских принципов, собственнической политики в отношении организации быта и хозяйственной деятельности автохтонов.

В сложившейся обстановке крестьянство, невольно оказавшееся в роли своеобразного «представителя» интересов Российской империи в областях Степного края, получило серьёзные материальные и главным образом моральные прерогативы при обустройстве и водворении в регионе. С одной стороны, данный процесс способствовал лучшей организации практик вспомоществования переселенцам, являлся фактором примирения радикально настроенной народнической интеллигенции с

³⁷⁴ *Седельников Т.И.* Указ. соч. С.48.

государством, с другой – инициировал конфликты между мигрантами и «инородцами».

В экономическом отношении переселенческое движение в Степной край представляло собой традиционный опыт трансляции русским крестьянством стереотипов хозяйственного поведения с ориентацией на экстенсивные земледельческие практики, что приводило к регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «инородческим» населением региона.

Сближение ареалов проживания и экономической деятельности русских новосёлов с коренными этническими группами края способствовало переходу конфликтов в социально-психологическую и культурную плоскость, когда и без того напряжённые отношения приобретали формы откровенного противостояния и вражды.

2.2.2 Сибирское казачество в этническом и социокультурном пространстве Степного края.

Широко известно, что первым шагом к заселению территории Степного края стало возведение военных крепостей и размещение в них гарнизонов, состоящих из регулярных армейских и казачьих частей, которые долгое время выступали основными проводниками колониальной политики на востоке империи. Казачьи войска были полностью подчинены правительству, выполняя служилые обязательства, а собственно казачество представляло собой особый слой населения с исключительными правами и обязанностями.

Территория Степного края была окружена сетью казачьих поселений, соединенных с городами. Местом дислокации Сибирского казачьего войска являлись по преимуществу северные районы Акмолинской области. В частности, войсковая территория начиналась от Оренбургской границы поселком «Сибирский» с запада на восток через г.

Петропавловск до г. Омска и называлась Пресновская линия, между городами Петропавловском и Омском проходила Горьковская Линия, а вся эта территория именовалась Пресно-Горьковская линией. От Омска линия казачьих поселений шла на восток через Семипалатинскую область, образуя так называемую Иртышскую линию.

В 40-х годах XIX в. вызванные крестьяне и казаки в числе 3 852 человек положили первое основание для колонизации Степного края. Заняв лучшие земельные участки на территории Кокчетавского уезда, они образовали здесь многолюдные станицы и стали пионерами заселения Акмолинской области. В Семипалатинской области было образовано 66 казачьих поселений, из которых 55 располагались по р. Иртыш.

В период с 1880-первой половины 1890-х гг. в 170 поселениях Сибирского казачьего войска числилось свыше 113 тыс. человек. В лице казачества правительство сформировало военно-феодалное сословие, наделенное как привилегиями, так и повинностями. Для государства казачество представляло относительно дешевую силу, призванную обеспечить охрану границ и водворение колониальных порядков в степи³⁷⁵.

В соответствии с данными П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Сибирскому казачьему войску к началу XX столетия принадлежало в Акмолинской и Семипалатинской областях более 5 млн. десятин земли, подразделяемой на три типа: юртовые наделы (земли станиц и посёлков, в которых отводилось на душу м.п. 25 дес. удобной земли), потомственные участки офицеров и чиновников, а также запасные земли. В обязанности войска вменялось самостоятельное ведение хозяйства, устройство школьной и врачебной части и выставление в мирное (3 150 чел.) и военное (9 102 чел.) время вооружённого и обученного контингента³⁷⁶.

³⁷⁵ Абдиров М. Ж. Военно-казачья колонизация Казахстана (конец XVI - нач. XX в.): Опыт историко-эволюционного анализа: дис.... докт. истор. наук. Алматы, 1997. С. 213.

³⁷⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества...С.177.

Сибирское казачье войско, по замечанию Ф. Усова, «...не было, подобно Донскому и Яицкому, самобытным продуктом земской колонизации окраин, оно во всеоружии вышло из рук администрации и своим существованием совершенно обязано правительству...»³⁷⁷.

В данной связи необходимо отметить, что начиная со второй половины XIX столетия, когда российская имперская политика, направленная на административную интеграцию национальных окраин в имперское пространство, приобрела ярко выраженные форсированные формы, происходят определённые коррекции в оценке значения, функций и роли казачьего элемента в колонизационном процессе.

Дискуссия о перспективах казачества развернулась в 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, которая пришла к выводу, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть на новые границы империи, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы». Возобладало мнение, что для водворения русского населения в крае лучше использовать свободную земледельческую и промышленную колонизацию³⁷⁸.

В 1870-х гг. в административных кругах разговор, касавшийся вопроса эффективности казачьей колонизации и её влияния на «инородцев» Степного края, был продолжен. По мнению Г.А. Колпаковского, роль казачества в колонизации региона постоянно менялась. Первоначально оно было призвано защищать военную линию от набегов кочевников, а казачьи поселения являлись решающей военной силой, используемой для подавления любых форм сопротивления со стороны «инородческих» групп. В условиях завершения завоевания казачество как реальная военная сила потеряло былое значение. Недовольство административной бюрократии края вызывало и то, что

³⁷⁷ Там же. С.176.

³⁷⁸ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С.188.

казачество, будучи военным сословием, не зарекомендовало себя в качестве хороших хлебопашцев и, главное, постоянных проводников аграрной колонизации региона.

Данная позиция предметно была озвучена во Всеподданейшем отчёте акмолинского военного генерал-губернатора В.А. Цытовича: «До настоящего времени в степи дозволено устраивать только казачьи поселения. В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время это необходимость миновала, и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же, по роду своей службы, не могут систематически заниматься земледелием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным»³⁷⁹.

Здесь необходимо отметить тот факт, что трансформации во взглядах правительственных структур на роль казачества в колонизации края происходят именно в тот период, когда участие сословия в освоении региона достигает своей высшей точки. По мнению исследователей проблемы, казачество являлось крупнейшим землевладельцем в границах тех территорий, которые, оставаясь в сфере интересов кочевого населения, постепенно попадали в ареал гражданской колонизации и аграрных переселений. По мнению Т.Б. Митропольской, «передав войскам огромные владения лучшей пахотной земли и пастбищ, правительство вместе с источником жизни обеспечило казачество непреходящим источником конфронтации с коренным населением, у которого эти земли были изъяты или просто захвачены, а позднее – и с переселенческим крестьянством»³⁸⁰.

³⁷⁹ ГИАОО. Ф. 3, Оп. 9, Д. 15380. Л.234.

³⁸⁰ Митропольская Т.Б. Из истории Семиреченского казачества. М., 1997. С.11.

Симптоматично, что активизация крестьянских переселений, в том числе и несанкционированных, но признаваемых властями постфактум, в земледельческие местности Степного края создавала определённые прецеденты для имперской рекогносцировки в организации колониационного процесса, что не могло не сказаться на взаимоотношениях субъектов освоения региона.

В менявшейся ситуации организаторы и участники переселенческого дела не могли не увидеть очевидных перемен, происходивших в сфере аграрной колонизации Степного края. Властям становилось ясно, что нараставшая волна самовольных переселений, проявившаяся в хаотичном притоке лиц земледельческого сословия в области степной полосы, приводила к более эффективным результатам в аграрной сфере, нежели долгосрочное внедрение земледельческих практик в казачью среду.

В необычайно коммуникативной крестьянской среде информация о хозяйственных успехах, часто приукрашенная, распространялась невероятно быстро, тем более что основания для оптимизма у потенциальных переселенцев в Степной край действительно были. В частности, по свидетельству В. Остафьева, экономический рост крестьянских посёлков в Акмолинской области, несмотря на первоначальную нищету дворов, являлся поразительным и резко бросающимся в глаза³⁸¹. За семь лет, с 1884 по 1890 гг., благосостояние крестьян восьми посёлков Акмолинской области выросло в 3-4 раза. Несмотря на голодные 1891–1892 гг., как свидетельствует статистика, двух лет крестьянам оказалось достаточно для восстановления пошатнувшихся хозяйств³⁸².

Достижения переселенцев в земледельческих местностях Степного края значительно скорректировали соотношение сил противоборствующих сторон по вопросу перспектив аграрной колонизации региона. По

³⁸¹ Цит. по: *Остафьев В.А.* Указ. соч. – С.21.

³⁸² Там же. С.22.

констатации В.А. Остафьева, быстрые успехи и экономический рост переселенцев степных областей нарушили вековую традиционную нелюбовь к сохе ленивого, апатичного киргиза-номада и не менее ленивого казака, чего тщетно добивалась администрация в течение десятков лет разными проектами и мерами при колонизации степи казаками. Крестьянская колонизация степи принесла громадную культурную пользу, разобщиw кочевников с казачеством, влиявшим на них крайне деморализующим образом, познакомив при этом номадов с оседлым населением и оседлым образом жизни³⁸³.

В официальных документах, в частности, записке об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого), фиксировалась негативная оценка казачества с точки зрения их земледельческих навыков: «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи, привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...»³⁸⁴.

По мнению журналиста «Сибирской газеты» (№ 32 за 1881 г.), «заселение Иртышской линии русскими началось ранее 40-х годов прошлого столетия. Значит, мы хозяйничаем в степи около 150 лет. А как-то плохо верится этому при виде результатов почти полуторавековой культуры. Станицы, торчащие через каждые 20-25 вёрст, смотрят так уныло и бедно, а степь - так пустынно и безжизненно! Можно подумать, что проезжаешь по краю, недавно разорённому, или по совершенно “бесплодной” степи, неспособной отблагодарить человека за его труд. Но край пользуется спокойствием давно, а почва более чем благодатна,

³⁸³ Там же. С.60.

³⁸⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 56.

следовательно, причины бедности края нужно искать в человеке, заселившем этот край, и в его порядках»³⁸⁵.

«Поиск человека» осуществлялся в разных направлениях и жанрах. Казак становился объектом критики и осмеяния не только в научно-публицистических опусах, но и в художественных произведениях. Ленность и беспочвенность казачьего сословия оказались в эпицентре повести А. Серафимовича «Степные люди», в которой автор, иронизируя, писал: «Единственным, нетерпеливо и долго ожидаемым событием, разнообразившим монотонную жизнь казаков, был прогон гуртов скота...»³⁸⁶.

Дискредитация казаков как землепашцев и культуртрегеров продолжилась свидетельствами следующего характера: «Сопоставляя между собою два населения, оседлое и кочевое, не трудно прийти к заключению, что оседлые жители – казаки – ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов, как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит немало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае склонности казаков к ленности и беспечности в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать,

³⁸⁵ Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времён до XX века. Павлодар, 2000. С.143.

³⁸⁶ Серафимович А. Степные люди // Журнал для всех. 1902. № 7. С.265.

чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах... совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительства, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному киргизу, который в умственном отношении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет»³⁸⁷.

Однако, несмотря на существующие опасения и предостережения, добиться полной взаимной изоляции коренного населения от казачества было объективно невозможно. Ощущение казачеством собственной сословной, субэтнической и региональной идентичности, а также способы реализации этой идентичности оказывали прямое воздействие на формирование особых взаимоотношений с «инородческим» сегментом сибирского социума, вовлекая в этот процесс и переселенческий контингент.

Характеризуя взаимоотношения казачества с коренным населением Степного края, И.Ф. Бабков констатировал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений, и тем, до некоторой степени, стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища»³⁸⁸.

При этом, как утверждал М. И. Венюков, сибирские казаки «привыкли смотреть на степь как на свою аренду», собирали, по сути дела, дань с кочевников, что породило обоюдные недружелюбные отношения, которые «существуют искони и, вероятно, долго будут существовать»³⁸⁹. А. Н. Куропаткин, размышляя о результатах казачьей колонизации, тонко подметил, что «сибирские казаки,... вместе с массой положительных качеств, присущих сибирякам, принесли также презрение к туземцу, на

³⁸⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Л. 57–58.

³⁸⁸ Бабков И.Ф. Указ. соч. С.37.

³⁸⁹ Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе...С.28.

землю которого садились...»³⁹⁰. По замечанию А.Н. Седельникова, «он (казак – Б.Т.) смотрит на себя, прежде всего, как на «слугу царского», гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именуется «мужиком», а к казаху относится вообще презрительно, называет «собакой», обмануть или обругать которого – обычное явление»³⁹¹. На такое положение вещей обращали внимание и представители образованного казачества, в частности, Г.Е. Катанаев, приводивший впечатляющие своим цинизмом «эпитеты» казаков по адресу «инородцев»: «...известно, киргиз – собака, много ли ей нужно? – конура на дворе да обглоданная кость в зубы, а если её ещё хлебцем прикормить, так она и лоб себе раскроит»³⁹². Очевидцы контактов казачества с коренными народами не могли игнорировать факты неприязненного и предвзятого их отношения к автохтонам, которых можно безнаказанно ограбить и даже убить, заявляя, что в этом нет особого греха, так как у «инородца» души нет, а только «пар». «Инородцы», по мнению русских, «поклоняются чорту», «нехристи», «знамо дело – собака», поэтому их можно обмануть, ограбить, что не только не было предосудительным, но и могло почитаться особым молодежеством³⁹³.

Тем не менее долгосрочность контактов в областях Степного края между казачеством и коренным населением приводила к выработке определённого алгоритма взаимодействия между исследуемыми локальными группами, что до некоторой степени амортизировало конфликтность во взаимоотношениях. В.А. Остафьев риторически свидетельствовал: «...При полной бездеятельности казаков в степи просто невозможно жить. Нарубить дров, обработать пашню или огород, полоть всё лето гряды, извозничать...возить воду – всюду джатак»³⁹⁴.

³⁹⁰ Казачьи войска Азиатской России...С.273.

³⁹¹ Седельников А. Н., Букейханов А. Н., Чадов С. Д. Указ. соч. С.221.

³⁹² Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске...С.56.

³⁹³ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск, 2004. С. 123.

³⁹⁴ Остафьев В.А. Указ. соч. С.46.

Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выжить и воспринимался как наименьшее зло. По этому поводу Г. Е. Катанаев писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин. Подобно рода рассуждения Г.Е. Катанаева сходятся и с другими мнениями. Так, Г.Н. Потанин свидетельствовал, что «здешний казак – ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: так, например, казаки охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице «С волками жить – по-волчьи выть»³⁹⁵. Н. М. Пржевальский, характеризуя коммуникативное пространство отношений казачества и «инородцев», резюмировал: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих «инородческих» соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников»³⁹⁶. Член Степной комиссии А.К. Гейнс, не скрывая беспокойства, сетовал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать a priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала

³⁹⁵ Потанин Г.Н. Заметки о сибирском казачьем войске... С.306.

³⁹⁶ Пржевальский Н. М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299–300.

русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи»³⁹⁷.

Вместе с тем, невзирая на близость, обусловленную совместным проживанием, и, как следствие, некоторым сближением культурных типов, почва для конфликтов между казачеством и «инородческими» аулами оставалась весьма благоприятной. В хозяйственно-экономическом плане основная причина заключалась в неудобстве расположения кочевий коренного населения, местоположение которых определялось по остаточному принципу. Г.Н. Потанин определял ареал оседлости казачьих станиц в Сибири, включая и Степной край, таким образом: «Настоящие размеры этого войска, называющегося сибирским, следующие: оно состоит из ряда станиц, который начинается у восточной границы Оренбургской губернии, у Звериноголовской крепости, упирается потом в Иртыш у города Омска; потом тянется вверх по Иртышу почти на 900 верст до китайской границы; от Иртыша, возле города Усть-Каменогорска, отделяется ветвь внутрь Томской губернии, которая оканчивается близ города Бийска, то есть почти упирается в верхние части Оби. Из этого видно, что территория этого войска представляет непрерывную, но чрезвычайно растянутую узкую полосу земли»³⁹⁸. К этому необходимо добавить, что в распоряжении казаков в степной части сибирской ойкумены находились лучшие территории по берегам Иртыша «с богатейшими заливными полосами..., которые служили главной приманкой для кочевника-скотовода»³⁹⁹. В ходе обследований 1896 – 1902 гг., произведённых экспедицией Ф. А. Щербины, когда в поле зрения экспедиционеров попало 12 уездов Степного края (в том числе, Акмолинской и Семипалатинской областей), выяснилось, что большинство

³⁹⁷ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 117.

³⁹⁸ Потанин Г.Н. Заметки о сибирском казачьем войске... С.307.

³⁹⁹ Борсукбаева А.М. Указ. соч. С.70.

«инородческих» хозяйств располагалось вне речной зоны, на степной стороне со скудной растительностью и дефицитом кормовой базы⁴⁰⁰.

В 10-и вёрстной полосе вдоль Пресногорьковской линии Петропавловского уезда казаки и крестьяне-переселенцы вытесняли автохтонов, сопровождая этот акт возмутительными комментариями: «не дают Царю солдат», «живут в норах, как звери», «земли больше, чем у наших помещиков» и т.д. В данной ситуации не считалось зазорным выкашивать аульные луга, вырубать лес, растаскивать камень для собственных хозяйственных построек. В результате экспедиция Ф.А. Щербины пришла к выводу, что «если вместо вялого, инертного в хозяйственном отношении казачества придёт... более энергичный крестьянин-переселенец, то кочевнику не выдержать конкуренции с ними»⁴⁰¹.

Кроме прочего, добрососедским отношениям не сопутствовала финансовая зависимость «инородцев» от Сибирского казачьего войска. Поборы с коренного населения являлись одним из основных источников доходов казачества. А.К. Гейнс в связи с данной ситуацией отмечал: «Захватом киргизских земель, обирательством и всевозможными насилиями они поселяют в киргизах враждебность ко всему русскому населению»⁴⁰².

У живущих на землях Сибирского казачьего войска автохтонов с пастбищ взимались следующие виды плат: «кок алым»- налог за зелень по отаве на скошенных казачьих лугах; «туякакша» - покопытный сбор за пастьбу скота по снегу на невыкошенных лугах; «ак торык» - плата за пастбища в ковыльной степи на войсковых землях правобережья Иртыша. «Инородцы», живущие на казачьих землях, имели право только зимовать со своим скотом на этих землях. Поэтому лето все аулы проводили на своих родовых жайлау. Плата за «кок алым» была различна, и в

⁴⁰⁰ Там же. С. 70.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² *Каженова Г.Т.* Указ. соч. С.49.

зависимости от усмотрения казаков-владельцев участков колебалась от 30 коп. до 4-5 руб. с хозяйства. В материалах экспедиции Ф.Щербины приведены следующие размеры «туяк акши» с головы скота в Уруковской волости: с овцы от 2 до 3 коп., с коровы 4-5 коп., с верблюда 4-5 коп., с лошади от 5 до 30 коп. Плата за «ак торык» тоже колебалась от 40-50 коп. до 2 руб., а иногда и более⁴⁰³.

Подводя итоги, Ф.Щербина называл следующие цифры оплаты, которые 6736 казахских хозяйств, живущих на казахских землях, вносили ежегодно в пользу казаков:

- 1) платежи за усадьбы (подымныс) - 7 557 р. 89 к.
- 2) платежи за покосы - 76 820 р. 70 к.
- 3) платежи за пастбища - 2 840 р. 80 к.

Итоговая плата: 89 219 р. 39 к.

Таким образом, становится ясно, что на одно «инородческое» хозяйство приходилось в среднем всех платежей 13 руб. 25 коп..

На основании проведённых исследований Ф. А. Щербина сделал общий вывод о причинах конфликтных отношений между казачеством и локальным сообществом «инородцев» Степного края, мотивируя своё резюме антогонизмами культурного свойства: «Чужим был и киргиз для Сибирского казака, хотя в быту Сибирских казаков замечались черты, сходственные с чертами в быте киргизского населения, но скользившие, так сказать, по поверхности быта, касаясь частью одежды, а частью пищи. В глухих местах, в близком соприкосновении с киргизами, казака по одежде иногда нельзя было отличить от киргиза; казаки охотно ели конину, особенно жеребят, пили кумыс и пр. На это влияли одинаковые естественные условия края, способствовавшие широкому развитию скотоводства в его примитивных пастбищных формах, чем и объяснялись преобладание в пище животных веществ и сходство некоторых видов

⁴⁰³ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд...С.80-82.

одежды, благодаря езде верхом и условиям степной жизни. Но наряду с этим соответствием этнографических черт, казачья идеология в области отправления обязанностей, характер казачьих порядков и управления, землепользование, отстаивание своих интересов на принципе казачьего права, идея общности казачьих войск и т. п. были так же далеки от идеологии киргизов, как небо от земли»⁴⁰⁴.

Казачи действительно чувствовали себя хозяевами степи, тем более, что колонизация степных областей входила в обязанность Сибирского казачьего войска. Г.Н. Потанин в этой связи отмечал: «Мы не можем сказать, отличается ли войско особенными колонизаторскими способностями; мы говорили уже, что некоторые из них имеют желание на переселение, но другие, напротив, с неохотой оставляют свою родину. Во всяком случае, колонизация киргизской степи не должна быть исключительно военно-поселенной, а рядом с последней должна идти и свободная колонизация, что удвоило бы наши успехи в Средней Азии»⁴⁰⁵.

Однако рост свободной колонизации, увеличение зоны образования переселенческих посёлков не уменьшили конфликтности, напротив, база конфронтации существенно расширилась.

В новых обстоятельствах казачество не только заявляло о готовности продолжить захваты земель кочевников, но ревниво и, как правило, недоброжелательно относилось к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Появление переселенцев с их жаждой земли угрожало не только кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Казачество, признавая социальную близость и русскую национальную общность с новоприходцами, демонстративно выделяли себя из крестьянской массы, а

⁴⁰⁴ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 349–350.

⁴⁰⁵ Потанин Г.Н. Заметки о сибирском казачьем войске... С.327.

экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский, рассуждая о судьбах сибирского казачества в пореформенный период, фиксировал, что к концу 1860-х гг., когда начали происходить трансформации во взглядах правительства на колонизацию Степных областей Западной Сибири, и в казачестве как в постоянно мобилизованной военной силе нужда отпала, возникло наивное убеждение, что казак моментально из воина превратится в землепашца. «Подобного превращения, – замечает Семёнов-Тян-Шанский, – не произойдет, не произошло: ни огромный земельный надел, ни дешёвый наёмный труд киргиз..., ни что это не сделало казака земледельцем и пропагандистом земледелия. Идеология казака господствовала здесь очень продолжительное время и в высшей степени тормозила попытки открыть край для колонизации его элементами...более способными...для роли земледельцев»⁴⁰⁶.

Показательно, что скепсис казачества по отношению к переселенцам формировался в двух плоскостях - как в ментальной, так и социально-экономической.

Будучи социально близкими русским переселенцам, имея с ними этническое и конфессиональное родство, казаки тем не менее демонстрировали свою инакость, несходство с русским крестьянином, идентифицируя себя в мозаичной среде региона следующим порядком: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом да казачьей сметкой. Нашего брата бьют на службе, когда на мужика похож»⁴⁰⁷.

Наплыв крестьян-переселенцев не только вызывал тревогу у казаков покушениями на их земельные владения, но и сопровождался стремлением

⁴⁰⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества...С.228.

⁴⁰⁷ Катанев Г. Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1893. Кн. XV. Вып. II. С. 22.

оградить собственную казачью культурную идентичность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угодьям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков их «кусок хлеба», захватывают пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак»⁴⁰⁸.

Росту конфронтации между казачеством и русским переселенческим элементом активно способствовал, по нашему мнению, плохо организованный и поэтому малопродуктивный эксперимент по организации совместной хозяйственной деятельности локальных сообществ. Представители высшей административной бюрократии, демонстрируя изменившиеся приоритеты в выборе основного субъекта колонизации, старались презентовать фигуру переселенца в качестве идеального земледельца, по выражению П.П. Семёнова-Тян-Шанского, «инструктора» земледелия не только для кочевников-киргиз, но и для оседлого казачества⁴⁰⁹. Так, в Акмолинской станице казаки, руководствуясь советами и опытом переселенцев, пытались производить посевы, но ряд неудач привёл их к заключению о непродуктивности местных почв. В то же время крестьяне-переселенцы из России, начав пахать не сохами, а плугами, добились хороших урожаев, продемонстрировав тем самым свои навыки профессиональных землепашцев. Поселившись в Павлодарском уезде, мигранты из Европейской России научили казаков обрабатывать места, считавшиеся с момента заселения Иртышской линии бесплодными⁴¹⁰.

Некоторому сближению казачества с крестьянством способствовала

⁴⁰⁸ *Уралец*. Почему обеднели казаки // Великая Россия: сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., 1911. С. 211–212.

⁴⁰⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества... С.228.

⁴¹⁰ Там же.

и эволюция форм хозяйственной деятельности военного сословия от скотоводческо-промыслового к полунатуральному земледельческому. В 1890-е гг. казачество динамично эволюционировало, превращаясь в «военного крестьянина», т.е. земледельца, отбывающего воинскую повинность.

А.Е. Новосёлов писал: «Жизнь продиктовала ему (казаку – Б.Т.) условия современной экономической формации и заставила принять их полностью...В несколько лет рухнули и расплылись устои прежнего хозяйства...». Грань между казаком коренным и приписным сразу стусеивалась»⁴¹¹. Казаки усиленно заимствовали в этот период крестьянский опыт и практики: использовали плуг, волов вместо лошадей, заводили бахчи и т.п. Г.Е. Катанаев констатировал: «...Большинство сандыктавцев новь поднимает не лошадьми, а волами и не сохами, а плугом (малороссийским)... Большинство обстоятельных зажиточных и заботливых пахарей по примеру крестьян в деревне Владимировке (Воронежских переселенцев), водворившихся здесь, ввели в обиход новое орудие обработки почвы - рало....Кроме рала местными зажиточными казаками начинают покупаться у тех же владимировцев молотилки местного производства»⁴¹². У того же Г.Е. Катанаева находим: «Нельзя не признать, что бывшие улутавцы-скотоводы делают весьма заметные шаги по пути хозяйствования. Земледелие, еще весьма недавно игравшее третьестепенную роль, теперь выдвинулась на первый план... Казаков, не занимающихся хлебопашеством, почти нет... Бедняки складываются кампаниями и пашут сообща...»⁴¹³.

Однако казаки, перенимая крестьянский опыт, заимствовали и модели организации земледелия: «Пашем, где соха и коса ходит...». В.А. Остафьев, характеризуя восприятие казачеством крестьянских экстенсивных технологий, отмечал: «Каждый пахал и сеял, где пожелает

⁴¹¹ Невесов А (Новоселов А.Е.) Указ. соч. С. 80.

⁴¹² ГИАОО. Ф.336. Оп.1. Д. 417. Л. 10, 12.

⁴¹³ Там же. Л. 10.

и сколько времени хочет... Пашут и сеют, пока родит, а потом бросают землю. Так понемногу распахали все надельные земли, урвали, что можно, и теперь земля сильно выпахалась и далеко не дает уже таких урожаев, как давала новая»⁴¹⁴.

Во второй половине XIX в. для поддержания скотоводства казаки активно стали заниматься травосеянием. Учитывая зиму всего в три месяца и принимая в расчет весьма значительное количество овец и то, что «в счастливые зимы большая часть скота так же, как и у киргизов, остается на общественных выгонах», у казаков обнаруживался значительный излишек сена, который они продавали и иногда весьма выгодно⁴¹⁵.

Однако обязанность выходить на лагерные сборы и на действительную воинскую службу, не позволявшие многим из казаков в полном объеме выполнить весь цикл сельскохозяйственных работ, единовременные непроизводительные затраты на покупку снаряжения и лошади и т.д. приводили к тому, что в конкуренции мелкотоварных хозяйств казачье сословие проигрывало крестьянскому.

В результате в экономических моделях поведения казачества и крестьян-переселенцев несходств наблюдалось гораздо больше, нежели совпадений. Более того, стереотипы этого поведения фиксировались и охранялись законодательно. Так, советник Акмолинского областного правления Т.И. Тихонов в докладе о нуждах оседлого и кочевого населения за 1903 г. отмечал, что и без того ограниченные лесные зоны Степного края власти, апеллируя к закону, охраняют от переселенцев, тем временем казакам предоставляются неограниченные возможности для ведения хищнического лесного хозяйства⁴¹⁶. Т.И. Тихонов в своём докладе констатировал, что переселенцы-новосёлы постоянно жалуются на недостаток лесных материалов, отпускаемых на усадебные и

⁴¹⁴ Остафьев В.А. Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб., 1897. С. 153.

⁴¹⁵ Красовский М.И. Указ. соч. С. 224.

⁴¹⁶ Степной край. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. С.34.

хозяйственные постройки. В то же время «по так называемой «Горькой линии», по которой проходит железная дорога, масса заготовленных берёзовых дров...Всё это сплошь вырубаемый лес казачьих станиц и офицерских участков»⁴¹⁷.

Не последнюю роль в формировании и эскалации конфликтов казачества с русскими переселенцами играл характер распределения мигрантов в границах колонизируемых территорий. В первую очередь это касалось южных районов Семипалатинской области, а именно Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов, где до начала XX века не были установлены нормы киргизского землепользования. Отсутствие юридических критериев землеобеспечения и официально отмежёванных, подготовленных для принятия переселенцев участков приводило к тому, что переселенцы шли коротким путём: вдоль бассейна Иртыша, в направлении казачьих станиц, что неизбежно приводило к конфронтации⁴¹⁸.

Таким образом, процесс включения казачества в этническое и социокультурное пространство Степного края осуществлялся в условиях осознания локальной группой своей сословной идентичности и культурного превосходства над другими сообществами региона. В этой системе координат соответствующим образом выстраивались отношения военнослужащих Сибирского казачьего войска как с «инородцами» края, так и постоянно прибывавшими в Степной край переселенцами из Европейской России.

К числу основополагающих факторов, определивших сложности, связанные с инкорпорацией казачества в социокультурный контекст колонизируемых территорий степных областей Западной Сибири, по нашему мнению, необходимо отнести следующее.

⁴¹⁷ Там же. С.35.

⁴¹⁸ Г. К вопросу о заселении южных уездов Семипалатинской области // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 189-190.

Во-первых, в период, предшествовавший массовым аграрным переселениям в регион, казачество расценивалось имперской властью в качестве основного субъекта колонизации, выполнявшего важнейшие военно-политические функции и, как следствие, именно с казачеством имперская бюрократия связывала перспективы русификации Степного края. Всё это не могло не оказать влияния на территориальное размещение казачьих общин в пределах степных областей края, предоставление сословию определённых преимуществ в расселении, образе жизни, ведении хозяйственных занятий, так или иначе ограничивавших правовые и экономические свободы коренного населения.

Во-вторых, с активизацией переселенческого движения в Степной край, сменой колонизационной парадигмы в общественно-политическом дискурсе и правительственной политике начинает обсуждаться вопрос о недостаточной эффективности казачьей колонизации, низком культуртрегерском потенциале локального сообщества казаков в колонизируемом регионе.

В результате происходивших процессов казачество неуклонно утрачивало позиции основного субъекта колонизации края. Упразднение имперских задач, связанных с военным завоеванием, и ориентация властей на аграрное освоение постепенно выводили казачество и их деятельность из спектра первоочередных интересов Российского государства на восточных окраинах страны. Обратной стороной данного явления становилась актуализация стереотипов социального, экономического, культурного поведения лиц казачьего звания, что усиливало их сословную замкнутость и субэтнический изоляционизм.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. эскалация переселений и, как следствие, прирост населения в областях Степного края, сопровождались выработкой практических решений, направленных на подтверждение имперского участия в колонизации региона. Фиксация включённости государственных структур в управление, организацию

хозяйственно-экономических и социальных отношений в колонизируемых местностях происходила по нескольким направлениям. Во-первых, это выразилось в предоставлении местной бюрократии широких полномочий, что формально объяснялось отдалённостью осваиваемых областей от центра страны и управления. Во-вторых, провозглашение аграрной колонизации как генерального политического курса коренным образом изменило воззрения властей на субъектов колонизационного процесса и, как следствие, масштаб и характер принимаемых решений. Выбор крестьянства в качестве доминантной фигуры имперского освоения региона привёл к «перезагрузке» моделей управления, изменениям в составе чиновничьего контингента, что в значительной степени способствовало усилению кадрового состава аппарата управления краем, привлечению к практической колонизационной деятельности широкого круга профессиональных специалистов, чья роль в условиях «размытого» законодательства стабильно возрастала. Наконец, в-третьих, ставка на российское крестьянство как решающий элемент аграрной колонизации привела к актуализации имперских приоритетов в решении «инородческого» и казачьего вопросов, что проявилось в окончательном закреплении принципов «собственнической» политики в отношении коренного населения края, а также в полном отказе имперских властей от политики прямого завоевания территорий, лежащих в сфере геополитических интересов Российского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XX вв. Степной край начинается включаться в орбиту колониационной деятельности России, тем самым регион оказывается в фокусе имперского проекта, направленного на вовлечение территорий Акмолинской и Семипалатинской областей в общеимперский организм посредством распространения земледельческих практик.

Рост нелегитимного переселенческого движения в степные области, наметившийся в 1870-х – начале 1880-х гг., стал своеобразным импульсом, обеспечившим включение общества и власти в дискурс о потенциале и перспективах аграрной колонизации региона, исторически являвшегося объектом геополитических интересов империи и обладавшего мозаичным в этническом и конфессиональном отношении составом населения.

Наиболее детально позиции общественного дискурса были репрезентированы в публицистических статьях, научных монографиях, сборниках статей, запечатлевших либеральный и национально-консервативный форматы рефлексии проблемы аграрной колонизации степных пространств Западной Сибири. Страницы центральных и региональных изданий стали «полигоном» обсуждения концепции о месте Сибири и отдельных её регионов в составе России, вариантах распространения государственной юрисдикции в пределы слабоосвоенных территорий. Кардинальное расхождение во взглядах на потенциал и перспективы колонизации Степного края в либеральном и консервативном сегментах дискурса был обусловлен принципиально различным пониманием путей развития и будущего российских колоний. Либеральное видение основывалось на признании тезиса о неизбежном отделении колонии от метрополии. В соответствии с этим тезисом имперские власти, по мнению его сторонников, должны были максимально покровительствовать своим колониальным владениям, предоставляя широкий спектр экономических, политических и социальных свобод,

подготавливая благодатную почву для реализации федералистских идей и построений.

Представители национально-консервативного спектра дискурса в качестве главной колонизационной цели постулировали идею национальной безопасности. Ориентируясь на опыт западных окраин в составе Российской империи, сторонники консервативной линии настаивали на мерах, направленных на активное включение имперских структур в колонизационный процесс. В отношении Степного края, мультиэтничного и поликонфессионального, практики русификации, иницилируемые государством, представлялись им эффективным способом вовлечения территорий степных областей в общеимперское пространство.

Точкой соприкосновения дискурсов являлось признание российского крестьянства как доминирующего субъекта аграрной колонизации региона, что в значительной степени стимулировало разработку имперского проекта земледельческого освоения региона и выработку властью соответствующих практических решений.

Интенсивность общественного дискурса по проблеме аграрной колонизации Степного края стимулировала реакцию центральных и региональных властей, ускорила обсуждение перспектив земледельческого освоения колонизируемого региона, репрезентируемого в официальном делопроизводстве второй половины XIX – начале XX вв. Дискурс власти в указанный период продемонстрировал важные изменения в представлениях власти о задачах колонизации степных областей, произошёл «дрейф» от принципов военного завоевания региона к принципам мирного его освоения. Соответствующим образом во властном дискурсе главным субъектом колонизации становится фигура крестьянина-переселенца, что фиксировалось в дискредитации культуристского потенциала казачества и обсуждении мер, направленных на «взросление» коренного населения края, переход его в оседлое состояние. Сервильная высшая региональная бюрократия Западной Сибири становится

проводником имперского подхода к аграрной колонизации Степного края, активно транслируя имперские представления о путях и способах колонизации края, всячески поддерживая идею активизации переселенческого движения. На уровне местных администраций отношение к русской аграрной колонизации являлось более сдержанным, что было обусловлено опасением эскалации социальных и этнических конфликтов в условиях резкого притока миграционного элемента. В результате к концу XIX столетия сформировалась компромиссная модель, предполагавшая постепенное включение «иностранного» населения в российское социокультурное пространство, которая в начале XX в. в связи с активизацией переселений трансформировалась в собственническую позицию власти по отношению к коренному населению, их образу жизни и хозяйственному укладу.

Обсуждение вопроса о путях, методах и перспективах аграрной колонизации Степного края, выявление «узких» мест и проблем, связанных с земледельческим «продвижением» империи в границы степных областей, приводили к выработке соответствующих законодательных решений и нормативно-правовому регулированию социально-политических и хозяйственно-экономических процессов в регионе. Аграрная колонизация Степного края осуществлялась в рамках универсальной модели российского колонизационного процесса, когда вольно-народные практики переселения на новые территории становились предметом государственного внимания и законодательной фиксации постфактум. Однако в условиях степных окраин Сибири ситуация осложнялась тем, что регион давно находился в фокусе геополитических интересов России, а правовой статус населения – кочевого («иностранцы») и оседлого (казачество) - уже был законодательно оформлен. В условиях смены колонизационного курса и главного субъекта аграрной колонизации возникла объективная потребность пересмотра правового статуса коренного населения региона и казачества в таком варианте, который бы

усилил правовые преференции крестьянства. В результате принятых законодательных решений были ликвидированы основы военно-поселенческой модели организации жизни и деятельности казачьего сословия, сформулированы нормативно-правовые способы, направленные на ограничение кочевого образа жизни коренных жителей. В законодательной модели правообеспечения аграрной колонизации степных областей Западной Сибири нормативно-правовые акты, регулировавшие отношения названных локальных групп, начиная с 1880-х гг., были сопряжены и подчинены переселенческому законодательству, что окончательно закрепило имперские приоритеты в колонизационной практике.

Во второй половине XIX – начале XX вв. были сформулированы базовые принципы имперского участия в колонизации региона, выработаны практические подходы к реализации имперского проекта по «присвоению» Степного края Российским государством. В условиях территориальной отдалённости региона от центра, слабости инфраструктуры особая роль в реализации имперских представлений о месте степных областей в общегосударственном пространстве стала принадлежать региональному чиновничеству, получившему от центральных властей широкие исполнительные полномочия. В практической деятельности представителей региональной администрации имело место осознание всей сложности колонизационных проблем, их культурной и хозяйственно-экономической составляющих. В обстоятельствах регулярного прироста населения, вызванного переселенческим движением, возростала роль чиновников на местах, ответственных за водворение и обустройство мигрантов, урегулирование отношений между субъектами экономической деятельности в регионе. Следствием такого положения вещей стала организация исследовательских работ, направленных на выявление колонизационной ёмкости региона, проведение научной экспертизы территорий, вовлекаемых в ареал

земледельческого освоения. Проведение подобных мероприятий требовало не столько навыков администрирования, сколько научных знаний и интеллектуальных навыков, что явилось существенной предпосылкой включения в ряды чиновничества представителей науки и общества. Важным результатом вовлечения общественных сил в практическую работу по регуляции процесса аграрной колонизации Степного края стало частичное «примирение» либеральной интеллигенции, составлявшей значительную долю чиновничества на местах с властью, что позитивно сказывалось на ходе и результатах земледельческого освоения степных территорий. В то же время сложившийся и зафиксированный в практической работе центральных учреждений, регулировавших переселения, механизм деятельности по прецеденту фактически сводил к минимуму эффективность мероприятий местного чиновничества. «Всплески» миграционной активности населения предполагали, как правило, стандартный вариант реакции центральной власти, выраженный в расширении спектра мер запретительного характера. Всё это становилось благодатной почвой для самовольных переселений, нарушения нормальной логики водворения мигрантов, крайне запутывало и усложняло регулирование взаимоотношений сословных групп, принадлежащих к различным культурным типам.

Эффективность практических мероприятий властей, ориентированных на реализацию имперского проекта аграрной колонизации Степного края, непосредственным образом зависела от сбалансированного вовлечения сословий региона в региональный и общероссийский социокультурный контекст. Фиксация имперских приоритетов в законодательстве и принимаемых практических решениях, целиком и полностью отражала материальные и моральные преимущества крестьянства как главного субъекта колонизационного процесса в регионе. Формировавшаяся на рубеже XIX – XX вв. собственническая позиция в отношении коренного населения, исключение казачества из общеимперского контента

земледельческой колонизации существенно усложнили процессы социокультурной инкорпорации сословий региона. Преференции, закреплённые за крестьянами-переселенцами, способствовали преодолению напряжённости в отношениях радикальной интеллигенции и власти, но открывали «шлюзы» для форматирования новых моделей конфликтности. Трансляция российским крестьянством в земледельческие практики региона традиционных методов землепользования активно стимулировала рост напряжённости во взаимоотношениях переселенцев с коренным населением, эскалацию поземельных конфликтов и столкновений этнического характера, спровоцированных ущемлением прав «инородческого» сегмента сибирского социума.

Казачество, утратившее статус основного субъекта колонизации во второй половине XIX в., было практически полностью исключено из спектра социальной политики Российского государства на востоке страны. Этот процесс реализовывался на фоне уже сложившихся в предшествующий период поведенческих стереотипов сословия, социальной идентичности казачества, выражавшейся в осознании особой государственной миссии, возложенной на представителей данного сообщества. Реакцией на ограничение правового и сословного статуса стала интенсивная трансформация казачества в субэтническую общность с характерным для таковой социальной замкнутостью, что находило выражение в интенсивной включённости лиц казачьего звания в систему конфликтных отношений с другими социальными группами.

Таким образом, имперский проект аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. являлся продуктом совместной деятельности власти и общества. В реальных обстоятельствах колонизационного процесса и в практической деятельности центральной, региональной и местной власти имперский проект земледельческого освоения степных областей Западной Сибири приобрёл отчётливые признаки концепции «внутреннего империализма», что выразилось в

формировании форсированной модели включения территорий Степного края в общеимперское пространство.

Список использованных источников и литературы:

I. Архивные источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.1149. Департамент законов Государственного совета. Оп.12. Д.31.

Ф. 1233. Комитет для улучшения мер по изучению сельского хозяйства.

Оп. 1. Дд. 10, 59.

2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

Ф. И-19. Заведующий переселенческим делом в Семипалатинском районе главного управления землеустройства и земледелия г. Верного Семиреченской области. Оп. 1. Дд. 2, 5, 11, 116, 128, 396.

Ф. И-64. Фонд канцелярии Степного генерал-губернатора (1868-1917). Оп.1. Дд. 125, 242, 345, 354, 355, 395, 643, 1168, 1186, 4230.

Ф. 333. Акмолинский областной суд (1881-1899). Оп.1. Д.148.

Ф. 369. Акмолинское областное правление МВД. Оп.1. Дд. 2399, 2477, 3722, 4591.

3. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО)

Ф.2.Сибирский генерал-губернатор. Оп.1, Д.116.

Ф.3. Главное управление Западной Сибири. Оп.5. Д.7323; Оп.7. Д.11587; Оп.8. Дд. 13315, 13334.

Ф.67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Оп.2. Д.2042.

Ф.86.Западно-Сибирский отдел ИРГО. Оп.1. Дд.1, 9, 17, 35.

Ф.355. Чиновник особых поручений переселенческого управления. Оп.1. Д.3.

II. Законодательные и справочно-статистические материалы

1. *Адрес-календарь* должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернатора. Омск: Тип. Акмолинского областного правления, 1892. 116 с.
2. *Азиатская Россия*: в 3 т. с атласом (полный комплект). –СПб.: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т.1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 576, II с.: ил., 69 л.ил., карт. Т. 2: Земля и хозяйство. [4]. 638 с.
3. *Волости* и населённые места. Вып.5. Семипалатинская область. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1895. 20 с.
4. *Врачебные* и фельдшерские пункты переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906-1910 гг. Составлено врачом Санниковского (Батагоринского) Переселенческого пункта С.Б. Немцовым в 1911 году. Омск: Сибирская электропечатня и хромолитография Н.А. Иванова, 1911. 23 с. + приложения.
5. *Всепоподданнейший* отчет статс-секретаря Куломзина А.Н. по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. Тип., 1896. 187 с.
6. *Высочайше* утвержденные Временные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев. // Собр. Узак. 1904 г. 24.08.04 г. Отд. I, ст. 1390.
7. *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. В 4 т. Т.1. СПб: «Наука», 2000. 302 с.
8. *Жилища* переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб.: Тип. МВД, 1902. 212 с.
9. *Итоги* переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. Составитель Турчанинов Н. СПб: изд. Переселенческого управления, 1910. 85 с.

10. *Колонизация* Сибири в связи с общим переселенческим вопросом.
СПб.: канцелярия Комитета Министров, 1900. 375 с.
11. *Краткий Исторический Очерк Семипалатинского Края* [Электронный ресурс]: до 1917года. Семипалатинск: Семгубиздат, 1927. 36 с.
12. *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии. Отчет о двухмесячной командировке старшего чиновника особых поручений при Тобольском губернаторе Н. Я. Новомбергского. Вып. 1. Тобольск, 1898. 320 с.
13. *Материалы* по земельному вопросу в Азиатской России. Выпуск VI. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. Составил В.А. Тресвятский. Петроград: типография М.П. Фроловой, 1918. 41 с.
14. *Материалы* по земельному вопросу в Азиатской России. Выпуск VIII. Журналы комиссии по вопросам переселения и колонизации. Петроград: типография М.П. Фроловой, 1918. 76 с.
15. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Акмолинской областей. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, б.м. 1902. 401 с.
16. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Том II. Воронеж, 1902. 226 с.
17. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. имуществ / Акмолинская область, Акмолинский уезд. Чернигов, 1909. 183 с.
18. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // Департамент гос. зем. Имуществ / Акмолинская область, Атбасарский уезд. Чернигов, 1902. 538 с.

19. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф.А.Щербины. Т.IV, Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. 268 с.
20. *Материалы* по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Акмолинской области. Акмолинский уезд. Повторное исследование. СПб., 1913. 387 с.
21. *Материалы* по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Акмолинской области. Кокчетавский уезд. Повторное исследование. СПб., 1913. 380 с.
22. *О добровольном* переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т.IX. № 6198. СПб., 1885-1916.
23. *Об управлении* инородцев: Высочайше утверждённый Устав 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. СПб., 1830.
24. *Обзор* Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882. 74 с.
25. *Обзор* Акмолинской области за 1898 год. Омск, 1900. 117 с.
26. *Обзор* Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. 142 с.
27. *Общий* свод по империи разработанных данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. СПб., 1905.
28. *Описание* Семипалатинского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб.: Типография «Сельского вестника», 1911. 16 с.
29. *Пален К.К.* Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. СПб.: Сенаторская типография, 1910. 132 с.

30. *Памятная* книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый). Адрес-календарь и географические сведения / Сост. И.А. Козлов. Омск: Изд. Акмол. обл. правления, 1887. 203 с.
31. *Памятная* книжка Акмолинской области. Омск: Изд. Акмол. обл. стат. Комитета, 1913. 462 с.
32. *Памятная* книжка Западной Сибири на 1881 г. Омск: Тип. Окружного штаба, 1881. 390 с.
33. *Памятная* книжка Западной Сибири на 1882 г. Омск: Тип. Окружного штаба, 1882. 393 с.
34. *Памятная* книжка и Адрес-Календарь Акмолинской области / под ред. Н. Домнина. Омск: Изд. Акм. обл. стат. Комитета, 1909. 243 с.
35. *Памятная* книжка Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск: Издание Семипалатинского статистического комитета, 1897. 60 с.
36. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб.: Издание ЦСК МВД 1905. 147 с.
37. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. LXXXI. Акмолинская область. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1904. 162 с.
38. *Поездка* в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб.: тип. Суворина, 1911. 170 с.
39. *Положение* об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск: Типография А.К. Демидова, 1893. 210 с.
40. *Приложения* к Всеподданейшему отчёту статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Государственная типография, 1896. 251 с.
41. *Россия*: полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей т. 1-19/ под ред. В.П.

- Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Императорского Русского географического общества и проф. В.И. Ламанского, пред. Отделения этнографии Императорского Русского географического общества ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб.: Издание А.Ф. Девриена , 1899-1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903. VIII. 478 с.
42. *Россия*. Законы и постановления. Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. 410 с.
43. *Сборник* географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Издание военного учёного комитета Генштаба, 1883. Вып. I. 328 с.
44. *Сибирские* переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов. Новосибирск: Издательский дом "Сова", 2006. С.7-36.
45. *Тема* Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Аннотированный библиографический указатель / под ред. Н.Н. Родигиной. В 2-х т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 388+344 с.
46. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Степной край. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 119 с.

III. Периодические издания

Журналы

1. *Век*: общественный, политический и литературный журнал / ред. Г.З. Елисеев. СПб., 1861-1862. 1861. № 15-22.
2. *Военный* сборник: ежемесячный военный журнал на русском языке, официальный орган Военного министерства Российской империи / ред. В. М. Аничков, Н.Н. Обручев, Н.Г. Чернышевский. СПб., 1858—1917. 1878. № 4.

3. *Вопросы* колонизации: периодический сборник / ред.: № 1 - О. А. Шкапский, № 2-3 - Г. Ф. Чиркин и А. В. Успенский, № 6-19 - Г. Ф. Чиркин и Н. А. Гаврилов, № 20 - Г. Ф. Чиркин. № 1 (1907)-№ 20 (1917). СПб., Петроград, 1907-1917. 1907. №1, 2; 1908. № 3; 1910. № 7; 1912. № 11; 1914. № 14.
4. *Дело*: литературно-политический журнал / ред. Г.Е. Благосветлов. СПб., 1866-1888. 1867. № 8; 1871. № 8, 11; 1872. № 5, 6.
5. *Журнал для всех*: ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал / ред. Д.А. Геник, П.В. Голяховский. СПб., 1895-1906. 1902. № 7.
6. *Журнал* министерства юстиции / ред. В.Ф. Дерюжинский. СПб., 1859-1917. 1908. № 6.
7. *Записки* ЗСОИРГО: издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1878-1927. 1893. Кн. XV, XVI; Омск, 1894. Кн. XVII; 1897. Кн. XXI; 1900. Кн. XXVII.
8. Записки ЗСОРГО. 1927. Т. XXXIX. Юбилейный.
9. *Землеведение*: периодическое издание Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии / ред. Д.Н. Анучин. М., 1894-1917. 1902. Кн. 2, 3.

10. *Наблюдатель*: ежемесячный литературный журнал / ред. А.П. Пятковский. СПб., 1882-1904. 1891. № 8.
11. *Образование*: литературный и общественно-политический журнал / ред. А. Острогорский. СПб., 1892-1909. 1907. № 12.
12. *Отечественная история*: журнал Российской академии наук / ред. К.Ф. Шаццлло и др. М., 1992-2008. 2001. № 1.
13. *Родина*: ежемесячный, российский, исторический, иллюстрированный журнал / ред. Ю.А. Совцов, В.П. Долматов, Ю.А. Борисёнок, В.А. Фронин. М., 1989 – по н.в. 2000. – № 5.
14. *Русское богатство*: ежемесячный литературный и научный журнал / ред. Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко. СПб., 1876-1918. 1899. № 3.
15. *Русский архив*: ежемесячный историко-литературный журнал / ред. П.И. Бартенев. 1863-1917. 1885. № 7.
16. *Русский вестник*: литературный и общественно-политический журнал / ред. М.Н. Катков. М., СПб., 1856-1906. 1882. Т.157, Т.160; 1883. Т.164; 1884. Т.174; 1885. Т.177; 1886. Т.182; 1890. Кн.11; 1906. Кн.12.
17. *Сельское хозяйство и Лесоводство*: журнал министерства государственных имуществ / ред. Ф.А. Баталин. СПб., 1841 – по н.в. СПб., 1883. №1.
18. *Сибирские вопросы*: периодический сб., с 1906 г. – независимый прогрессивный журнал О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта / ред. П. М. Головачёв, с 1909 г. – ред. А. И. Иванчин-Писарев; изд. В. П. Сукачев, 1905–1913. СПб.: тип. Альтшулера, с августа по ноябрь 1908 г. Тип. И. Флейтмана. С 1-го июля 1906 г. – ежемес. С 1-го апреля 1907 г. (с № 4). Еженед. 1912. № 18.

Газеты

1. *Восточное обозрение*: лит. и полит. газета. Иркутск. Ежедн. 1882. № 12, 13, 19; 1883. № 23; 1885. № 5; 1887. № 3; 1888. № 5, 50.
2. *Киргизская степная газета*: особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским обл. ведомостям. Омск, 1888-1905. 1894. 19 мая.
3. *Собрание передовых статей Московских ведомостей*. М., 1897. 1877-1884 гг.
4. *Степной край*: обществ.-полит. и лит. газ. / ред.-изд. Л. К. Чермак. Омск, 1893–1905. 2–3 раза в нед. 1895. 19 октября. № 76.

IV. Материалы личного происхождения

1. *Бабков, И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875 гг. / И.Ф. Бабков. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1912. 575 с.
2. *Гейнс, А.К.* Дневник 1865 г. Путешествие по киргизским степям / А.К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т.1. СПб., 1897. 597 с.
3. *Катанаев, Г.Е.* Очерки былого / Г.Е. Катанаев. Омск: Омскбланкиздат, 2012.
4. Письма Г. Н. Потанина. В 5 т. Т. 5 . / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркутского, ун-та. 1991.

V. Исследовательская литература

1. *Imperium inter pares*: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. 392 с.

2. *Абдиров, М. Ж.* Военно-казачья колонизация Казахстана (конец XVI - нач. XX в.): Опыт историко-эволюционного анализа: дисс.... докт. истор. Наук / М.Ж. Абдиров. Алматы, 1997. 267 с.
3. *Абдрахманова, Б.М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б.М. Абдрахманова. Астана, 1998. 137 с.
4. *Агафонов, О.В.* Казачьи войска Российской империи / О.В. Агафонов. Калининград: Наука, 1995. 556 с.
5. *Айзикова, И.А., Макарова, Е.А.* Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860-1890-х гг.: проблема диалога / И.А. Айзикова, Е.А. Макарова. Томск: Изд-во Том. университета, 2009. 266 с.
6. *Айтмагометов, Д.Р.* Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области) / Д.Р. Айтмагометов. Дис ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с.
7. *Акатай, С.* Колесо истории не повернуть вспять. К вопросу о формировании и закате конно – кочевой цивилизации / С. Акатай. Астана: Изд-во: «Мысль», 2001. 265 с.
8. *Артыкбаев, Ж. О.* Казахское общество: традиции и инновации / Ж.О. Артыкбаев. Астана: Изд-во: «Мысль», 2003. 290 с.
9. *Асфендияров, С.Д.* История Казахстана (С древнейших времен). 2-е изд-е: Учебное пособие / С.Д. Асфендияров. Алма-Ата.: Казак университеті, 1993. 304 с.
10. *Асылбеков, М.Х.* Развитие сети железнодорожных дорог Казахстана в конце XIX- начале XX века. // Казахстан в канун Октября. Сборник статей / Под общей ред. д.и.н., профессора П.Г. Галузо. Алма-Ата: изд. «Наука» Казахской ССР, 1968. С. 178 – 213.

11. *Атушева, С.* Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества / С. Атушева. Астана: Изд-во: «Мысль», 2000. 322 с.
12. *Балакшин, Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах / Н.Н. Балакшин. СПб.; Тип. МВД, 1887. 56 с.
13. *Безвиконная, Е.В.* Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. / Е.В. Безвиконная. Омск: Б.м., 2005. 239 с.
14. *Бекмаханов, Е.Б.* Присоединение Казахстана к России / Е.Б. Бекмаханов Алма-Ата: АН СССР, 1957. 337 с.
15. *Бекмаханова, Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма(60-е годы XIX в. - 1917 г.) / Н.Е. Бекмаханова. М.: «Наука», 1986. 246 с.
16. *Бельбаева, А. А.* Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазГУ. Серия историческая. 1998. № 10. С. 78 – 82.
17. *Борзунов, В.Ф.* К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.97-107.
18. *Борсукбаева, А.М.* Колонизаторская политика царизма в казахских землях XIX – начале XX вв. (на материалах Северо-Восточного Казахстана) / А.М. Борсукбаева. Дис... канд. ист. наук. Алматы, 2005. 120 с.
19. *Букейханов, А.Н.* Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Букейханов А. Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. 216 с.
20. *Букейханов, А.Н.* Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года / А.Н. Букейханов. Омск, 1902. 27 с.;
21. *Букейханов, А.Н.* Казахи: историко-этнографические труды / А.Н. Букейханов. Астана: «Алтын кітап», 2007. 248 с.

22. *Ваганов, О.А.* Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907 –1914 годы)// Исторические записки / Отв. редактор академик Б.Д. Греков. Вып. № 31. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 56-87.
23. *Валиханов, Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 105-109.
24. *Валиханов, Ч.Ч.* О мусульманстве в степи // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 71-76.
25. *Васильчиков, А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах // А.И. Васильчиков / Сочинения. В 2-х т. СПб., 1876. 1070 с.
26. *Венюков, М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М.И. Венюков. СПб.: Типография Безобразова, 1873. 575 с.
27. *Витте, С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С.Ю. Витте. СПб., 1912. 568 с.
28. *Воцинин, В.П.* О термине «колонизация» // В.П. Воцинин / О земле. Вып.2. М., 1922. 238 с.
29. *Галузо, П.Г.* Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869 – 1914 гг. / П.Г. Галузо. Алма-Ата: Наука, 1965. 345 с.
30. *Геллер, А.Б.* Переселенческая политика царизма и колонизация в Казахстане в XX веке (1900 – 1916 гг.) (по материалам бывшей Семиреченской области): автореф. дис... канд. ист. наук / А.Б. Геллер. Ленинград, 1964. 16 с.
31. *Головачёв, П.М.* Сибирь. Природа, люди, жизнь / П.М. Головачёв. М.: Тип. Сытина, 1905. 401 с.

32. *Горюшкин, Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917) / Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.
33. *Горюшкин, Л.М.* Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Л.М. Горюшкин / Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке» (Канада, Монреаль, 24-26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988.
34. *Горюшкин, Л.М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Л.М. Горюшкин / Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии» (Япония, Токио, 19-23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.
35. *Горюшкин, Л.М., Миненко, Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. 315 с.
36. *Гурвич, И.А.* Переселения крестьян в Сибирь / И.А. Гурвич. М.: Тип. «А. Левенсон и К^о», 1888. 342 с.
37. *Дамешек, Л.М.* «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. // Л.М. Дамешек / Сибирь на этапе становления индустриального общества: мат-лы международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. – С.105-108.
38. *Дубровский, С.М.* Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. М.: Издат. Академии наук СССР, 1963. 599 с.
39. *Дуров, А. В.* Краткий исторический очерк колонизации Сибири / А.В. Дуров. Томск: Тип. губернского правления, 1891. 60 с.
40. *Егембердиев, М.Ш.* Ресей империясының Оңтүстік Қазақстандағы орыстындыру саясаты (XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың

- басы): тарих ғыл. канд... дис. Авторефераты / М.Ш. Егембердиев. Алматы, 2006. 26 б.
41. *Емельянова, Т.Н.* Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности / Т.Н. Емельянова. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2004. 265 с.
42. *Ермекбай, Ж.А.* Из истории изучения Казахского края в Российской империи в XVIII – XIX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С.81-89.
43. *Ерофеева, И. В.* События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // И.В. Ерофеева / Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22.
44. *Ефремов, П.Н.* Столыпинская аграрная политика / П.Н. Ефремов. М.: Госполитиздат, 1941. 144 с.
45. *Әбенәв, Д.Қ.* XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басында қазақ жеріне орыс шаруаларының қоныстануы және оның зардаптары (Орал, Торғай облыстарының материалдары негізінде): тарих ғыл. канд... диссертация / Д.Қ. Әбенәв. Алматы, 2000. 130 б.
46. *Жумашева, Г.* Колониальная политика царизма в Мангышлаке (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Жумашева. Алматы, 1998. 25 с.
47. *Инсебаев, Т.А.* Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времён до XX века / Т.А. Исенбаев. Павлодар: НПФ - ЭКО, 2000. 240 с.
48. *Исаев, А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве / А.А. Исаев. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
49. *Исмағұлов, Ұ.Ш.* XX ғасырдың бас кезіндегі Батыс Қазақстандағы жер мәселесі (1900-1917 ж.ж.): тарих ғыл. канд. ... диссертация / Ұ.Ш. Исмағұлов. Алматы, 1995. 142 б.

50. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Изд-во «Дайк-пресс». 2006. Т. VII. Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. 594 с.
51. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. / сост. Н. Турчанинов. СПб.: Издание Переселенческого упр., 1910. 85 с.
52. Кабульдинов, З.Е. Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII - начале XX вв. (историко-демографический аспект) / З.Е. Кабульдинов. Павлодар: Издательство ПГУ им. С. Торайгырова, 2002. с. 47
53. Каженова, Г.Т. Казахи и сибирские казаки в историческом и социокультурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.) Дис... канд. ист. наук / Г.Т. Каженова. – Алматы, 2008. 140 с.
54. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, Изд-во «Поволоцкий и Ко», 1928. 385 с.
55. Кандеева, А.Г. Слово о Ядринцеве / А.Г. Кандеева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 160 с.
56. Карих, Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения: XIX – начало XX в. / Е.В. Карих. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 232 с.
57. Каронин, (Петропавловский) С. Куда и как они переселялись // С. Каронин // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М.: «Современник» 1986. 512 с.
58. Карпов, Н. Аграрная политика Столыпина / Н. Карпов. М.: «Наука», 1925. 241 с.
59. Касымбаев, Ж.К. Развитие джатачества как следствие социальной дифференциации казахского аула в XIX – начале XX века. // Ж.К. Касымбаев / Известия АН РК. Серия обществ. наук. Алма-Ата, 1992. № 6. С. 36 – 41.
60. Катанаев, Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске / Г.Е. Катанаев. Омск: Типогр. Окр. Штаба. 1904. 45 с.

61. *Катков, М. Н.* Идеология охранительства // М.Н. Катков / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800с.
62. *Кауфман, А.А.* Переселение и колонизация: [С прил.] / А. А. Кауфман. – СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1905. – IX, 349, 81 с. : табл. - (Библиотека "Общественной Пользы"). Ч. 1. Государство и переселения. 1861-1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.
63. *Кейлин, А.А.* Кризис переселенческого движения в Сибирь в период столыпинской реакции: автореф. дис ... канд. ист. наук / А.А. Кейлин. Пушкин, 1955. 18 с.
64. *Кирьяков, В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В.В. Кирьяков. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1902. 370 с.
65. *Клеменц, Д.А.* Население Сибири // Д.А. Клеменц / Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1908. С. 78–79.
66. *Коваляшкина, Е.П.* «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль / Е.П. Коваляшкина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 326 с.
67. *Козыбаев, М.К.* «История России есть история страны, которая колонизируется» // М.К. Козыбаев / Столичное обозрение. 2.05. 1998.
68. *Козыбаев, М.К.* История и современность // М.К. Козыбаев / Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Изд-во: «Галым». 1991. 256 с.
69. *Козыбаев, М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Кн.1 / М.К. Козыбаев. Алматы: Изд-во: «Галым», 2000. 248 с.
70. *Красовский, М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 3. / М. Красовский. СПб., 1868. 282 с.

71. *Кротт, И.И.* Новая локальная история: конструирование объекта и границ изучения // И.И. Кротт / Методологические проблемы исторического познания: сб. науч. тр. Отв. ред. В.Н. Худяков, И.И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С.53-59.
72. *Кузнецов, Д.В.* Работа администрации по заготовке колониционного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX века. // Д.В. Кузнецов / Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1999. С. 23 – 31. [Электронный ресурс] <http://omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1998/a023/article.shtml> от 15.04.2001.
73. *Леруа-Болье, П.* Колонизация у новейших народов / П. Леруа-Болье. Б.м. 1874. 526 с.
74. *Любавский, М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века // М.К. Любавский / Отв. ред. А.Я. Дягтерёв. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. 668 с.
75. *Матханова, Н.П.* Казахи в мемуарах миссионеров Русской православной церкви XIX в. // Н.П. Матханова / Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: Сб. материалов международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 75-79.
76. *Матханова, Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века / Н.П. Матханова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
77. *Миллер, А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // А.И. Миллер / Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.
78. *Минжуренко, А.В.* Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Минжуренко. Томск, 1977. 146 с.

79. *Михалева, Г. А.* Торговые и посольские связи России со Среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) / Г.А. Михалёва. Ташкент: «Фан», 1982. 92 с.
80. *Мұхатова, О.Х.* Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы – XX ғасыр): тарих ғыл. докт. ... дис. Авторефераты / О.Х. Мухатова. Алматы, 1999. 50 б.
81. *Мырзахметова, А.М.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук / А.М. Мырзахметова. Караганда, 2007. 186 с.
82. *Недбай, Ю.Г.* Сибирское казачье войско. Кн.3. / Ю.Г. Недбай. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2004. 398 с.
83. Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр исследований Национализма и Империи», 2004. 652 с.
84. *Ноздрин, Г.А.* Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Г.А. Ноздрин / Народнонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции, 19-21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 124-126.
85. *Огановский, Н.П.* Народное хозяйство Сибири / Н.П. Огановский. Омск: Изд. Центросоюза, 1921. 167 с.
86. *Остафьев, В.А.* Очерк Акмолинской области // В.А. Остафьев / Сведения о Сибири. СПб., Б.м., 1897. 151 с.
87. *Островский, И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма / И.В. Островский. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. 311 с.

88. *Погребинский, А.П.* Столыпинская реформа на Украине / А.П. Погребинский. Харьков, 1931. 265 с.
89. *Потанин, Г.Н.* Материалы для истории Сибири / Г.Н. Потанин. М.: Унив. типография (Катков и К) на Страстном бульваре, 1867. 172 с.
90. *Потанин, Г.Н.* Завоевание и колонизация Сибири // Г.Н. Потанин / Живописная Россия. СПб.; М., 1884. Т. 11. С. 31–48.
91. *Потанин, Г.Н.* Сибирские казаки // Г.Н. Потанин / Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под ред. П.П. Семенова. СПб., М.: Издание товарищества М.О. Вольфа. 1884. Т. XI. С. 107-116.
92. *Путинцев, Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / Н.Г. Путинцев. Омск: типогр. Окружного штаба, 1891. 185 с.
93. *Рахимбекова, А. К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: дис... канд. ист. наук / А.К. Рахимбекова. Алматы, 2004. 154 с.
94. *Ремнёв, А.В.* Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // А.В. Ремнёв / Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.)... С.102-105.
95. *Ремнёв, А.В.* Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // А.В. Ремнёв / Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994. С.5-31.
96. *Ремнёв, А.В.* Западные истоки сибирского областничества // А.В. Ремнёв / Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 142-146.

97. *Ремнёв, А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // А.В. Ремнёв / Сибирская заимка / <http://www.nsu.ru> (дата обращения: 22.09.2014).
98. *Ремнёв, А.В.* Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX в. / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
99. *Ремнёв, А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой) / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
100. *Ремнёв, А.В., Суворова, Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
101. *Ремнев, А.В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // А.В. Ремнев / *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
102. *Репина, Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. М.: Круг, 2011. 560 с.
103. *Рибер, А.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // А. Рибер / Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.
104. *Родигина, Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века / Н.Н. Родигина. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
105. *Родигина, Н.Н.* «Земля обетованная» или «каторжный край»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX века // Н.Н. Родигина / *Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр.* Новосибирск: НГПУ, 2002. С.24-34.

106. *Родигина, Н.Н.* Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Н.Н. Родигина / Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории. Сб. науч. тр./ Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2003. С.85-89.
107. *Родигина, Н.Н.* Российские губернаторы о переселении крестьян в Сибирь в 1860-1880-е гг. // Н.Н. Родигина / Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 1999. С.46-48.
108. *Рошер, В.* Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности / В. Рошер. М.: Типография Грачёва и Ко, 1869. 688 с.
109. *Рыскулов, Т.Р.* Избранные труды / Т.Р. Рыскулов. Алма-Ата: Казахстан, 1984. 260 с.
110. *Сагалаев, А.М., Крюков, В.М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности / А.М. Сагалаев, В.М. Крюков. Томск. Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
111. *Сариева, Р.Х.* Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р.Х. Сариева. Алматы, 2002. 33 с.
112. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск: Тип. Енисейского губ. Совета кооператоров, 1919. 223 с.
113. *Седельников, Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) / Т.И. Седельников. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
114. *Серповский, Н.* Переселения в России в древнейшее и новое время / Н. Серповский. Ярославль, Типо-лит. Г. В. Фальк, 1885. 185 с.

115. Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛЮ, 2007. 368 с.
116. *Скляр, Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Скляр. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1962. 588 с.
117. *Смағұлова, С.О.* Ұлттық интеллигенция және XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы қазақстандағы аграрлық мәселе: тарих ғыл. канд. ... дис. Авторефераты / С.О. Смағұлова. Алматы, 1999. 25 б.
118. *Сорока, Н.Н.* Крестьянские переселения и их влияние на экномику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX - начала XX вв.: дис... канд. ист. наук / Н.Н. Сорока. Омск, 2009. 190 с.
119. *Сулейменов, Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867 – 1904 гг.) / Б.С. Сулейменов. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 411 с.
120. *Сущинский, П.П.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новосёлов на Алтае / П.П. Сущинский. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 530 с.
121. *Таштемханова, Р.М.* Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р.М. Таштемханова. –Алматы, 1994. 28 с.
122. *Тихонов, Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в. / Б.В. Тихонов. М. Наука. 1978. С. 215 с.
123. *Толочко, А.П.* Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (кон. XIX-нач. XX вв.) // А.П. Толочко / Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана-Омск-Томск, 2003. С.98-99.

124. *Толыбеков, С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ / С.Е. Толыбеков. Алма-Ата: Наука, 1971. 534 с.
125. *Турсунбаев, А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан / А.Б. Турсунбаев. Алма-Ата: АН КазССР, 1950. 101 с.
126. *Турсунбаев, А.Б.* Казахский аул в трех революциях / А.Б. Турсунбаев. Алма-Ата: Наука, 1967. 484 с.
127. *Тынышпаев, М.* Материалы по истории казахского народа / М. Тынышпаев. Ташкент, 1925. 263 с.
128. *Уманец, Ф. М.* Колонизация свободных земель России / Ф.М. Уманец. СПб.: Б.м., 1884. 243 с.
129. *Уралец.* Почему обеднели казаки // Уралец / Великая Россия: сб. ст. по военным и общественным вопросам. М., 1911. С. 211–216.
130. *Усов, Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска / Ф. Усов. СПб.: Б.м., 1879. 243 с.
131. *Ухтубужский, П.* Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Жёлтая опасность // С послесловием В.М.Пуришкевича / П. Ухтубужский. СПб.: Типография Товарищества «Свет», 1913. 99 с.
132. *Холквист, П.* Российская катастрофа (1914-1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // П. Холквист / Россия XXI. М., 1998. № 11-12.
133. *Худяков, В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В.Н. Худяков. Томск: Изд-во ТГУ, 1986. 265 с.
134. Центральная Азия в составе Российской империи // Отв. ред. С.Н. Абашева, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмаханова. М.: НЛЮ, 2008. 464 с.
135. *Черников, В.С.* Крестьянская колонизация Северного Казахстана в конце XIX – начале XX века и ее социально-экономические последствия: дис. ... канд. ист. наук / В.С. Черников. М., 1966. 215 с.

136. *Чуркин, Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье / Г.Ф. Чуркин. СПб., б.г., б.м., 105 с.
137. *Чуркин, М.К.* Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах: дис. ... канд. ист. наук / М.К. Чуркин. Омск, 2000. 239 с.
138. *Чуркин, М.К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
139. *Чуркин, М.К.* Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) / М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 116 с.
140. *Шахматов, В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения) / В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. 206 с.
141. *Шиловский, М.В.* К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // М.В. Шиловский / Европейские исследования в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып.3. С.11-16.
142. *Шмачков, П.А.* Крестьянское переселение в Туркестан (1867 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. / П.А. Шмачков. М., 1961. 285 с.
143. *Шокай, М.* Тандамалы. Избранное / М. Шокай. Алматы: Кайнар, 1999-2004. Т. 1-2. 341 б.
144. *Шонанулы, Т.* Жер тагдыры - ел тагдыры / Т. Шонанулы. – Алматы: Санат, 1995. 224 б.

145. *Щербина, Ф.А.* Киргизская народность в местах крестьянских переселений / Ф.А. Щербина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 48 с.
146. *Эткинд, А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
147. *Ядринцев, Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...» / Сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 244 с.
148. *Ядринцев, Н.М.* Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. издание.
149. *Ядринцев, Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
150. *Якименко, Н.А.* О социальном составе крестьян-переселенцев в России в 80-х гг. XIX – начале XX вв. // Н.А. Якименко / Отечественная история. 1993. № 1. С. 174 - 182.
151. *Ямзин, И.Л., Воцинин, В.П.* Учение о колонизации и переселениях / И.Л. Ямзин, В.П. Воцинин. М.; Л.: Гос. издательство, 1926. 332 с.